

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

№ 3 (14)

научно-
теоретический
журнал

Выходит
4 раза в год

Основан
в 2006 г.

ТЕМА НОМЕРА: АМУРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1909 – 1910 гг.

От редакции 5

Демьяненко А.Н., Дятлова Л.А. Общий замысел
Амурской экспедиции 1910 года
и краткий обзор ее Трудов 7

Ли Е.Л. "Желтая угроза" или "желтый вопрос"
в трудах Амурской Экспедиции 1910 г. 29

СОЦИАЛЬНЫЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ

Устюгова О.А. Социальное положение
и общественная деятельность предпринимателей-
торговцев на юге Дальнего Востока России
во второй половине XIX в. 41

Власов С.А. Владивосток в годы хрущевской
"оттепели" 48

Шестак О.И. Стратификационная иерархия
дальневосточного общества в 1950-е – 1980-е годы 56

Коваленко С.Г. Экономика Дальнего Востока
во второй половине XX в. с точки зрения
синергетического подхода: постановка проблемы 71

Золотухин И.Н. Индонезия в зеркале
этноконфессиональной ситуации:
история и современность 79

КУЛЬТУРНЫЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ

Янчев Д.В. Жилые, промысловые, хозяйственные
и ритуальные постройки негидальцев
(середина XIX – XX вв.) 92

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И УПРАВЛЕНИЕ РЕГИОНОМ

Багрин Е.А. К вопросу о насилии русских
по отношению к коренному населению Восточной
Сибири и Дальнего Востока в XVII в. 100

Михалёва И.В. Функционирование национальной
судебной системы Республики Корея в контексте
политических процессов середины XX - начала XXI века 109

МИРОВАЯ СИСТЕМА И МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Голобоков А.С. Становление и развитие
внешнеполитической доктрины Китая 117

ЭМПИРИКА

Киреев А.А. Состояние и перспективы
трансграничных отношений российского Дальнего
Востока и Китая (по результатам экспертного опроса) ... 125

НАУКОВЕДЕНИЕ

Литошенко Д.А. Состояние регионоведческих исследований на юге Дальнего Востока России к концу первого десятилетия XXI в. **138**

КАФЕДРА

Ковылина Е.В. Применение ролевой игры при обучении корейскому языку как второму иностранному **148**

РЕЦЕНЗИИ

Караман В.Н. Первые владивостокцы **154**

Лукин А.Л. Китай и Восточная Азия: проблемы безопасности и великодержавная идентичность **158**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Дацышен В.Г. Конференция в Пекине: "Преподавание и исследование страноведения и культуры России" **163**

СОКРАЩЕНИЯ **165**

НАШИ АВТОРЫ **166**

Редакционная коллегия:

Т.Г. Римская (главный редактор), В.А. Бурлаков, М.Г. Ганопольский, А.Н. Демьяненко, Е.В. Журбей, И.Н. Золотухин, М.А. Калугина, В.Н. Караман, А.А. Киреев (ответственный редактор), Л.И. Кирсанова, В.В. Кожевников, А.М. Кузнецов, Ю.В. Латушко, Д.А. Литошенко, О.В. Лобода, А.Л. Лукин, Ю.А. Наумов, О.И. Шестак.

Учредитель: Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Владивостокский государственный университет экономики и сервиса".

Адрес редакции: 692000, Приморский край, г. Находка, ул. Озерная, д. 2.

Официальный сайт журнала: <http://www.ojkum.ru>

E-mail: oikomene@rambler.ru; ojkum@rambler.ru

Редактор электронной верстки: В.Н. Караман

Графическое оформление: Я.А. Барбенко, В.Н. Караман, В.В. Постников.

Корректор: В.В. Караман

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации – серия ПИ № ФС77-30578, выданное 12.12.2007 г.

OJKUMENA

Regional researches

№ 3 (14)

*Scientific-
theoretical
journal*

Issued
4 times a year

Founded
in 2006

THE THEME: AMUR EXPEDITION IN 1909 – 1910

From the editorial 5

Demjanenko A.N., Djatlova L.A. The vision of the Amur expedition in 1910 and a brief overview of her works 7

Li E.L. The "Yellow Peril" or the "Yellow Question" in works of the Amur expedition of 1910 29

THE SOCIAL AND DEMOGRAPHIC STRUCTURES

Ustyugova O.A. Social status and public work of merchants in the South of the Russian Far-East in the second half of the XIXth century 41

Vlasov S.A. Vladivostok during Khrushchev "thaw" 48

Shestak J.I. The structure of the social strata of the Far East society in 1950 – 1980 56

Kovalenko S.G. Economy of the Far East in the second half of the XXth century from the point of view of the synergy approach: the statement of the problem 71

ZOLOTUHIN I.N. Indonesia in the aspect of the ethnoconfessional situation: history and modern time 79

CULTURAL AND IDEOLOGICAL FACTORS OF REGIONALIZATION

Janchev D.V. Residential, fisheries, farming and ritual construction of Negidals (mid XIX - XX) 92

POLITICAL RELATIONS AND MANAGEMENT OF REGION

Bagrin E.A. Violence and cruelty between Russian population and native of Eastern Siberia and the Far East in XVII century 100

Mihaljova I.V. The functioning of the national judicial system of the Republic of Korea in the context of political processes mid XX - early XXI century 109

WORLD SYSTEM AND INTER-REGIONAL RELATIONS

Golobokov A.S. Chinese's foreign-policy doctrine foundation and development 117

EMPIRIC

Kireev A.A. Status and prospects of cross-border relations of the Russian Far East and China (on results of interrogation of experts) 125

STUDY OF SCIENCE

Litoshenko D.A. Status of regional researches in the south of the Far East Russia by the end of the first decade of XXI century 138

Vladivostok
2010

CAFEDRA

Kovilina E.V. The use of role-play in teaching
the Korean as a second foreign language **148**

REVIEW

Karaman V.N. The first citizens of Vladivostok **154**

Lukin A.L. China and East Asia: challenges of security
and great-power identity **158**

SCIENTIFIC LIFE

DAZISHEN V.G. The Beijing conference: "Teaching and
research of geography and culture of Russia" **163**

REDUCTIONS **165**

OUR AUTHORS **166**

Editorial board:

T.G. Rimskaja (Editor-in-chief), V.A. Burlakov, M.G. Ganopolskij
A.N. Demyanenko, I.N. Zolotuhin, E.V. Zhurbey, M.A. Kalugina, V.N. Karaman,
A.A. Kireev (Editor), L.I. Kirsanova, V.V. Kojevnikov, Yi.V. Latushko,
A.M. Kuznetsov, D.A. Litoshenko, O.V. Loboda, A.L. Lukin, Yi.A. Naumov,
O.I. Shestak.

Founder: State educational institution of the higher professional education "Vladivostok
state university of Economics and Service".

Address: 2 Ozernaja St., Nakhodka 692000, Primorskyi kraj, Russia.

Official site of journal: <http://www.ojkum.ru>

E-mail: oikomene@rambler.ru; ojkum@rambler.ru

Electronic computer is made up by V.N. Karaman

Graphic registration: J.A. Barbenko, V. N. Karaman, V.V. Postnikov.
Corrector V.V. Karaman

Authors' points of view on the problems under investigation do not necessarily coincide with
those of the Editorial Board.

Journal is registered by Federal service on supervision in sphere of mass communications,
connection and cultural heritage protection.

Certificate on registration of the journal ser. PI № FS77-30578, given by 12.12.2007.

От редакции

Положение, занимаемое Амурской экспедицией 1909 – 1910 гг. в наших представлениях о прошлом российского Дальнего Востока, можно назвать парадоксальным. С одной стороны, сам факт проведения этого беспрецедентного в истории региона научного исследования широко известен отечественным (да и зарубежным) ученым самого разного естественнонаучного и обществоведческого профиля. Выпущенные по итогам этого исследования в 1911 – 1913 гг. восемнадцать томов научных трудов Амурской экспедиции до сих пор востребованы множеством специалистов, изучающих различные сферы жизни российского Дальнего Востока. В силу высокой квалификации, профессиональной и личной добросовестности авторов, входящие в эту серию работы и сегодня могут по праву считаться эталонами качества для исследований в соответствующих областях дальневосточного регионоведения.

Однако с другой стороны, достаточно хорошая осведомленность об отдельных результатах, конкретных фактах и выводах, полученных участниками Амурской экспедиции странным образом уживается с очень смутным представлением большинства современных исследователей об экспедиции как целостном научном проекте, о ее концепции и организации. Между тем, уникальность и значимость Амурской экспедиции заключаются, прежде всего, в том, что проведенные в ходе нее обширные геологические, географические, биологические, этнографические, социологические и экономические исследования являлись четко взаимосвязанными частями единого научного плана, были подчинены реализации вполне определенной общей цели. Эта цель состояла в конечном счете в раскрытии узловых проблем "далекой окраины" страны и в обнаружении объективных возможностей и политических путей их решения. Здесь следует напомнить о том, что результаты Амурской экспедиции по существу сыграли роль диагностической, информационно-аналитической базы правительственной программы развития Дальнего Востока, разработанной и введенной в действие под руководством премьер-министра П.А. Столыпина. Таким образом, свод заключений и рекомендаций, подготовленных экспедицией, был положен в основу столь же комплексного, как и она сама, но уже практико-политического государственного проекта, призванного прочнее и органичнее соединить с Россией ее отдаленный и обремененный многими угрозами регион.

Безусловно, говоря о значении Амурской экспедиции, нет оснований впадать в панегирический тон. Комплексность проведенных в ее рамках исследований была изначально существенно и жестко ограничена довольно скудным финансированием, а их точность, полнота и методы, приемлемые для своего времени, во многом уже не могут удовлетворить современной науки. Исследование эквивалентного масштаба и уровня, при его осуществлении в соответствии с нынешними научными стандартами, потребовало бы во всех отношениях куда больших интеллектуальных и материальных затрат. Отнюдь не безоблачным был и процесс прикладного использования результатов экспедиции. Политическая борьба на центральном и региональном уровнях и бюрократические проволочки, начавшаяся в 1914 г. первая мировая война и по-

следовавшая за ней революция привели к тому, что значительная часть предложений ученых не нашла своего применения и не оказала влияния на дальнейшее развитие региона. И тем не менее, даже учитывая все это, нельзя не удивляться тому, что в целом не отличавшаяся нежной заботой о собственной науке и обществе и еще нетвердо стоявшая на ногах после минувших внешних и внутренних потрясений империя все-таки нашла в себе политическую волю, силы и средства для осуществления подобного научного проекта. Ни советское "общенародное", ни современное "демократическое" и "социальное" государства оказались на это неспособными.

Вошедшие в данную рубрику работы позволят нашим читателям получить представление о широте и многогранности комплекса исследований Дальнего Востока, объединяемого понятием "Амурская экспедиция 1909 – 1910 гг.". В статье географов А.Н. Демьяненко и Л.А. Дятловой вашему вниманию предложен обзор официальных научных публикаций экспедиции, охвативших весь спектр заложенных в ее программу задач. Авторами освещен пространственный и исторический контекст, в котором происходила подготовка экспедиции и выполнялись составлявшие ее изыскания, подведены ее основные итоги и дана их общая оценка. Статья дает возможность разглядеть неочевидную для узкого специалиста внутреннюю концептуальную и организационную структуру данного научного проекта, которая заслуживает особого внимания ученых, заинтересованных в проведении комплексных регионально-ведческих исследований.

В статье экономиста Е.Л. Ли проанализирован вклад Амурской экспедиции в изучение такой сложной и неувядающе актуальной для нашего региона проблемы как "желтый вопрос". Проблема китайского, корейского и японского присутствия на российском Дальнем Востоке, так или иначе, затрагивалась в целом ряде публикаций, подготовленных участниками экспедиции. Как показывает автор статьи, безусловной заслугой последних стало выведение "желтого вопроса" за рамки довлевшего над ним ранее военно-административного дискурса и достаточно глубокое раскрытие его экономического, социального и отчасти культурного содержания, а также места в соответствующих сферах жизни края.

К сожалению, рассмотрение феномена Амурской экспедиции в настоящем выпуске "Ойкумены" оказалось незаслуженно кратким. Однако мы надеемся, что это не последнее обращение нашего журнала к данной теме. Ведь "история – это наука о будущем", а будущее российского Дальнего Востока, вне всяких сомнений, нуждается в подобного рода научных проектах.

Редколлегия

УДК 908

Демьяненко А.Н., Дятлова Л.А.

Общий замысел Амурской экспедиции 1910 года и краткий обзор ее Трудов

The vision of the Amur expedition in 1910 and a brief overview of its works

В статье рассматриваются цели и задачи Амурской экспедиции, а также дан обзор Трудов Амурской экспедиции.

Ключевые слова: *Амурская экспедиция 1910 года, цели и результаты Амурской экспедиции, организация работа Амурской экспедиции*

This article discusses the goals and objectives of the Amur expedition, as well as an overview of Proceedings of the Amur expedition.

Key words: *the Amur expedition in 1910, the objectives and results of the Amur expedition, organization of work of the Amur expedition*

Предлагаемая статья имеет целью, с одной стороны, ввести читателя в круг вопросов, имеющих отношение к общему замыслу и организации Амурской Экспедиции 1910 года (АЭ), а с другой – дать краткий обзор ее результатов.

Начнем с того, что замысел АЭ, равно как и результаты, полученные в ходе ее, невозможно понять вне исторического контекста, поэтому и обратимся к его рассмотрению.

Определяющим событием рассматриваемого периода была русско-японская война, в результате которой геополитическое положение Российской Империи на Тихом океане существенным образом изменилось не в лучшую сторону. В правительственных кругах и в обществе, включая научное сообщество, встал вопрос: нужен России Дальний Восток и если – да, то в каком качестве.

Крайне важно то, что практически не было голосов в пользу отказа от активной политики России на Тихом океане², другое дело, что выдвигались различные способы реализации новой геополитической стратегии.

¹ Работа выполнена в рамках проектов ДВО РАН № 09-И-П24-01, № 09-И-ООН-02.

² Хотя сказать, что их не было вовсе – неверно. Достаточно обратиться к материалам обсуждения проекта Амурской железной дороги в Государственной Думе. Аргументы их были просты и доходчивы: у России есть и другие проблемы, помимо проблем дальневосточной окраины, а, следовательно, нет необходимости растрачивать ограниченные ресурсы государства на Дальний Восток, который к тому же не очень понятен для чего нужен.

В конечном счете, возобладала точка зрения, согласно которой России Дальний Восток нужен и нужен он в качестве не только региона, обеспечивающего военно-стратегические интересы России, но и как бы сказали сейчас, как органическая часть национальной экономики. Более того, предполагалось (и не без оснований), что Дальний Восток и в первую очередь Приамурский край могут стать своего рода локомотивом экономического роста в Азиатской России.

Не случайно, что в период между двумя войнами (русско-японской и Первой мировой) государство оказывало существенное воздействие на весь ход экономического развития региона. Воздействие это принимало форму финансирования крупных инфраструктурных проектов за счет привлечения средств государственного бюджета. Крупнейшим, но не единственным, проектом такого рода была Амурская ж.д., строительство которой, как и Транссиба в целом, имело целью, в отличие от Китайско-Восточной ж.д. и Южно-Маньчжурской ж. д. не столько решение геополитических задач, а создание условий для качественно нового этапа колонизации Дальнего Востока. Не случайно, в официальных изданиях министерства финансов роль дороги связывалась не столько с достижением военно-стратегических целей, и даже не организации транзита, сколько с экономическим развитием Сибири и Дальнего Востока¹. Это в целом соответствовало "восточному проекту" С.Ю. Витте, согласно которому российское присутствие на Тихом океане должно осуществляться не через использование военной силы, а путем экономической экспансии на рынки сопредельных стран².

Новое качество колонизационного процесса заключалось в первую очередь в том, что экономическое развитие Дальнего Востока и, прежде всего его южной части – Приамурского края, должно опираться не на сельское хозяйство, а на промышленность. Приамурский край в предельно короткие сроки должен был превратиться из колонии земледельческой – в колонию индустриальную.

Такая смена, как бы сказали сейчас, стратегии развития экономики региона требовала не только значительных объемов государственных инвестиций в развитие транспортной инфраструктуры, но и научно обоснованных оценок природно-ресурсного потенциала региона, и сложившейся к тому времени территориально-отраслевой структуры экономики, как "района Амурской железной дороги", так и других районов Приамурского края и сопредельных стран.

В целом, несмотря на крайне ограниченные сроки проведения экспедиционных исследований, следует признать, что АЭ в целом справилась с поставленными перед ней задачами: и правительство и местная власть получили не только вполне объективную оценку состояния экономики региона, но и оценку социальных и экономических последствий строительства Амурской железной дороги.

Таких результатов можно было добиться лишь при надлежащей организации работы специалистов различных отраслей знаний и само собой разумеется, при высокой квалификации этих специалистов. Сразу же отметим, что оба эти условия были выполнены.

Во главе АЭ стоял блестяще образованный и не лишенный вкуса к научным исследованиям Николай Львович Гондатти, который на момент назначения его начальником экспедиции имел немалый опыт административной работы³.

¹ См., например: [35].

² Более подробно: [1, 6, 39].

³ Подробно о жизни и деятельности Н.Л. Гондатти, и как исследователя, и как администратора в монографии: [10].

В немалой степени именно благодаря организаторским способностям Н.Л. Гондатти, к исследованиям, выполненным в рамках АЭ, удалось привлечь не только ученых, в ближайшем времени составивших гордость русской науки (В.Н. Сукачев, К.Д. Глинка), но и местных специалистов.

Наконец, вряд ли будет правильно не упомянуть большой вклад в работу АЭ "сведущих людей", ядро которых составляли дальневосточные предприниматели. На всех совещаниях, которые были организованы Н.Л. Гондатти¹, представители деловых кругов не только формулировали свое видение проблем, но и предлагали пути их решения. И хотя все они, как правило, касались частных вопросов, но в совокупности они служили тем исходным материалом, который мог бы стать предметом научных исследований.

И не их вина, что последующие поколения предали забвению результаты научных исследований: упоминания о ТАЭ практически исчезают со страниц научных публикаций с начала 30-х годов. А в редких упоминаниях историков, в том числе и дальневосточных, оценки научных и практических результатов АЭ, если были не уничижительными, то весьма и весьма краткими и, к сожалению, поверхностными.

Мы полагаем, что такие оценки лишь отчасти можно отнести на счет идеологизированности отечественной науки советского периода. Была и другая причина – отсутствие у государства сколько-нибудь внятной экономической стратегии в отношении Дальнего Востока, под которую следовало бы заниматься организацией столь масштабной комплексной экспедиции. Более того, несмотря на многочисленные декларативные заявления о необходимости комплексных региональных исследований, таковые были и не нужны, и невозможны в рамках советской системы управления экономикой и организации научной деятельности².

Особо следует отметить, что результаты, полученные АЭ, в своей основе были доступны не только заказчику, но и, что крайне важно, всем, кого интересовали ответы на вопросы: в каком направлении и каким темпом следует развивать экономику Дальнего Востока.

Материалы исследований были самым оперативным образом подготовлены к публикации и изданы в 1911 – 1913 гг.

Всего было издано восемнадцать выпусков Трудов Амурской Экспедиции (ТАЭ), которые с известной долей условности можно разделить по характеру проблемной области исследования на следующие группы: первая – выпуски, содержащие результаты изучения природной обстановки исследуемого района; вторая – выпуски, имеющие непосредственное отношение к исследованию экономики.

Цели, задачи, методы и организация работ АЭ, как и предварительные результаты с разной степенью полноты были раскрыты в двух типах материалов. Во-первых, это "Общий отчет Амурской Экспедиции за 1910 год" [8] (Отчет) составленный Н.Л. Гондатти и В. Романовым и подготовленный на его основе уже только В. Романовым "Свод первоочередных мер" [32] (Свод).

Не входя в детали, отметим, что и Отчет и Свод свидетельствует о том, что мы имеем перед собой, возможно, один из первых в отечественной истории план колонизации мегарегиона. Причем речь идет о разработке того, что сейчас стало модным называть региональной стратегией.

¹ Напомним, что таких совещаний было проведено семь – в Благовещенске, Зеел-Пристани, Хабаровске, Николаевске, Никольск-Уссурийском, Владивостоке и Харбине.

² Хотя следует признать, что попытки такого рода предпринимались неоднократно и в теоретико-методологическом плане и прикладном. Но по большей части теоретические построения, равно как и, опирающиеся на них работы прикладного характера не были реализованы должным образом.

Конечно, сто лет назад таких слов не знали, но понимание того, что и каким образом следует и в какой последовательности делать, чтобы обеспечить в перспективе качественно новое состояние экономики региона имели.

Второй тип материалов это, прежде всего, "Предисловие", которое предшествует практически всем выпускам ТАЭ и подготовленный Н.Л. Гондатти, а также целый ряд Введений (зачастую безымянных) и различных "пояснений к таблицам и т.п."

Бытует мнение, что предисловие есть некий анахронизм и вещь не очень нужная, если только не бесполезная. Однако "Предисловие" – Н.Л. Гондатти как раз вещь и нужная, и полезная. При этом этот крайне небольшой по размеру текст содержит в себе и обоснование целей исследования, и организацию работ АЭ. Помимо всего прочего "Предисловие" дань уважения авторов к читателям, которые, взяв в руки практически любой из выпусков ТАЭ, имеют возможность войти в круг вопросов, стоявших перед АЭ в целом, о ее целях и задачах.

Цель АЭ была сформулирована следующим образом: "колониционное обследование района Амурской железной дороги и изыскание мер по его заселению" [7, с. 1]. Иначе говоря, цель имела не столько производственно-инфраструктурный характер, сколько социально-экономический. Правда, здесь нужна оговорка: вышеприведенная формулировка цели АЭ, – это то, что было вменено Комитетом по заселению Дальнего Востока. В такой постановке цели акцент делается на исследовании условий района, которые необходимо выявить и оценить на предмет будущего заселения. Но в ходе работ эта цель была вольно или невольно скорректирована. Сама логика исследований выдвигала настоятельную потребность в научной проработке вопроса о плане колонизации и "района Амурской железной дороги", и прилегающих к нему территорий.

Не случайно, в Общем отчете мы находим нижеследующее: "Цель настоящего отчета – ознакомить с общими результатами работ Экспедиции, дать материал для выработки общего колонизационного плана в отношении как района Амурской железной дороги, так и вообще дальневосточных областей и указать наиболее неотложные первоочередные меры" [8, с. 5].

Теперь, что касается границ "района Амурской ж.д." – удивительно, но – факт – они точно не определены¹. Но это и быть не могло, так как "общие колонизационные мероприятия, как содействие экономическому и культурному развитию края и меры борьбы с наплывом сюда иноземцев, а также с экономической зависимостью края от иностранной торговли и промышленности в смежных с ним частях Китайской Империи, не могут изучаться и рассматриваться в отношении района Амурской железной дороги особо от прочих областей Дальнего Востока" [7, с. 1-2].

Итак, что следует из вышеприведенного фрагмента? Во-первых, есть "район Амурской ж. д." и выделяется он как, то следует из контекста, как район реализации крупного инфраструктурного проекта, но есть еще и Дальний Восток, как территориальная социально-экономическая система большей размерности.

Во-вторых, "колониционные мероприятия" и, прежде всего, содействие экономическому развитию края следует рассматривать в связи не только с другими районами российского Дальнего Востока, но и сопредельных стран – Китая в первую очередь.

Еще одна отличительная особенность "Предисловия" заключает-

¹ Следует отметить, что аналогичным образом были определены и границы "района Сибирской ж.д.". Скорее всего, это совпадение не случайно: трудно и наверное невозможно точно определить границы района реализации столь масштабных проектов.

ся в том, что оно содержит своего рода анонс всего корпуса материалов, предполагаемых к публикации, вводя читателей в круг материалов, собранных и обработанных в ходе АЭ.

Отдельно следует остановиться на зачастую безымянных вводных статьях к отдельным выпускам трудов и различных пояснений к таблицам и тому подобным материалам, которые помимо своего "служебного" назначения содержат зачастую и крайне ценную информацию, имеющую непосредственное отношение к организации и методам исследований. Так, в частности, в "Пояснениях к таблицам", входящим в первую часть, первого тома второго выпуска ТАЭ, содержится обоснование и методика районирования территории Амурской области по "сословно-территориальному признаку, отчасти земельно-правовому" [24, с. 2], результатом применения которого стало выделение трех районов: казачьего, старожильческого и переселенческого. Однако, на стадии обработки, старожильческий район был разделен на два: центральной части области и периферии [25, с. VII].

Будем считать, что одну из заявленных целей – ознакомить читателя с общим замыслом АЭ, авторы выполнили, и теперь настала очередь, также по возможности кратко остановиться на основных результатах АЭ.

Если идти по-порядку, то первое на что следует обратить внимание это на результаты статистико-экономического обследования крестьянского и казачьего хозяйства, которое охватило не только Амурскую область, но и Восточное Забайкалье. Общее руководство этими работами было возложено на заведующего статистической партией С.П. Швецова, который и был автором большинства, упомянутых выше "Введений" и "Пояснений".

Большая часть материалов, имеющих отношение к изучению крестьянских и казачьих хозяйств, приведена во втором выпуске ТАЭ. Первый том состоит из двух частей: в первой части выпуска содержится поселенные таблицы и итоги в разрезе волостей и станичных округов, во второй – комбинационные и групповые таблицы, а также бюджеты крестьянских и казачьих хозяйств¹.

Второй том выпуска представляет собой текстовую разработку статистического материала, приведенного в первом томе второго выпуска, и так же состоит из двух частей [26].

В первой части, состоящей из шести глав, содержится разработка статистических материалов, характеризующих общие условия ведения крестьянских и казачьих хозяйств. Во второй части дана текстовая разработка структуры и экономики крестьянских и казачьих хозяйств. Общее руководство работами и редактирование тома – С. П. Швецов.

Характерная особенность материалов содержащихся во втором томе второго выпуска, заключается в том, что авторы всех без исключения разделов, были профессиональны в тех вопросах, о которых они выносили суждения. Об этом свидетельствует, в частности, разветвленные сети цитирования. Хотя это были по месту службы чиновники, но в рамках работ АЭ это были исследователи.

Другая не менее характерная черта материалов, приведенных во втором томе, это сочетание количественных и качественных методов анализа хозяйств крестьян и казаков Амурской области. Благодаря этому, возникает возможность "стереоскопического" анализа: с одной стороны, количественная оценка отдельных составляющих крестьянского и казачьего хозяйства, с другой – появляется возможность выявления не-

¹ В Приложениях ко второй части приведены также: Программа обследования, поселенный бланк и подворовые карточки.

формализуемых аспектов экономических проблем¹.

И, наконец, особо следует обратить внимание на виртуозное владение авторами этого тома методами статистических группировок, благодаря чему им удалось обнаружить целый ряд интересных взаимозависимостей между отдельными сторонами хозяйства крестьян и казаков Амурской области.

Третий том второго выпуска "Частновладельческое хозяйство в Амурской области" [40], как это следует из названия, посвящен анализу состояния частновладельческих хозяйств Амурской области.

Возникает законный вопрос, что интересного и важного удалось обнаружить исследователям частновладельческих хозяйств Амурской области? По-нашему мнению, есть смысл обратить внимание на следующее.

Во-первых, в 1910 году "в Амурской области 45619,7 дес. земли состояли в частном владении 341 собственника" [40, с. 1]. На первый взгляд это вовсе не так уж и много. Но следует учитывать то обстоятельство, что в условиях многоземелья и преобладания стодесятинных наделов на двор, – это вовсе и не мало.

Во-вторых, "крестьяне и мещане, составляющие вместе 87.4% всех землевладельцев края, образуют, совершенно однородную среду, и различия звания в данном случае ничего не говорят ни о различии промыслов, ни о разнице в культуре и образовании. Предки почти всех этих лиц принадлежали к числу первых засельщиков края; много среди них было сектантов ... Все эти лица, как бы они не именовались по документам, принадлежат к единому типу, не к мещанскому или крестьянскому, по представлениям, обычным для России, а скорее к фермерскому, не совсем обычному у нас" [40, с. 22].

Крайне важный вывод: в пределах Амурской области сложился весьма специфический, практически неизвестный в коренной России, тип сельского хозяина – амурского фермера. Причем к числу таковых следует отнести не только частновладельческие хозяйства, но и многопосевные крестьянские хозяйства, т.е. хозяйства, сеющие по 80 и более десятин.

В пользу этого вывода свидетельствует и то, что "Сельскохозяйственный инвентарь амурских землевладельцев всех сословий состоит из орудий американского изделия, отчасти приспособленных заводчиками к местным условиям по указаниям самих крестьян и мещан-хлебопашцев, умевших правильно наметить те изменения в конструкции машин, какие требовались особенностями края и местных почв" [40, с. 35].

Но при этом и в частновладельческих, и в многопосевных хозяйствах амурских крестьян-старожиллов обеспеченность сельскохозяйственными машинами и инвентарем была совершенно необычна для Европейской России.

В-третьих, частновладельческие хозяйства были сходны с хозяйствами крестьян-старожиллов и в отношении введения новых культур. Однако следует обратить внимание на то, что "Из общего числа обследованных имений 26.6% занимаются посевом кормовых злаков, причем 70.9% из них занято посевами исключительно "китайских бобов" [40, с. 65].

В этом месте есть смысл отойти от последовательного рассмотрения: выпуск за выпуском, и сделать небольшую вставку в виде краткого обзора седьмого выпуска, посвященного животноводству в Амурской области. Это обусловлено тем, что в дальнейшем в ТАЭ нет материалов относящихся к статистико-экономическому обследованию сельской эко-

¹ Подробно методика экономико-статистических исследований была проанализирована в: [20].

номики области.

Итак, результаты работы зоотехнической партии АЭ были обобщены ее руководителем А.Я. Лампертом в первой части седьмого выпуска ТАЭ. Круг задач зоотехнической партии был определен следующим образом: "В задачи зоотехнической партии Амурской экспедиции входило:

1) изучение скотоводства в Амурской области в количественном и качественном отношении,

2) выяснение условий содержания и разведения домашних животных,

3) изучение по возможности, влияния климатических, почвенных, экономических и других условий на разведение домашнего скота,

4) выяснить, насколько возможно, развития скотоводства вдоль линии строящейся Амурской железной дороги,

5) выяснение ветеринарно-санитарных условий края, обеспечивающих теперь беспрепятственное разведение домашних животных или наоборот препятствующих этой работе,

6) выяснить обеспеченность края продуктами местного скотоводства и явлений импорта скота и продуктов его из пределов Монголии, Маньчжурии и Китая" [18, с. 1].

Предполагалось, что ответы на поставленные выше вопросы, будут получены в ходе массовых обследований, а также обработки таможенной и иной статистической информации, позволят сформировать систему мероприятий, которые бы позволили обеспечить развитие скотоводства в Амурской области и в первую очередь в районе строительства Амурской железной дороги.

Вторая часть седьмого выпуска, автором которой был К.И. Чукаев [38] старший специалист по животноводству Департамента Земледелия, в отличие от первой, более технологичной, уделяет много больше внимания экономической и организационной стороне дела.

Теперь вновь вернемся ко второму выпуску и кратко остановимся на пятом и седьмом томах [11, 36]. Пятый том посвящен результатам статистико-экономического обследования, той части Восточного Забайкалья, которая находилась непосредственно в полосе тяготения Амурской железной дороги.

Программа статистико-экономического обследования, была выполнено по той же программе, что и обследование казачьих и крестьянских хозяйств Амурской области. Если здесь стоит, на чем остановиться, так это на выборе единиц наблюдения, каковыми были выбраны поселения. Иначе говоря, исследователи при определении границ полосы тяготения использовали не волостные, а поселенные данные.

В седьмом томе второго выпуска [11] содержатся материалы обследования железнодорожных поселков от р. Зеи до Забайкалья, которое было выполнено уже в 1911 году, в ходе "личного осмотра всех возникших уже поселений" Л.Н. Гондатти и В.Ф. Романовым. Всего было обследовано 13 торгово-промысловых поселков при железнодорожных станциях; результаты этих обследований составляют первую часть тома, а вторую часть составляют материалы, имеющие непосредственное отношение к планировке нового города – Алексеевска (ныне г. Свободный)¹.

Программой обследования предусматривалось выяснение следующих вопросов: оценка местоположения поселков, включая оценку транспортной доступности; водоснабжение; оценка земельного надела и характер его использования, состояние жилищного фонда; численность населения и его распределение по национальному признаку и роду за-

¹ Фактически без изменений эта часть седьмого тома, была издана отдельной брошюрой: [2].

нятий; цены на продукты питания. И, как правило, но не во всех случаях, дается предельно краткая характеристика перспектив того или иного поселка.

Что же касается второй части тома, авторами которого были производитель работ Амурской землеотводной партии Чембаров и руководитель гидротехнической партии АЭ П. Стакле, то она содержит описание современного состояния местности в пределах, которой предполагается создание нового города, а также описание будущего города Алексеевска.

Описание деревни Суражевки настолько явно свидетельствует о влиянии железной дороги на экономику этого сельского поселения, что трудно не удержаться от того, чтобы не привести, хотя бы некоторые факты.

Итак, по сравнению с 1908 г. "площадь посева в деревне сократилась на 55%, упав в среднем на двор с 5.0 до 1.8 десятины. Разработка нови прекратилась, равно приостановилось и накопление живого и мертвого сельско-хозяйственного инвентаря. В то же время, в виду большого спроса на квартиры, количество жилых крестьянских построек возросло на 237%, приходясь ныне в среднем по 3.0 на двор. Усиленная застройка и сдача участков в аренду сократили площадь огородов вдвое, и только использование сенокосов поднялось на 41%, в виду выгодного сбыта сена на месте" [2, с. 2-3].

Не менее показателен и характер населения этой деревни на момент обследования, т.е. на 15.10. 1911 г.: "населения крестьянского 243 муж. и 231 жен., пришлого – 1 157 муж. и 737 жен. Всего населения 2 368 ... в том числе: японцев 34, китайцев 69, корейцев 15 А годовой оборот 124 торгово-промышленных предприятий составил 850 000" [2, с. 3].

Приведенные факты настолько красноречивы, что не требуют сколько-нибудь развернутого комментария. Поэтому ограничимся лишь указанием на то, что деревня Суражевка в 1911 году, это – что угодно, но только не сельское поселение. Железная дорога в предельно краткие сроки трансформировала экономику этого поселения, из сельской в торгово-промышленную. А сама Суражевка стала чрезвычайно привлекательна, причем не только для отечественных, но и иностранных предпринимателей.

Все вышесказанное стало побудительным мотивом для устройства города Алексеевска, территория которого, включала и наделенные земли деревни Суражевки. Но здесь градостроители начала XX века столкнулись, как бы сказали сейчас, с отсутствием соответствующей нормативно-правовой базы. Ибо, ни в действовавших на тот момент Строительном, Врачебном и Промышленном уставах нет норм определяющих общие вопросы городской планировки. Поэтому предложения, выказанные П. Стакле и Чембаровым, по разработке, фактически генерального плана будущего города Алексеевска, можно рассматривать как пионерные, во всяком случае, для России.

Следующие три выпуска ТАЭ, авторы которых И.Ф. Крюков [17], В.Д. Рубинский [34] и С.П. Шликевич [42], каждый по-своему отвечают на один вопрос: каковы перспективы земледельческой колонизации в Приамурье?¹

¹ К этой группе исследований, очевидно, можно отнести и работу П. Стакле "Задачи сельскохозяйственной гидротехники в Амурской области" [37], в которой дано обоснование двух основных направлений по мелиорации сельскохозяйственных угодий в Амурской области: первое – исследовательское, предполагающее организацию за счет бюджетных средств изучения природных условий ведения сельского хозяйства (почв, климата, гидрологии). Второе – собственно гидротехническое, включающее ознакомление крестьян с "американскими машинами для проведения осушительных канав"; безвозмездное изыскание и проектирование мелиоративных проектов для крестьян; забла-

Но прежде, отметим, что работы И.Ф. Крюкова и В.И. Рубинского, это – работы, выполненные практически по единой программе, основное внимание уделяют оценке естественноисторических факторов, оказывающих определяющее влияние на величину колониционного фонда, а, следовательно, и на колониционную емкость Амурской и Приморской областей.

Работа С.П. Шликевича, в значительной мере опирается на обе вышеупомянутые работы, но она не просто суммирует выводы, к которым пришли Крюков и Рубинский, это – другой, преимущественно экономический аспект проблемы.

А теперь, оставив в стороне анализ цифрового материала, остановимся на рассмотрении тех направлений развития сельскохозяйственной колонизации, которые были намечены И.Ф. Крюковым для Амурской области.

Но первоначально рассмотрим исходный тезис, сформулированный им в следующей форме: "Для обеспечения успеха дальнейшей колонизации и культурного развития этой окраины России, требуется чрезвычайная и упорная государственная работа, по строго определенному плану. Необходимо неуклонное осуществление целой системы согласованных между собой мероприятий, сводящихся, с одной стороны, к установлению возможно тесной и прочной связи с краем и соседними областями, а с другой – к созданию вполне благоприятной обстановки для культурного и экономического саморазвития края" [17, с. 346].

Акцентируем внимание на два крайне важных положения: а) необходимым условием экономического развития Приамурья является "государственная работа по строго определенному плану" и 2) создание условий направленных на интеграцию дальневосточной экономики, как бы сказали сейчас в "единое экономическое пространство России", при одновременном запуске механизмов саморазвития экономики региона.

Еще один извечный вопрос дальневосточной экономики – привлечение в регион населения, но не населения вообще, а исходя из условий места и времени, тех групп населения, которые были бы успешно адаптированы в специфические условия области. Поэтому, вполне оправданным и до настоящего времени актуальным выглядит требование: "желательно и полезно предьявлять к переселенцам ряд некоторых рациональных требований, так как в таком случае материальное содействие переселению со стороны Правительства окупались бы некоторыми полезными качествами их" [17, с. 347].

При этом, рассматривая проблему освоения северных горнотажных районов Амурской области, И.Ф. Крюков приходит к выводу: "Обычный колониционный элемент здесь не годится, – колонистами должны быть люди, способные к энергичной и разнообразной деятельности" [17, с. 352].

В то же время, предьявляя требования к переселенцам и формируя систему гидротехнической и агрономической помощи населению, И.Ф. Крюков возлагает немалые надежды и на самоорганизацию сельского населения: "Попечение о местных нуждах сельского хозяйства должно быть предоставлено не только областных правительственным агрономическим организациям и учреждениям, но и самому сельскому населению, что, при отсутствии необходимого здесь земства, чрезвычайно трудно выполнимо. Нужны, по крайней мере, особые сельские установления, по функциям напоминающие сельскохозяйственные общества, но с расширенными полномочиями; не менее желательны ежегодные

современная мелиоративная подготовка переселенческих участков; регулирование рек, и, наконец, "создание особого штата гидротехников-инструкторов наподобие агрономов-инструкторов".

областные съезды сельских хозяев" [17, с. 369].

Теперь, опять-таки весьма кратко, остановимся на работе В.Д. Рубинского, которая в немалой степени продолжает работу, выполненную Статистическим отделом Переселенческого Управления Приморской области.

Сразу же отметим, что экономическая ситуация в Приморской области существенно отличалась от таковой в Амурской области, на что обращает внимание В.Д. Рубинский уже в самом начале своей работы: "в Приморской области мы должны иметь в виду двоякого рода колонизацию: земледельческую и промышленную, т.е. такую, которая является возможной только при развитии промышленной жизни края" [34, с. 2].

Что же касается ситуации с состоянием наличного колонизационного земельного фонда, то ситуация в Приморской области в своих основных чертах мало отличалась от таковой – в Амурской. К 1910 г. удобных земель осталось мало, вновь открываемые переселенческие участки будут открываться в районах "где земледелие, основанное на культуре хлебных злаков, по многим причинам не может идти успешно. Заселение таких мест в значительной степени зависит от развития промышленности, в связи с которой возможно развитие и сельского хозяйства" [34, с. 81].

Так же как и в Амурской области, вовлечение в сельскохозяйственный оборот новых земельных площадей, предполагает масштабные мелиоративные работы "непосильных населению и возможно только, если это дело возьмет на себя государство" [34, с. 82].

Рост спроса на землю резко обострил земельные отношения в приморской деревне и выдвинул проблему землеустройства, что, по мнению и крестьян, и местной администрации было выходом из сложившегося "хаотического положения".

Формирование рынка земель сельскохозяйственного назначения, что в свою очередь невозможно без проведения землеустроительных работ, виделось В.Д. Рубинскому выходом из сложившейся ситуации. Но, при этом он полагал, что "необходимо дать переселенцам средства приобретать землю, но не в виде ссуд, а в виде устройства специального долгосрочного кредита под приобретаемые земли. Открытие на Дальнем Востоке отделения крестьянского поземельного банка специально для содействия покупкам земель у многоземельных крестьян сразу поставит дело продажи и покупки на надлежащий путь и даст ему возможность широкого развития" [34, с. 86].

И как общий вывод: "Проектируемый нами способ упорядочения землепользования и кредитных операций вызовет приток в край капитала за проданные и заложенные земли, а это для нашего молодого края с крупными естественными богатствами чрезвычайно важно. Край нуждается в капиталах как для расширения и улучшения сельского хозяйства, так и для развития промышленности" [34, с. 87].

Переходя к работе С.П. Шликевича, еще раз акцентируем внимание, что она шире и по охвату и по погружению в проблему колонизации Русского Дальнего Востока. Поэтому не случайно, что С.П. Шликевич, пожалуй, единственный из участников АЭ, который ставит проблему границ региона. Удивительно (а, может, и нет), но границы Дальнего Востока у него фактически совпадают с границами региона в сетке экономических районов (областей) Госплана.

Дальнейший ход его рассуждений достаточно прост и укладывается в целом, в сложившееся к тому времени в отечественной науке, представление о том, что определяющей формой колонизационных процессов была колонизация сельскохозяйственная. И далее: "мы сумели плотно заселить русскими людьми только те покоренные страны, где оказались

благоприятными условия для земледелия и где мы не встретились с другой высшей культурой. Ни сухопутная и морская, ни промышленность не сделались нашими стихиями, нашим оружием в борьбе за существование; достаточно вспомнить, что русская торговля и русская обрабатывающая промышленность сосредоточены исключительно в центре, на окраинах же ими обычно владеют те народности, которые населяют эти окраины" [42, с. 3-4].

Не стала исключением, по мнению С.П. Шликевича, в общем колониционном процессе и колонизация Дальнего Востока. Более того, "выдвигая на первый план привычное средство и на Дальнем Востоке, мы еще никогда не задавались вопросом о возможных итогах нашей деятельности в этом направлении: с одной стороны, правительство до сих пор и не имело возможности задаваться таким вопросом, так как наш Дальний Восток не был изучен и представлял величину неизвестную, с другой стороны – в правильности и целесообразности колониционных приемов как будто не возникало сомнений" [42, с. 4].

Когда же сомнения возникли, то надо полагать началось и систематическое изучение Дальнего Востока, в том числе и в рамках АЭ. О результатах этого изучения – ниже, а сейчас, есть необходимость зафиксировать одно крайне важное положение, сформулированное С.П. Шликевичем: "Другие, более детальные черты характеристики Приамурья мы будем указывать по мере надобности, но эту общую картину арены колонизации, – ее удаленности и протяжения по границе соседних государств, необходимо помнить всегда" [42, с. 7].

И надо отдать должное автору этих слов, на протяжении всей работы он действительно помнит об этих двух специфических чертах Дальнего Востока, как, впрочем, не забывал он и о "детальных чертах характеристики Приамурья".

Поэтому не случайно, что в тексте мы находим следующее: "Как общая мера, необходимая для спокойного течения колонизации, крайне желательно и важно установление прочных мирных и дружественных отношений с Китаем" [42, с. 127].

А также и "Громадное пространство, отделяющее Приамурье от России, преодолевается гораздо легче капиталом, чем носителями земледельческого труда; за представителями капитала, в общем следует признать больше знаний, большую культурность, и, конечно, гораздо большую приспособляемость к местным условиям, чем за нашим крестьянством; капитал подвижнее и космополитичнее" – и далее – "нельзя не признать, что в такой колонии, отдаленной и богатой, право первенства принадлежит капиталистической промышленности, а не земледельческому труду" [42, с. 125].

Означает ли сказанное, что колониционное значение земледелия, а шире, сельского хозяйства, это то, чем в перспективе можно пренебречь? Оказывается, одно другому не мешает.

Но при организации земледельческой колонизации следует учитывать, что если вложения "на подготовку земельного фонда и на создание общих благоприятных условий вселения в край – обязательна и неизбежна; что касается второй части, т.е. собственно ссуды, хотя бы и не деньгами, а натурой, то относительно ее возникают тяжелые сомнения" [42, с.106].

Ибо, "помощь, оказываемая переселенцам в большом размере, часто достигает противоположных результатов; зарегистрирована масса случаев ухода переселенцев на родину тотчас по получении ссуд в сто, двести и более рублей" [39, с. 107]. И в этом вопросе мнение С.П. Шликевича полностью совпадает с результатами более ранних исследований А.А. Кауфмана [15].

Что касается Заключения, то оно предельно кратко и определено: "Земледелие в Приамурье дает прекрасные результаты для земледельцев, но слишком ничтожные для государства; с помощью земледелия мы не овладеем Приамурьем, так как всей совокупностью естественно-исторических и экономических условий земледелию здесь отведена, по-видимому, подчиненная роль в будущем, по сравнению с капиталистической промышленностью; государственные интересы обязывают правительственную власть обратить главное внимание на развитие промышленности в нашей колонии, осуществляя в то же время всю совокупность мероприятий, способных увеличить численность и плотность земледельческого населения в Приамурье" [42, с. 130].

Добавить к этому что-либо трудно, пожалуй, только то, что сейчас земледелие в Приамурье не дает прекрасных результатов, но это уже никак не связано ни с природными условиями, ни с системой государственного регулирования сельского хозяйства на дальневосточной окраине России в дореволюционный период ее истории.

Что же касается недвусмысленных указаний на то, что будущее Приамурья связано с развитием капиталистической промышленности, то здесь С.П. Шликевич был не одинок. Это, скорее всего, было общее мнение специалистов. Другое дело, что многими исследователями упускается из виду, что индустриальное развитие экономики Дальнего Востока, как, впрочем, и России, в целом, подавляющим большинством отечественных экономистов виделось, как развитие сбалансированное.

Важно другое, впервые было сформулировано для крупного региона представление о том, что развитие его экономики должно быть сбалансировано в разрезе двух основных секторов: индустриального и аграрного.

Коль дело дошло до промышленности и ее перспективах, то самое время перейти к рассмотрению выпуска VIII ТАЭ [28]. Автор этого выпуска А.Н. Митинский основное внимание уделил двум основным проблемам: а) регулированию рынка продовольствия и б) развитию промышленности, в первую очередь горнодобывающей.

Характерно, что обе эти проблемы развития дальневосточной экономики были и риском предположить, все еще остаются, тесно связаны с экономикой сопредельных районов Китая.

Анализ состояния дел в означенных выше секторах экономики А.Н. Митинский начинает с состояния торговых путей, констатируя, что "Главным, основным (и почти единственным) путем торговых сношений Приамурья является система реки Амура" [28, с. 1].

В то же время "В виду отсутствия и плохого состояния колесных дорог, переселенцы отрезаны от местной жизни и в промышленном развитии страны играют крайне малую роль. Ни от них с сырым материалом и предложением рабочих рук, ни к ним с товаром хорошей дороги нет" [28, с. 18].

Констатируя, что "Ни одного тракта к приисковым районам казной пока не устроено" [28, с. 27], А.Н. Митинский выказывает большие сомнения в том, что введение земства окажет пользу для дорожного дела. И тут, явно на стороне А.А. Кауфмана в споре с представителями общеземской организации¹.

Далее следует уже нечто совсем неожиданное: "Проведение Амурско-магистрального железнодорожного пути мало поможет делу непосредственно" [28, с. 28]. Действительно, как показывает опыт БАМа, мало помогает. Выход из этого опять-таки достаточно прост: "Главная задача улучшения промышленных путей края, это улучшение и проведение колесных дорог" [28, с. 29].

¹ Подробно эта дискуссия рассмотрена в: [3].

Итак, вывод очевиден: индустриальное развитие региона требует не только создание магистральных видов транспорта, но транспортной системы, в которой основное внимание должно быть уделено развитию грунтовых дорог и шоссе.

Завершив анализ состояния торговых путей, А.Н. Митинский переходит к рассмотрению хлебной торговли и мукомольного производства в Амурской области и в Маньчжурии, ибо "Приамурье ... экономически связано в хлебном деле с Маньчжурией" [28, с. 37].

Что же выясняется в ходе этого анализа? Во-первых, "По оборудованности мельницами Благовещенск уступает в России только Н.-Новгороду и Саратову – он может перемолоть 16 млн. пуд. Вообще край характеризуется преобладанием парового размол: водяной и ветряной ничтожны – 3,5 %, а в России наоборот паровой помол составляет всего 14-18%" [28, с. 40].

Иначе говоря, не только крестьяне Амурской и Приморской областей обладали первоклассным по тому времени сельскохозяйственным инвентарем и машинами, но и тесно связанная с сельской экономикой мукомольная промышленность отличалась высоким уровнем технического оснащения своих предприятий.

И перерабатывали эти мукомольные предприятия не только свое зерно, но и зерно идущее из Маньчжурии.

Что же касается регулирования хлебного рынка, то оно имеет, по мнению А.Н. Митинского, двоякое значение: "Огромные, сравнительно области, заготовки на потребность войск имеют двоякое значение. С одной стороны они являются крупной подмогой земледельцу, ибо сопровождаются выдачей авансов, поддерживают высокие цены на хлеб, обеспечивают сбыт его и т.д. С другой стороны, интендантство, снимая с рынка местный хлеб, открывает дорогу хлебу маньчжурскому" [28, с. 46-47].

В результате возникла ситуация, которую сейчас бы обозначили как "угроза продовольственной безопасности региона". Выход виделся А.Н. Митинскому не в подъеме таможенных тарифов на маньчжурское зерно¹, как то предлагали многие представители администрации и представители деловых кругов, а в "переселении возможно большего количества переселенцев, или облегчении поступления на Амур сибирского хлеба, которые одни способны, хотя несколько, начать освобождать Приамурье от экономической зависимости от Харбина" [28, с. 57].

Более того, по мнению А.Н. Митинского, рост тарифов: "мера несвоевременна в виду притока переселенцев, являющихся первые три-четыре года потребителями, а не производителями хлеба, а главное в виду массового потребления хлеба для постройки Амурской ж.д." [28, с. 93].

Что же касается второй проблемы: индустриального развития Дальнего Востока, то здесь наибольший интерес представляет не описания тех или иных отраслей промышленности и торговли, и даже не предложения А.Н. Митинского, а постановка им ряда вопросов, имеющих немалое значение и в настоящее время.

Вопрос первый: "что лучше – допустить экономическое хищническое завоевание Приамурья желтым трудом, или создать в нем ряд капиталистических предприятий на русском и иностранном капитале" [28, с. 190]. Отметим, что эти предприятия, по мнению, автора, должны были стать центрами культуры в необжитых районах Амурской и Приморской областей. А это возможно только в том случае, если благодаря использованию машинных технологий они будут формировать спрос не на дешевую (китайскую по преимуществу) рабочую силу, а на квалифицированный труд.

¹ Сходного мнения в отношении таможенного регулирования придерживался и С.П. Шликевич, в уже упоминавшейся работе [42].

Вопрос второй, кто будет заниматься развитием индустрии в Приамурье? Ибо, "Приамурье по своим данным настолько своеобразно, развитие его должно пойти настолько необычным, сравнительно с остальной Россией, путем, что и подготовка людей к деятельности в нем должна быть своеобразной" [28, с. 191]. То есть, необходима подготовка кадров высшей квалификации на месте, причем не для всех отраслей, а для тех, в которых влияние местной специфики особенно велико, т.е. в горном деле и в сельском хозяйстве.

Наконец, третий вопрос: кто и как будет заниматься исследованием природно-ресурсного потенциала региона, каким образом результаты научных исследований (в частности геологических) будут находить применение в практической деятельности.

Все перечисленные вопросы более чем актуальны и сейчас, так и сейчас далеко от решения проблема привлечения инвестиций в экономику региона, до сих пор не решена проблема и подготовки квалифицированных кадров для экономики региона, и, наконец, кто сказал, что нет проблемы коммерциализации результатов научных исследований, выполненных дальневосточными учеными?

Следующий IX выпуск ТАЭ [12], автором которого был В.А. Закревский посвящен земскому или как бы сказали сейчас местному хозяйству в Приморской и Амурской областях.

Структура этой работы двух частная: часть первая "Раскладка и сметы земских повинностей с 1887 по 1911 г", часть вторая "Отрасли земского хозяйства"; кроме того, есть в работе и Введение, и Заключение, а также обширные Приложения.

Первая часть интересна для современного читателя, по следующим причинам. Во-первых, она содержит тщательнейшим образом выполненный анализ того, каким образом происходила раскладка земских повинностей среди сельских жителей, который подводит В.А. Закревского к выводу, крайне неожиданному для подавляющего большинства современных исследователей: "Приамурский крестьянин живет несравненно лучше зажиточнее своего собрата в центральной России", и далее "на Дальнем Востоке крестьяне имеют такие доходы, какие не существуют в Европейской России" [12, с. 32]. А, следовательно, приамурский крестьянин в состоянии без ущерба для своего хозяйства нести большую, чем то имело место, величину земских повинностей.

Во-вторых, приведенные В.А. Закревским данные о земских доходах и расходах в Амурской и Приморской областях свидетельствуют о существенных различиях в структуре и доходов, и расходов в двух дальневосточных областях. Что, с одной стороны свидетельствует о том, что уже к 1910 году структура местной экономики существенно отличалась друг от друга на уровне областей, а с другой стороны, что механизмы регулирования экономики на локальном уровне требовали разных подходов.

Но все-таки, самое интересное в работе, это – не анализ местного хозяйства как такового, а как бы сказали сегодня предложения автора по формированию институциональной поддержки реформирования местного хозяйства.

Итак, в чем суть проблем и предложений по их разрешению.

Во-первых, создание специальных органов ответственных исключительно за развитие земского хозяйства.

Во-вторых, привлечение населения к общей с администрацией работе по устройству земского хозяйства. Это предполагало участие населения не только в раскладке земских сборов и распределению повинностей, но и к составлению земских смет и раскладок. Тем самым, по мнению В.А. Закревского можно возбудить интерес населения к земско-

му делу и обеспечить более равномерное и справедливое распределение земского сбора и земских повинностей.

В то же время В.А. Закревский отдавал себе отчет в том, что не стоит ждать пока сами жители, пришедшие с разных мест сплотятся и создадут общественную жизнь. "Нужно помочь ... населению сплотиться, создать общественное дело и слиться в общих для развития края интересах" [10, с. 333].

Что же касается выявления общих интересов, то оно, как это отмечалось неоднократно выше, осуществлялось и путем экономико-статистических исследований и посредством качественных исследований.

X выпуск [33] – не совсем обычен в ряду ТАЭ: во-первых, это единственный выпуск, посвященный конкретному экономическому району¹, а, во-вторых, исследование это может быть отнесено к одному из первых, в рамках которого широко использовались качественные методы социологического исследования (хотя, конечно, сам В.Ф. Романов вряд ли об этом подозревал).

Целью экспедиционного исследования Николаевского района было "собрать материалы об условиях колонизации этого района и, в частности, о современном положении и нуждах местной рыбопромышленности" [33, с. 1].

Охватить в кратком обзоре все вопросы, которые были исследованы с разной степенью детальности, не представляется возможным, поэтому основное внимание уделим "Своду мероприятий по колонизации Николаевского района Приморской области".

С известной долей условности этот Свод можно рассматривать, как вполне логически выстроенную концепцию развития экономики региона, скажем мезоуровня.

Первый раздел, посвященный переселенческому делу, пронизывает одна простая мысль: необходимо снять все ограничения для переселения в этот район, т.е. ввести правила вольного заселения, без предварительного образования переселенческих участков – это, во-первых, а, во-вторых, разрешить крестьянам-промысловикам пользоваться наемной рабочей силой.

Но основное внимание в Своде, как и в работе в целом, уделено рыбопромышленности. Исходная теза, сформулированная В.Ф. Романовым такова: "Правительственная политика в отношении рыбных промыслов должна иметь в основе своей два главнейших положения: 1) будущее принадлежит не речным, а морским промыслам (включая устье и лиман Амура) и 2) русской промышленностью надо помочь освободиться от монопольной зависимости от японского рынка, не теряя его, а, наоборот, укрепляясь на нем [33, с. 171].

На что следует обратить внимание особо так это на то, что помощь русской рыбопромышленности предполагалась не путем "стеснительных мер в отношении скупки русской рыбы японцами ... но посредством облегчения русским промышленникам экспорта рыбных продуктов на другие, кроме японского, рынки" [33, с. 172].

Что касается других отраслей: лесного и горного дела, то предложения, внесенные в Свод, направлены, с одной стороны, на организацию исследования и оценки соответствующих ресурсов, а с другой, на созда-

¹ Впрочем, если быть до конца точным, то географические границы исследования все-таки выходили за пределы Николаевского района. В той или иной мере касались рыбопромышленности Дальнего Востока. Хотя с другой стороны, рассматривая положение дел в Николаевском районе, В.Ф. Романов не ограничивался только рыбопромышленностью, в круг его интересов вошли и другие отрасли, в частности, золотодобывающая промышленность.

ние общих условий, которые мы бы сейчас назвали инфраструктурным обеспечением территории.

Впрочем, не менее актуальными были и есть вопросы кросс-культурных взаимодействий на Дальнем Востоке. Эти вопросы в той или иной мере были рассмотрены в целом ряде выпусков ТАЭ.

Но был и особый XI выпуск ТАЭ. Речь идет о работе В.В. Граве "Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье". Сразу же отметим, что работа эта хорошо известна исследователям; редкая работа по истории Дальнего Востока начала XX века обходится без ссылок на нее. Более того, в этом же номере "Ойкумены" эта работа анализируется в статье Е.Л. Ли [19], поэтому авторы позволили себе ограничиться лишь одним сюжетом: Вредна ли или полезна, с государственной точки зрения, китайская торговля и промышленность в Приамурье. И, задавшись таким вопросом, В.В. Граве считает, что для ответа на него необходимо рассмотреть каждый вид китайской торговли сообразно со степенью влияния ее на местное население.

В.В. Граве полагал, что "мероприятия Правительства будут иметь осязательный результат лишь тогда, когда они будут направлены против тех особенностей и принципов китайской торговли ... но такие мероприятия не могут быть введены моментально, а должны, несомненно, распределяться на несколько лет, последовательно проводясь в жизнь" [9, с. 43].

Теперь о том, что это за мероприятия: "При настоящих местных условиях на частную инициативу рассчитывать трудно и правительство должно прийти в этой области на помощь населению следующим путем:

- 1) учреждением установления мелкого кредита,
- 2) организацией сети переселенческих лавок типа мелочной торговли, в особенности в местах, вновь открытых для переселения, которые бы имели право отпускать в кредит новоселам товар на то время, пока они недостаточно окрепли после трудного путешествия. ...

- 3) широкое покровительство открытию кредитования общественных и потребительских лавок в селах и наконец,

- 4) открытию казенных складов в стойбищах инородцев, с принятием в оплату товаров пушнины по установленной таксе" [9, с. 43].

Говоря, языком современных экономистов, то, что предлагал В.В. Граве ничто иное, как система мер по содействию малого и среднего бизнеса в регионе, причем это действительно система мер, а не набор случайных мероприятий, чем нередко грешат современные составители региональных программ.

Что касается Приложения к XI выпуску ТАЭ, т.е. работы В.Д. Песоцкого "Корейский вопрос в Приамурье" [31], то этот текст насыщенный фактическим материалом, полученным автором в ходе экспедиционных исследований, в настоящее время в силу известных причин потерял свою актуальность. К тому же его содержание достаточно подробно освещено в уже упоминавшейся статье Е.Л. Ли [19].

Тринадцатый выпуск [43], самый малый по объему: всего 16 страниц основного текста плюс три приложения¹, которые уместились на трех десятках страниц. Тем не менее, несмотря на малый размер, работа С.П. Шликевича крайне интересна: это первая работа, в которой не только разводятся понятия "охота" и "охотничий промысел", "бытовая" и "экономическая" составляющие охотничьего промысла, но и дана эко-

¹ Приложение I. Докладная записка для выяснения нужд пушного промысла и мер по улучшению его положения фирмы А.И. Громова в Иркутске. Приложение II. Сведения, данные фирмой Г. Шафигуллина в Иркутске. Приложение III. Записка В.И. Рубинского "Соболиный промысел на Дальнем Востоке".

номическая оценка состояния охотничьего промысла в Амурской и Приморской областях.

Задача, которую себе поставил С.П. Шликевич: "осветить цифрами вопрос о количестве добываемого охотой и промыслом зверя, о стоимости главного промыслового объекта – белки и соболя, о рынках для них, о принятых в торговле приемах, о нуждах промысла и торговли" [43, с. 3].

Однако решить эту задачу оказалось не просто, по очень простой причине: "В этой сфере царит полная неопределенность, полное отсутствие точных цифр, проистекающее, частью, из самого характера пушной торговли, частью – создаваемо умышленно, в интересах коммерческой тайны" [43, с. 3].

Отмечая, что приемы скупки пушнины от промышленников разнообразны, С.П. Шликевич, тем не менее, разделяет Амурскую и Приморскую области на районы, т.е. фактически выполнил специальное экономическое районирование.

Итак, таких районов, выделяемых по способу скупки пушнины выделяет четыре: 1) район скупки китайцами-земледельцами и лавочниками – хребет Сихота-Алинь и побережье моря южнее Императорской гавани; 2) район скупки лавочниками китацами и русскими – низовье Амура; 3) район скупки путем выдачи денежных задатков более или менее крупными фирмами – части Амурского бассейна, тяготеющие к Хабаровску; 4) районы скупки на ярмарках – самая северная часть Амурской и Приморской областей" [43, с. 7].

Здесь следует обратить внимание на два крайне важных факта: по большей части промысловики пушнины – аборигенное населения Приамурья, а подавляющая часть скупщиков пушнины – китайцы. Поэтому, вывод о господстве китайцев на местных рынках пушнины, как и о том, что бороться с ними едва ли возможно, имеет под собой все основания. Но, тут можно вспомнить и предложения В.В. Граве о методах регулирования китайской торговли в Приамурье.

Наиболее крупными рынками пушнины на Дальнем Востоке являются Хабаровск, Владивосток, Никольск-Уссурийский и Благовещенск, а в Маньчжурии – Мукден и Тяньцзинь.

Однако, о масштабах пушной торговли, какова численность промышленников и какова величина их заработков, судить по данным, приводимым С.П. Шликевичем, не представляется возможным. Но следует согласиться с ним, что "как бы не была велика или мала сумма денег, выручаемых инородцем промышленником – она не является решающим фактором в его существовании, и губят инородцев не денежные притеснения тех или иных любителей наживы, но спирт и болезни" [43, с. 12].

Но есть еще одно обстоятельство самым существенным образом влияющим на состояния охотничьего промысла – уменьшение, причем необычайно быстрое, количества пушного зверя и прежде всего соболя.

Впрочем, тому есть и экономические причины. Так, если по данным Маргаритова (1888) за сезон охотник добывал до 70 соболей, цена на которого составляла 3 рубля, то на момент обследования наиболее удачливые охотники добывали по 7 соболей, но цена в среднем составляла не менее 30-40 рублей [43, с. 13].

Эффективным средством борьбы с резким уменьшением численности промыслового зверя, по мнению, торговцев пушнины, которое, вполне разделяет и С.П. Шликевич, было бы принятие закона об охране соболя, как наиболее ценного объекта охотничьего промысла. Правда, он идет дальше и полагает, что не только следует на определенный срок запретить промысел соболя, но и пушную торговлю. А, решение проблемы обеспечения аборигенного населения предметами первой необходи-

мости на время запрещения промысла, можно было бы решить путем предоставления им "кредита натурой на запретный в отношении охоты год" [43, с. 14].

Таким образом, работа С.П. Шликевича, как, впрочем, и ряд других¹, выполненных в рамках АЭ, представляет собой исследование того круга проблем, которые в настоящее время обозначают как проблемы рационального природопользования. Более того, и работа С.П. Шликевича, и других сотрудников АЭ шли дальше выявления тех или иных фактов и определения возможных состояний отдельных видов природно-ресурсного потенциала в обозримом будущем, они – выходили на уровень предложений законодательных и административных.

Своеобразным продолжением темы "рациональное природопользование", если использовать современную терминологию, являются материалы последующих выпусков ТАЭ.

Так, в XIV выпуске приведены материалы метеорологических станций по изучению климата, почв и растительности в Амурской области в 1909-1910 г.г. [23]. Здесь необходимы уточнения, так в частности "метеорологические станции", о которых идет речь в ТАЭ – это действительно метеорологические станции, но не только. На самом деле на этих станциях помимо метеорологических наблюдений, осуществлялся комплекс исследований и почв, и растительности, наконец, при станциях создавались опытные поля.

И еще одно пояснение: первая из пяти метеорологических станций – Бомнакская, была организована в 1909 г. в ходе проведения рекогносцировочных работ почвенно-ботанической экспедиции Переселенческого Управления в верховьях р. Зеи. В 1910 году уже в рамках АЭ по специальной программе, разработанной Н.И. Прохоровым (о ней в следующем комментарии), но опять-таки на средства Переселенческого Управления были организованы станции: Пиканская, Тарбогатаянская, Улангинская и Тыган-Урканская.

Естественно, что каких-либо значимых практических, а тем более, научных результатов менее чем за год наблюдений получить невозможно, но такой цели и не ставилось². Цель имела долгосрочный характер и была сформулирована И.А. Бальц и Н.И. Прохоровым следующим образом: "Нашей попыткой организации подобного характера исследований **на стационарных пунктах девственных районов** мы стремились посылно, конечно, подчеркнуть также всю плодотворность и необходимость идти натуралисту в природу с принципами меры, числа и веса, а в особенности еще тогда, когда природа живет полнотой законов ее стройных явлений. От широких научных исследований через этап опытно-акклиматизационных участков пройдет в будущем и культура с ее агрономическим искусством" [4, с. 86]. Наверное, это тот случай, когда нужды в комментариях нет. Если, что и добавить, так только то, что в настоящее время сети стационаров, которые бы проводили исследования по общей программе просто нет, а потребность в такого рода исследованиях есть.

Нет большой нужды комментировать и результаты ботанических исследований, выполненных под руководством В.Н. Сукачева, которые были сведены в три тома XVI выпуска ТАЭ [5], оставим это историкам

¹ См., например: в уже упоминавшейся работе В.Ф. Романова рассмотрены проблемы охраны и воспроизводства рыбных ресурсов Нижнего Амура и Амурского лимана, а в текстовой разработке результатов экономико-статистического обследования крестьянских и казачьих хозяйств Амурской области, дана оценка состояния лесных и почвенных ресурсов, в районах сельскохозяйственной колонизации.

² Впрочем, сказать, что совсем эта работа не дала никаких результатов, было бы тоже не верно. Так, в частности, наблюдения, выполненные М.Д. Мишиным на Зейско-Амурском водоразделе показали, что в сельскохозяйственном отношении этот район существенно отличается в худшую сторону и от долины Амура и от долины Зеи [29].

отечественной геоботаники. Ограничимся лишь кратким комментарием лишь той части этих исследований, которые имеют непосредственное отношение к оценке колонизационных возможностей районов ботанических исследований.

Изложению этого вопроса, в третьем томе XVI выпуска, в котором приведены результаты экспедиционных исследований Тунгиро-Амазарской партии, отведено всего пять страниц из общего объема в 276 страниц. Вывод, к которому пришел В.Н. Сукачев: "приходится признать, что в настоящее время быть использованной для с. х. культуры она [долина р. Тунгира и его притоков] вряд ли может" [38, с. 276]. Отметим, что к такому заключению В.Н. Сукачев приходит после выполнения тщательного анализа растительных формаций, почвенных разностей, особенностей рельефа; вне его внимания не остались участки в несколько десятин, которые можно было бы использовать тем или иным образом в сельском хозяйстве. К тому же им были обследованы перевалы через Яблоновый хребет, т.е. возможные транспортные коммуникации.

И, тем, не менее, весьма красноречивый заключительный фрагмент работы: "Однако, чтобы сделать окончательное заключение о невозможности с.-х. культуры в изученном крае, конечно, не достаточно экспедиционного исследования одного лета. Тот путь, на который стал Н.И. Прохоров в Амурской области, именно, метод стационарного изучения края является наиболее рациональным и от него можно ждать весьма ценных результатов" [38, с. 276].

Наконец, мы дошли до рассмотрения Отчетов АЭ за 1911 год [26]. В первой части выпуска содержались результаты исследований С. Малавкина и С. Константинова, основной задачей которым было поставлено: "возможно полное и подробное ознакомление с условиями залегания здесь [т.е. в Буреинско-Завитинском бурогольном районе] угленосных отложений" [22, с. 1].

Предварительные результаты этого ознакомления привели к следующим выводам:

1) Кивдинское месторождение угля, обследованное в 1911 г., безусловно, представляет интерес в практическом отношении.

2) Качество угля ставит его, безусловно, вне конкуренции с древесным топливом, которое к тому же вряд ли всегда может быть доставлено в надлежащем количестве, тогда как при близости месторождений к линии железной дороги доставка угля может быть организована сравнительно просто.

3) Указывая на практическую ценность месторождения, необходимо в то же время подчеркнуть и то обстоятельство, что разработка его может оказаться весьма и весьма затруднительной, требующих больших и длительных подготовительных работ.

4) Второстепенной, но также важной задачей ознакомления с Кивдинско-Буреинским районом является изучение условий залегания и свойств артезианских водоносных горизонтов ... так как на эксплуатации их придется, быть может, базироваться при устройстве водоснабжения многих ж.д [16].

Из содержащихся во второй части XVII выпуска трех работ, две имеют самое непосредственное отношение к целям АЭ. Так, В. Зверев на основании изысканий в северо-западной части Амуро-Зейского водораздела, т.е. на участке Амурской ж.д. непосредственно примыкающей к Забайкалью, указывает на обеспеченность строительства минеральными строительными материалами и одновременно отмечает, что возможны трудности с водообеспечением в зимний период [14].

Тогда, как Я.А. Макеров, заканчивая отчет, специально остановился на рассмотрении вопроса о проведении грунтовых дорог из бассейна

Черного и Белого Урюма и Амазара в бассейн Олекмы [21].

Итак, обзор ТАЭ завершен и настало время подводить итоги.

Во-первых, необходимо еще раз подчеркнуть, что цель АЭ в ходе работ подверглась трансформации. Первоначально она была проста и сводилась, в конечном счете, к составлению предложений о "дальнейших мерах к наилучшей постановке колонизационного дела в районе Амурской железной дороги и развитию промышленной экономической жизни в названной местности" [8, с. 1]. В конечном итоге сотрудники АЭ видели конечную цель в разработке колонизационного плана, причем не только для района Амурской ж.д., но и для всего Дальнего Востока России.

План этот так и не был составлен, но был разработан своего рода алгоритм проведения предплановых исследований. И судя по всему этот алгоритм все еще не безынтересен при разработке общедальневосточных экономических стратегий.

Во-вторых, если сравнивать разработку и реализацию двух инфраструктурных мегапроектов осуществленных в Азиатской России на рубеже XIX-XX веков: Транссиба и Амурской ж.д., то обращает на себя внимание не только сходство в их организации, но и существенные различия. Что касается общих черт, то они очевидны и нет необходимости на них останавливаться, что же касается специфики дальневосточного проекта, то на них следует хотя бы кратко остановиться. Главное отличие заключается в том, что реализация скажем так: "Амурского проекта", не имела такого мощного института, каковым был Комитет Сибирской железной дороги. Возможности Комитета по заселению Дальнего Востока были много скромнее, к тому же он не имел рабочих органов.

В-третьих, реализация идеи трансформации временного исследовательского проекта – АЭ, в постоянно действующий и имеющий целью "планомерное изучение края" не удалась. Судя по всему, тогда еще не пришло время. Но сама идея создания комплексных научно-исследовательских структур в регионах подобных Дальнему Востоку, хотя и в несколько измененном виде была реализована. Хотя извечная проблема "внедрения достижений НТП в производство" трансформировавшись в проблему коммерциализации результатов фундаментальных исследований осталась. И в этой связи опыт организации комплексных региональных исследований, имеющих изначально практическую направленность, представляется, как минимум, требующим пристального изучения.

Наконец, следует помнить, что без изучения исторического опыта, крайне сложно выстраивать дееспособные региональные стратегии, не случайно в тех странах, с которых мы часто берем пример, исследование прошлых состояний экономики и экономическим институтам является обязательным инструментом стратегического анализа.

Здесь следует остановиться: ибо, нельзя объять необъятного, а Труды АЭ таковыми являются.

Литература

1. Алексеев В.В. и др. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI-XX века. М.: Наука, 2004. 600 с.
2. г. Алексеевск Амурской области. Амурская Экспедиции. 1910 г.

Благовещенск: 1912. 28 с.

3. Антология экономической мысли на Дальнем Востоке. Вып.1. Колонизационные процессы в Приамурском крае на рубеже XIX-XX веков. Хабаровск: РИОТИП, 2008. 208 с.

4. Балыц В.А., Прохоров Н.И. Материалы и наблюдения Бомнакской метеорологической станцией за лето 1909 года / Материалы метеорологических станций по изучению климата, почв и растительности 1909-1910 гг. Под редакцией Н.И. Прохорова. ТАЭ, Вып. XIV. СПб.: 1913. с.23-128.

5. Ботанические исследования 1910 года / Под ред. В.Н. Сукачева. Т. I-III. СПб.: 1912.

6. Витте С.Ю. Собрание сочинений и документальных материалов: В 5 т. Т. 1. Пути сообщения и экономическое развитие России. Кн. 2, ч.1. 2004.

7. Гондатти Н. Предисловие / ТАЭ.

8. Гондатти Н., Романов В. Общий отчет Амурской Экспедиции за 1910 год. ТАЭ. Вып. I. СПб.: 1911.

9. Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. ТЭА. Вып. XI, СПб.: 1911. 489 с.

10. Дубинина Н.Л. Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти. Хабаровск: 1997. 208 с.

11. Железнодорожные поселки Амурской области (от р. Зеи до Забайкалья). Хабаровск: 1912. 164 с.

12. Закревский В.А. Земское хозяйство в связи с общественным и административным устройством и управлением в Амурской и Приморской областях / ТАЭ. Вып. IX. СПб.: 1911.

13. Закревский В.А. Условия внутринадельного размежевания и землеустройства в селениях Амурской и Приморской областей. ТАЭ. Приложение к Выпуску V. СПб.: 1911.

14. Зверев В. Геологические исследования в северо-западной части Амурско-Зейского водораздела / Отчеты за 1911 год. Вып. XVII. Ч.2. Отчеты геологических партий. СПб.: 1912. с. 1-32.

15. Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб.: 1905. – 349+Приложения

16. Константинов С. Отчет о разведке месторождения бурого угля в Буреинском районе Амурской области / Отчеты за 1911 год. Вып. XVII. Ч.1 Отчеты геологических партий. СПб.: 1912. с. 47-82.

17. Крюков И.Ф. Земли района Амурской железной дороги (Амурская область, Восточное Забайкалье и южная часть Якутской области). ТАЭ. Вып. III. СПб.: 1911. 371 с.

18. Лемперт А.Я. Материалы по животноводству в Амурской области. Отчет зоотехнической партии экспедиции. ТАЭ. Вып. VII. Ч. 1. Тобольск: 1913. 154 с.

19. Ли Е.Л. "Желтая угроза" или "желтый вопрос" в трудах Амурской Экспедиции 1910 г. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2010. № 3.

20. Ли Е.Л., Демьяненко А.Н. Амурская экспедиция 1910 года: опыт организации статистико-экономического обследования казачьего и крестьянского хозяйства Амурской области // Пространственная экономика. 2010. № 2. С. 125-133.

21. Макеров Я.А. Геологические исследования в бассейнах рек Амазара, Белого и Черного Урюма и в верховьях Олекмы, Тунгиры и Нюкжи / Отчеты за 1911 год. Вып. XVII. Ч.2. Отчеты геологических партий. СПб.: 1912. с. 33-100.

22. Малявкин С. Буреинско-Завитинский буроугольный район / Отчеты за 1911 год. Вып. XVII. Ч.1 Отчеты геологических партий. СПб.: 1912. с. 1-44.

23. Материалы метеорологических станций по изучению климата, почв и растительности 1909-1910 гг. Под редакцией Н.И. Прохорова. ТАЭ, Вып. XIV. СПб.: 1913.

24. Материалы статистико-экономического обследования казачьего и крестьянского хозяйства Амурской области. ТАЭ. Вып. II. Т. I. Ч. 1-я. Поселенные таблицы. СПб.: 1911.

25. Материалы статистико-экономического обследования казачьего и крестьянского хозяйства Амурской области. ТАЭ. Вып. II. Т. I. Ч. 2-я. Комбинационные и групповые таблицы. Бюджеты. СПб.: 1912. 573 с. + Приложения.
26. Материалы статистико-экономического обследования казачьего и крестьянского хозяйства Амурской области. ТАЭ. Вып. II. Т. II. ч. 1-я. СПб.: 1912; Материалы статистико-экономического обследования казачьего и крестьянского хозяйства Амурской области. ТАЭ. Вып. II. Т. II. ч. 2-я. Текстовая разработка. СПб.: 1913. 616 с.
27. Материалы статистико-экономического обследования части Восточного Забайкалья, тяготеющего к Амурской железной дороге / ТАЭ. Вып. II. Т. 4. СПб.: 1913.
28. Митинский А.Н. Материалы о положении и нуждах торговли и промышленности на Дальнем Востоке / ТАЭ. Вып. VIII. СПб.: 1911. 284 с.
29. Мишин М.Д. Материалы и наблюдения Улангинской метеорологической станции за лето 1910 года / Материалы метеорологических станций по изучению климата, почв и растительности 1909-1910 гг. Под редакцией Н.И. Прохорова. ТАЭ, Вып. XIV. СПб.: 1913. с. 447-506.
30. Отчеты за 1911 год. Вып. XVII. Ч.1 и Ч.2. Отчеты геологических партий. СПб.: 1912.
31. Песоцкий В.Д. Корейский вопрос в Приамурье. ТАЭ. Вып. XI. Приложение. СПб.: 1913. 188 с.
32. Романов В.Ф. Свод первоочередных мер на Дальнем Востоке / ТАЭ. Вып. I. Приложение 1. СПб.: 1911. 24 с.
33. Романов В.Ф. Нужды Николаевского района Приморской области / ТАЭ. Вып. X. СПб.: 1911. 179 с.
34. Рубинский В.Д. Опыт учета колонизационной емкости Приморской области. Вып. IV.: СПб.: 1911. 99 с.
35. Сибирь и транссибирский железный путь. СПб.: 1891.
36. Солдатов В. Железнодорожные поселки по Забайкальской линии. Статистическое описание и материалы по переписи 1910 года. С предисловием и под редакцией Д.М. Головачева / ТАЭ. Вып. II. Т. 5.
37. Стакле П. Задачи сельскохозяйственной гидротехники в Амурской области / ТАЭ. Вып. VI. СПб.: 1911. 40 с.
38. Сукачев В.Н. Растительность верхней части бассейна р. Тунгира Олекминского окр., Якутской области / Ботанические исследования 1910 года / Под ред. В.Н. Сукачева. Т. I. СПб.: 1912.
39. Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Навстречу Восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М.: Новое литературное обозрение, 2009.
40. Частновладельческое хозяйство в Амурской области. ТАЭ. Вып. II. Т. III. СПб.: 1913. 305 с.
41. Чукаев К.И. Животноводство и кормовой фонд Амурской области. ТАЭ. Вып. VII. Том II. СПб.: 1912. 380 с.
42. Шликевич С.П. Колонизационное значение земледелия в Приамурье. / ТАЭ. Вып. V. СПб.: 1911. 142 с.
43. Шликевич С.П. К вопросу об охотничьем промысле на Дальнем Востоке / ТАЭ. Вып. XIII. СПб.: 1911. 15 с. + Приложения.

УДК 908

Ли Е.Л.

**"Желтая угроза" или "желтый вопрос"
в трудах Амурской Экспедиции 1910 г.****The "Yellow Peril" or the "Yellow Question"
in works of the Amur expedition of 1910**

В статье рассматриваются материалы Амурской экспедиции, касающиеся причин, следствий и также мер регулирования "желтого вопроса" и "желтой угрозы" в Приамурье в 1910 г. на примере китайцев и корейцев.

Ключевые слова: *"желтая угроза", "желтый вопрос", Амурская экспедиция 1910 г., китайцы, корейцы, Приамурье.*

In the article the Amur expedition materials devoted to the reasons, consequences and the measures of regulation of the "Yellow Peril" and "Yellow Question" in Priamurie in 1910 on the example of Chinese and Koreans are revised.

Key words: *"Yellow Peril", "yellow Question", the Amur expedition of 1910, Chinese, Korean, Priamurie.*

История изучения "желтого вопроса" на Дальнем Востоке имеет свою историю, и особое место в этой истории занимают результаты исследований выполненных в рамках Амурской экспедиции 1910 г. (АЭ).

За прошедшее столетие существенно изменились социально-экономические и политические условия развития территорий, бывшего Приамурского края. Миграционные потоки российских переселенцев устремились в центральные районы России, а со стороны Китая продолжается усиленный экспорт дешевой рабочей силы. Как и сто лет назад на современном этапе возникает актуальность изучения "желтого вопроса" и "желтой угрозы", для чего целесообразно использовать собственный опыт начала XX века на примере Трудов Амурской экспедиции 1910 г. (ТАЭ).

К моменту проведения АЭ уже сложился негативный опыт как стимулирующей, так и ограничительной политики. Стимулирование притока переселенцев привело к неконтролируемо быстрому их распространению на территории края и закреплению в определенных экономических нишах (китайцев – в торговле, промыслах и ремесленничестве; корейцев – в земледелии). Ограничительные же меры в условиях высокой за-

¹ Работа выполнена в рамках проектов ДВО РАН № 09-И-П24-01, № 09-III-A-10-546, темы № Г.Р. 0120.0 805 492, государственного контракта № 02.740.11.0347 (шифр 2009-1.1-301-072-018).

висимости от желтого труда привели к задержкам выполнения планов по строительству инфраструктурных объектов, ухудшению параметров конкуренции на рынке труда, увеличению числа нелегальных мигрантов, возрастанию объема теневой экономики и т.д. При этом количество китайцев и корейцев не только не сокращалось, но, напротив, ежегодно увеличивалось.

АЭ должна была дать первую комплексную оценку последствий массового притока китайцев и корейцев в район строительства Амурской железной дороги и Приамурья с целью выработки необходимых рекомендаций и мероприятий в рамках единого плана колонизации Дальнего Востока.

Целью данной работы является описание причин, последствий и рекомендаций по регулированию массового притока китайцев и корейцев в Приамурье в конце XIX – начале XX века.

Специально для изучения "желтого вопроса" были направлены по разным маршрутам и заданиям члены АЭ – известный востоковед В. Граве и кореевед В. Песоцкий. Уполномоченный Министерства иностранных дел В. Граве изучал положение "желтых" в Приамурье, охватывая китайцев, корейцев и японцев. Границы его исследования вышли далеко за пределы района строительства Амурской железной дороги. Он обследовал все крупные центры пребывания китайцев, корейцев и японцев на российской территории, а также ознакомился с проблемами китайской колонизации в Маньчжурии. Основные его маршруты в Маньчжурии: по тракту Цицикар-Благовещенск, отклоняясь от основного направления на 50-60 верст в сторону, поднялся по Сунгари от ее устья до Харбина, и по ее притоку Хулань-хе, наконец, обследовал все китайские посты по Аргуни.

Детальное изучение "корейского вопроса" выполнил поручик 1-го Сибирского стрелкового Его Величества полка В. Песоцкий, лично познакомившийся с бытом корейцев в отдельных населенных пунктах и районах Амурской и Приморской областях, а также в Корее. Точное число населенных пунктов, обследованных им, определить сложно, ввиду того, что корейцы предпочитали селиться не кучно, но, разбредаясь по всему краю, что заставляло объезжать целые районы. В. Песоцким был пройден основной маршрут "просачивания" корейцев в Россию, включая корейские пограничные города и районы, пограничные караулы, переправу и основные места их вселения в России.

Результаты исследований В. Граве и В. Песоцкого были опубликованы в двух работах: В. Граве "Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. ТАЭ. Вып. XI" и В.Д. Песоцкий В.Д. "Корейский вопрос в Приамурье. ТАЭ. Приложение к выпуску XI".

Интересно, что отчет В. Граве был доступен широкой аудитории, а материалы В. Песоцкого имели гриф секретности. Причины получения грифа секретности последнего документа в работе не раскрываются. Вероятно, это было связано с "неофициальным" (возможно нелегальным) пересечением корейской границы с целью сбора необходимых сведений, т.к. вопросы, касающиеся корейцев, затрагивали политические интересы уже не столько Кореи, сколько Японии, в силу потери суверенитета первой. Данные же В. Граве, касательно китайцев собирались официально, а по корейскому вопросу основывались на сведениях, полученных на территории России, т.е. не предполагали вторжения в зону японского влияния.

Работы В. Граве и В. Песоцкого представляют наибольший, но не единственный массив информации в рамках ТАЭ о характере "желтого вопроса" в Приамурье. В частности в статистико-экономическом обследо-

вании казачьего и крестьянского хозяйства Амурской области одним из объектов исследования являлось корейское село Благословенное [8-12], корейский тип хозяйствования тщательно изучался С. Шликевичем [19] при определении колониального значения земледелия в Приамурье, а также А. Митинским при изучении нужд промышленности и торговли [13].

Таким образом, исследование желтого вопроса в АЭ изначально рассматривалось в контексте совокупного воздействия на экономическую, социальную и политическую сферы жизни Приамурья и Дальнего Востока.

Китайцы: причины и последствия их присутствия

В. Граве выделил три основных типа китайцев: 1) оседлые (купцы, торговцы, промышленники, долгосрочные арендаторы, земледельцы); 2) сезонные рабочие; 3) бродячие (хищники на приисках, охотники искатели женьшеня, спиртоносы, хунхузы и т.д.).

Рассмотрим далее причины появления первых двух групп китайцев (оседлых и сезонных). Причины появления бродячих элементов не требовали специального изучения, т.к. объяснялись слабостью границ, не способных сдерживать потоки бродяг и преступников. Последствия присутствия этой группы были негативными и требовали решительных всесторонних противодействующих мер.

Причины появления первого типа (оседлых) на российском Дальнем Востоке связывались с ходом развития колонии. По Айгунскому договору (май, 1858 г.) и Пекинскому трактату (ноябрь, 1860 г.) территории, ставшие позднее Амурской и Приморской областями отошли во владения России. В. Граве указывает, что на тот период в Амурской области проживало около 10,5 тыс. китайских подданных земледельцев (заязские маньчжуры), в Приморской области около 900 чел. оседлых жителей, кроме того в области бродили китайцы (охотники, рыболовы, искатели женьшеня и золота). Общее число бродячих вместе с оседлым населением не превышало 2-3 тыс. чел. Итого в крае насчитывалось примерно 12-13 тыс. чел. китайских подданных [4, с. 5].

В. Граве выделял коренных китайцев (промысловиков) и китайских подданных маньчжур (земледельцев).

К 1910 г. китайцы земледелием почти не занимались. Отсутствие преимуществ в земледелии позволило сформировать в дальнейшем торгово-промышленную и ремесленную специализацию оседлых китайцев.

Китайские предприятия основывались на скрытой системе товариществ, что делало невозможным конкуренцию с ними русских предприятий. Преимущества китайских предприятий достигались за счет следующих факторов: 1) быстрого оборота капитала, когда товары отпускались по ценам ниже закупочных в целях скорейшего приобретения более выгодных товаров; 2) низких постоянных издержек, таких как: расходы на заработную плату китайских работников были в отдельных сегментах экономики ниже в 3–4 и более раз по сравнению с русскими предприятиями; совместное проживание и питание всех членов предприятия, включая хозяев и работников (стоимость питания и проживания на 1 китайца составляла 5 руб. 10 коп и 4 руб. 97 коп., а русского – 19 руб. 37 коп. и 22 руб. 37 коп. соответственно); меньшие затраты на освещение, отопление, страхование и т.д., составлявшие 5-8 % китайского оборотного капитала (у русских эта цифра достигала 15-20%); 3) недобросовестности продавцов; ввоза контрабанды; уклонения от уплаты пошлин и налогов и т.д. [4, с. 30-31]. Рост китайских предприятий и расширение

их деятельности увеличивало спрос на труд, включая нелегальный (без разрешительных документов – паспортов и билетов) и увеличивало теневой сектор экономики, т.к. с получаемых доходов государство не получало налоги.

В. Граве сделал вывод, что меры исключительно запретительного и фискального характера (дополнительные сборы) на практике либо не выполняются, либо являются несущественными. Необходимы меры, постепенно создающие благоприятные условия для развития русских предприятий. При этом они должны были лишь ослаблять, но не уничтожать конкуренцию китайских предприятий с отечественными, то есть уравнивали бы их шансы. Для этого он предложил ряд мер [4, с. 42-45], которые можно сгруппировать следующим образом:

- упорядочить деятельность китайских предприятий в сфере торговли, посредством введения специального органа и соответствующих правил, позволяющих осуществлять более эффективный и оперативный контроль и надзор не только в Приамурье, но и соседнем Забайкалье;

- разъяснить местным податным инспекторам особенности скрытой системы товариществ и основных приемов уклонения от налогов;

- ввести широкое государственное покровительство развитию мелкого кредитования, в том числе в виде ссуд и создания на их основе общественных и потребительских лавок для переселенцев, установление такс приема товаров в казенные склады и др.

Деятельность китайцев первой группы не рассматривалась в качестве "желтой угрозы", но выдвигала ряд вопросов, требующих оперативного разрешения с использованием административного и культурно-просветительского воздействия.

Китайцы второй группы – сезонные рабочие или "кули" – имели прямое отношение к "желтой угрозе", "желтой опасности" или "желтому кризису" [4, с. 52]. Причины их появления связывались с опережением темпов роста спроса на трудовые ресурсы относительно их предложения. Из-за недостатка рабочих рук задерживалось: устройство казарм, правительственных и общественных учреждений, строительство дорог и т.д. Требовались чернорабочие для строительства помещений и прислуга для чиновников (чиновники прибыли прежде, чем появились чернорабочие). Сначала проблема недостатка рабочих рук решалась за счет привлечения нижних чинов, которые отвлекались от военной службы на строительные работы. Далее потребность в рабочих руках постоянно увеличилась.

Эта ситуация не была случайной, а скорее закономерной. Главной колонизационной силой России на Дальнем Востоке и других "новых землях" являлись земледельцы или "земледельческая масса". Именно за земледелием виделось будущее развитие территории. По словам Шликевича "На протяжении всей тысячелетней истории, плотно заселить русскими людьми удалось только те покоренные страны, где оказались благоприятные условия для земледелия и где не встретились с другой высшей культурой. Ни торговля сухопутная и морская, ни промышленность не сделались русскими стихиями, оружием в борьбе за существование" [19, с. 4]. При колонизации Дальнего Востока был выбран традиционный путь. Именно поэтому ремесленники из центральных районов России в край не привлекались, а изыскивались из числа приехавших преимущественно крестьян и солдат.

Первой экономической причиной распространения китайцев – сезонных работников в Приамурье стал дефицит труда, возникший при осуществлении правительственной колонизационной политики и медленных темпах переселения¹, вызвавший позднее волну спроса у част-

¹ Русское заселение шло медленными темпами. К 1869 г. численность казачьего со-

ных лиц и предприятий.

Второй причиной их появления стала не только потребность в большом количестве труда, но и необходимость в привлечении более дешевой рабочей силы. Этому способствовал кризис в золотопромышленности, начавшийся в 1880-х гг. Старые прииски понемногу вырабатывались, на открытие новых деньги ассигновались слабо, поэтому выходом стал дешевый китайский труд.

Также повышению концентрации китайцев в промышленности содействовала административная мера, принятая местными властями в виде запрета использования на этих работах корейцев [17; 18]. В данном сегменте рынка труда исчезла конкуренция со стороны другой иностранной дешевой рабочей силы (корейцев), а для русских занимаемые китайцами места не являлись подходящими (средняя заработная плата китайца составляла 5-7 руб. в мес., а русского – 35-75 руб.) [4, с. 30-33, 58].

В результате китайские работники стали диктовать свои условия и устраивать организованные забастовки, выступая единственным продавцом своего труда и единственным покупателем предлагаемых рабочих мест.

Третья причина связывалась с внешними для России обстоятельствами – ситуацией в Китае, заставлявшей китайский труд идти в Россию на временные заработки и не направляться в Маньчжурию, где также существовал дефицит труда, не позволявший разрабатывать аналогичные золотые прииски¹. В Шандунской провинции, откуда преимущественно поступал труд, китаец получал в пересчете на русские деньги около 15-25 коп. в день, что в год составляло порядка 42 руб., из которых надлежало выплатить налоги и сборы. На российской территории их средний заработок в год составлял 150-300 руб. [4, с. 8]. Такая разница в доходах, а также высокая концентрация труда в Китае "выталкивала" китайцев на российские рынки труда, которые увеличивались по размеру и видам каждый год, в том числе в нерегистрируемой (неформальной) его части.

Единственным средством борьбы с китайской миграцией являлось ужесточение правил прибытия и пребывания в Приамурском крае китайского населения, включая усложнение процедуры получения разрешения на въезд, повышение сборов и штрафов, также введение запрета на приобретение земли в Амурской и Приморской областях и расселение в пограничных с Китаем местностях. Однако, по словам Граве, эти правила фактически не применялись. Причиной чему являлось наличие разрешения на проживание без вида на жительство в течение месяца, за который китайцы успевали разбежаться по территории; во-вторых, слабый контроль со стороны местных властей; в-третьих, "несочувствие к такой мере русского городского и сельского торгового и промышленного населения, нуждающегося в пришлых из-за границы рабочих" [4, с. 26].

Положительные последствия притока китайцев и их присутствия заключались в возможности развития горной промышленности, строительства, торговли и других сфер жизнедеятельности. Во многом за счет функционирования китайских торговых компаний Приамурье обеспечивалось предметами первой необходимости и хлебом, наблюдалось

словия переселенного из Забайкальской области составляло около 18,5 тыс. душ обоего пола, крестьян, привезенных из России – к 1875 г. составило не более 3,5 тыс. чел. [4, с. 6].

¹ Например, в Цзянь-дао были открыты залежи медных и железных руд, которые за отсутствием предпринимателей и свободных рук к 1910 г. так и остались неразработанными [15, с. 24].

снижение цен на них.

Отрицательные последствия, связанные с массовым притоком китайцев, заключаются в следующем: повышение монополистических позиций китайцев на рынке труда в сегменте дешевого труда; отсутствие возможностей развития русских торговых предприятий за счет использования китайцами иной культуры и формы ведения хозяйства; потери государства от неуплаты сборов за паспорт и разрешения; недополучение налогов от деятельности китайских предприятий; уход капитала в Китай за счет сезонных рабочих; развитие браконьерства и истребление природных ресурсов и т.д. Также в этот список можно добавить антисанитарию, пристрастие китайцев к азартным играм и курению опия, рост преступности и других социально не приемлемых явлений.

Причины массового притока китайцев в Приамурье носили преимущественно экономический характер, а последствия затрагивали не только экономику, социальные процессы, но и политические интересы России на восточных рубежах, то есть представляли угрозу в связи с появлением зависимости экономики региона от желтого труда и высокой степени организации мигрантов.

Если в отношении "обществ взаимного вспомоществования" позиция всех исследователей заключалась в запрете коммерческой деятельности и выполнения административных и судебных функций, то применительно к сезонным работникам мнения расходились [2, с. 165-194; 16, с. 156-162]. Так, Унтербергер ориентировался на запретительные меры [17, с. 78-79], распространявшиеся на всех иностранных подданных, а В. Граве сопоставив полученные сведения, пришел к необходимости разделять категории мигрантов и действовать более осмотрительно. Он отмечал, что для китайцев (сезонных работников), нанимаемых на частные предприятия, никакие ограничительные меры не будут иметь действия в силу возможности обойти закон [4, с. 61]. Поэтому необходимо, как и в случае с оседлыми китайцами, усилить контроль, а также использовать механизмы воздействия экономического характера. В этой связи он предложил снизить заработную плату русским работникам для повышения их конкурентоспособности с китайцами.

Таким образом, в ходе АЭ были выявлены возможности регулирования пребывания основной массы китайцев за счет усиления контроля над их деятельностью в России и создания необходимых условий для повышения конкурентоспособности русского труда и русских предприятий при снижении степени зависимости темпов развития территории от "желтого труда". В этих мерах виделось будущее развитие русской колонизации на Дальнем Востоке.

Корейцы: причины и последствия их присутствия

Корейский вопрос имел иные причины и последствия, чем китайский. Их рассмотрение требует использования другой классификации и логики изложения, чем в случае с китайскими подданными.

В отношении корейцев вопрос об их национальной принадлежности не ставился, т.к. история их появления в Приамурье была хорошо известна [4; 14; 15].

Песоцкий называл первый период миграции корейцев в Приамурье [15, с. 130] с конца 1860 – до 1904 – 1905 гг. "естественным просачиванием" через границу, наблюдаемым почти всегда при соприкосновении территорий более населенных с менее населенными. Причины их появления Н. Пржевальский объяснял густой населенностью и происходившей от этого нищетой; крайним деспотизмом корейского правительства; близостью русских земель с плодородною нетронутую почвой.

Эти причины составляют наиболее распространенный взгляд.

Второй этап, начавшийся после 1904 – 1905 гг., по мнению Песочного имел совершенно иные причины. Этот этап он обозначил как "действительная эмиграция" или массовое оставление родины с целью порвать с ней связь и найти другое отечество. Причины, определившие массовый приток корейцев в Приамурье в этот период связывались как с ситуацией в Корее, так и благоприятными условиями в соседних государствах: России и Китае. Воспользуемся материалами исследования Песочного к описанию ситуации того периода.

Главная причина, связанная с ситуацией в Корее, носила политический характер, а именно агрессивная колонизационная политика Японии посредством Восточного колонизационного общества – "The Oriental Development Company".

В Корее осуществлялся постепенный захват земель, преимущественно плодородных в пользу японских колонистов на нужды военного, железнодорожного и морского ведомств, колонизационного общества и других целей. После аннексии японское правительство призвало не только все бывшие государственные земли своей собственностью, но и вообще все свободные земли отнесла к категории государственных.

Вследствие сложившейся политической обстановки, в экономике страны корейцы не могли найти применения. Японцы при производстве технических работ пользовались преимущественно трудом своих соотечественников, арестантов и пленных инсургентов. Рабочих-корейцев нанимали редко и к тому же часто платили им "по усмотрению", а не "по уговору". Японским правительством были введены новые повинности, в соответствии с которыми корейское население должно было безвозмездно содержать в исправности проезжие дороги и проводить новые. Также был закрыт доступ корейцев к прибыльным промыслам: в лесной промышленности, эксплуатации горных богатств, рыболовстве и каботаже.

Таким образом, помимо существовавших на первом этапе причин, добавился политический аспект, когда население "выдавливалось" сначала на север страны, а затем и за ее пределы, где к тому периоду сложились благоприятные условия – набирающие темпы колонизационные процессы в Маньчжурии и в Приамурье.

Массовый приток корейцев в Россию объясняли несколько причин:

Во-первых, наличие возможности свободного перехода сухопутной и водной границы для нелегалов. Из-за протяженности береговой линии, проследить поступление последних было особенно трудно. В этой связи численность корейцев было определить сложнее, чем китайцев. Из числа прибывших временных работников на легальной основе трудилось не более 2%. Пребывание остальных было нелегальным и приносило ущерб казне. По оценкам Граве в 1906-1907 гг. численность корейцев в Приамурском крае достигала 50 тыс. (вместо 17-29 тыс., которые указывались в статистических данных) [4, с. 141].

Во-вторых, чистый заработок корейца в год колебался от 300 до 500 руб. иногда до нескольких тысяч, т.к. за некоторые виды работ получали ту же сумму, что и русские. До введения запрета использования корейского труда на приисках, они получали от 2 до 2,5 руб. в день, работая в артелях по 10-15 чел. [4, с. 149]. Учитывая отсутствие работы и доходов в Корее, такой заработок являлся хорошим стимулом к конкуренции на рынке труда России. Встречались русско-корейские артели, чего не было между русскими и китайцами. Производительность корейцев была на 25-30 % [4, с. 150] ниже, чем у русских, но настолько же выше, чем у китайцев. В пьянстве, опикуении, азартных играх, воровстве и убийстве замечались редко, что также отличало их от китайцев, но обладали на-

ходчивостью и изворотливостью в утайке и краже золота.

В-третьих, наличие большого количества свободной земли, соответствующих технологий, спроса, как на продукцию сельского хозяйства, так и на свободные руки, в том числе в качестве "половинщиков" – арендаторов казенных и переселенческих земельных участков (преимущественно в Приморской области). Для земледельцев-корейцев, казалось, не было природных ограничений на земледелие. Везде получался хороший урожай. Так, Граве описывает, что в глубокой тайге, окруженной марью, болотами, где почва трудно поддавалась русской культуре, употребляемые корейцами способы обработки земли давали, наоборот, прекрасные результаты. Те продукты, которые ввозились ранее издалека, легко доставались благодаря корейцам на месте. Более того, "оседание корейцев происходило на тех землях, где вряд ли русский переселенец... был в состоянии основаться" [4, с. 153]. Из-за распространения дешевого желтого труда русские переселенцы теряли интерес к собственной тяжелой доле земледельцев, получая основной доход с аренды земель, либо пробова свои силы в других занятиях – не связанных с землей, что противоречило целям переселенческой политики и возвращало крестьянство.

Положительные последствия массового притока корейцев связаны с решением продовольственной проблемы за счет обеспечения хлебом, овсом и другими культурами. Это в свою очередь снизило зависимость края от Маньчжурского хлеба и снизило цену на него. Также корейские переселенцы принесли наиболее подходящую для дальневосточных земель технологию земледелия, обеспечили край дешевой рабочей силой конкурировавшей с китайским трудом, до введения ограничительных и запретительных санкций.

Отрицательные последствия связывались с потерями казны от нелегального присутствия корейцев ввиду неуплаты ими обязательных сборов; фактической монополизацией работ в сельском хозяйстве южных приграничных районов Дальнего Востока; изменением национального состава переселенцев в сторону усиления присутствия "желтых"; стимулированием разлагающих русский народ явлений: тунеядство, преступность, пьянство и других; формированием политической опасности на приграничном участке. Последнее объяснение "желтой угрозы" исходило из признания корейцев в качестве подданных Японии, что предполагало возможность осуществления ими шпионской деятельности против России.

К моменту проведения АЭ преобладало представление о нависающей "желтой опасности". Большую роль в доведении этих опасений до государственного уровня и принятия мер, сыграл Павел Фридрихович Унтербергер – военный губернатор Приморской области (1888 – 1897 гг.), приамурский генерал-губернатор (1905 – 1910 гг.). Он считал, что "важнее освободиться от корейцев, китайцы – уйдут сами" [4, с. 136].

В противовес П. Унтербергеру, мнения сотрудников АЭ, занимавшихся "желтым вопросом", были более взвешенными. Шликевич считал, что корейцы могут рассматриваться в качестве колонизационного элемента, который может двигаться от окраин, от самых отдаленных земель до центра, тогда как русское переселение сможет идти в более благоприятных условиях – от центра к окраинам. Это двустороннее движение позволило бы русским прибывать "не в пустыню, но на воссоединение с людьми, с обжитыми местностями, с запасами хлеба" [19, с. 129-130]. То есть было предложено использовать "правильный" опыт колонизации Маньчжурии, где корейцы использовались китайским правительством в качестве "первопроходцев" в самых труднодоступных и неблагоприятных районах для местных жителей.

Позиция С. Шликевича, продолжала традиции А. Кауфмана [6,

с. 347-348; 1, с. 122-188], который считал более пригодным для местных условий использование корейского и китайского типа хозяйствования. Корейские хозяйства, привыкшие к условиям малоземелья, достигали хороших результатов, что доказывало возможность развития колониального движения даже в условиях сокращения объемов "удобной" земли. Более того, корейское присутствие обеспечивало создание двухсекторальной сельскохозяйственной экономики (русской и корейской), поддерживающейся на рыночных конкурентных условиях, что обеспечивало рынки товарами и сдерживало неконтролируемый рост цен.

До АЭ распространенным являлось мнение о невозможности ассимиляции корейцев с русскими. Однако анализ С. Шликевичем и специалистами статистико-экономического обследования казачьих и крестьянских хозяйств показали не культурную, но хозяйственную ассимиляцию корейцев. Доказательством тому являлось быстрое внедрение в производство культур (например, овса), ранее не известных и не использовавшихся корейцами. В то же время происходило и обратное движение со стороны русских хозяйств, в использовании также нетипичных продуктов (риса и сои) и технологии земледелия, распространенных в азиатских странах. Таким образом, корейский и русский типы хозяйствования взаимно перекликались и взаимно обогащались.

В. Песоцкий сформулировал рекомендации, которые соответствовали политическим, экономическим и культурно-национальным интересам края [15, с. 124-130].

Политические интересы:

1. Государственная граница должна быть заселена русскими: корейцев у границы впредь не селить, поселившихся ранее переместить вглубь края;
2. Права на русское подданство осевших у нас корейцев проверить; определить точно личность каждого и его права;
3. Права корейцев-иностранцев выяснить; их международно-правовое положение установить.

Экономические интересы:

1. Посьетский участок от корейцев очистить; живущих ныне переместить на льготных условиях в глубь края; дальнейшее утверждение их в участке (*Посьетском – примечание Ли Е.*) не допускать.
2. Развитие корейской аренды затруднить; участие в промышленности и подрядах регулировать.
3. Замене корейцами китайцев содействовать.

Культурно-национальные интересы:

1. Корейцев всех категорий использовать для упрочения, развития и процветания русской государственной жизни и для создания русской государственной мощи на Востоке.
2. Из корейцев не создавать элемента, могущего ввести в соблазн местную администрацию и русское население.
3. Не допускать возможности зарождения недоразумений между русским и корейским населением края.
4. Регулировать неуклонно ассимиляцию корейцев с русскими.

Таким образом, предложенные В. Песоцким меры, как и в случае В. Граве, носили регулирующий характер, за исключением вопросов

и территорий, имеющих политическое значение, где запретительные меры были стратегически необходимы. Рекомендации С. Шликевича и В. Песоцкого по направлению корейской земледельческой массы вглубь территории, а не запрещению их деятельности, способствовали бы в случае их реализации не только легализации существовавшей в тот период неконтролируемой активности и обмену земледельческими технологиями, но также снижению со стороны русских переселенцев склонности к получению более "легких" заработков "чужим трудом".

В. Песоцкий и В. Граве представили научную позицию относительно состояния и перспектив решения "желтого вопроса", которая должна была стать основой будущей государственной политики в Приамурье и на Дальнем Востоке в целом.

АЭ стала первым комплексным исследованием "желтого вопроса", предполагавшая непосредственную работу специально командированных специалистов, хорошо знакомых с местными условиями и культурой жизнедеятельности китайцев, корейцев и японцев на Дальнем Востоке, а также параллельное освещение проблемы в контексте хозяйствования русских переселенцев, практики земледелия и нужд местной торговли и промышленности. Этот подход обеспечивал изменения масштаба проблемы с узкого рассмотрения на микроэкономическом уровне в сфере рынка труда, до макроэкономического видения особенностей и перспектив социально-экономического и политического развития не только обслежуемого Приамурья, но и всего Дальнего Востока России.

Исследования В.Граве и В. Песоцкого являлись примерами сложившейся к началу XX века отечественной школы прикладных исследований [5, с. 66-86; 7, с. 125-133]. Масштаб и тщательность изучения материалов позволили им сформировать научно обоснованные рекомендации по применению экономических и административных механизмов к регулируемым процессам – "желтому вопросу" – и запретительных мер к неконтролируемым и опасным явлениям – "желтой угрозе". При этом выделялись экономические и географические сегменты, где присутствие временного желтого труда и постоянного желтого колонизационного элемента было целесообразно, либо представляло ущерб интересам края.

В. Граве и В. Песоцкий понимали, что желтый элемент стал неотъемлемой частью жизнедеятельности края. Любое необдуманное решение могло привести к ухудшению ситуации и увеличению "желтой опасности". Так, ограничительные меры в отношении казенных работ приводили к перетоку "желтого труда" в негосударственную нерегулируемую сферу, в связи с "несочувствием" со стороны частных лиц. Поэтому, учитывая многогранность существующих взаимосвязей, воздействие должно было быть постепенным, комплексным и масштабным.

В рамках АЭ было впервые проведено разделение "желтых" не только по их национальной принадлежности (корейцы, китайцы и японцы), но и типу экономической активности, что позволило делать выводы не в целом по их совокупности, а дифференцированно по категориям. Китайцы, и корейцы стали рассматриваться как необходимые условия развития конкуренции и процветания территории. "Правильная" постановка вопроса требовала усиления административного контроля за выполнением существующих правил пребывания "желтых". При этом важнейшим условием являлось не подавление конкурентных позиций иммигрантов, но создание благоприятных условий, способствующих развитию русской промышленности, торговли и сельского хозяйства.

Опыт развития Дальнего Востока и решения "желтого вопроса" на примере строительства Амурской железной дороги показал возможность и стратегическую важность государственного решения краткосрочных

задач. Строительство дороги было бы экономически более выгодным при использовании исключительно дешевого китайского и корейского труда. Однако в целях развития территории и не допущения оттока казенных средств за границу, было принято решение об использовании более дорогостоящего русского труда, привозимого из трудоизбыточных районов России. Эта мера позволяла не только решать краткосрочные задачи, связанные со строительством отдельных объектов, но и стратегически формировала класс переселенцев и работников для нужд промышленности и торговли. Таким образом, на государственном уровне стратегические интересы ставились выше выгоды в краткосрочном периоде.

Литература

1. Антология экономической мысли на Дальнем Востоке. Выпуск 1. Колонизационные процессы в Приамурском крае на рубеже XIX-XX веков // отв. Ред. Минакир; РАН, ИЭИ. Хабаровск: РИОТИП. 2008. 208 с.
2. Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае. Хабаровск. 1914. 203 с.
3. Вагин В. Корейцы на Амуре. Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных странах. Иркутск. 1876. С. 1-29.
4. Граве В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. ТАЭ. Выпуск XI. С. Петербург. Типография В.Ф. Киршбаума. 1912. 479 с.
5. Демьяненко А.Н., Дятлова Л.А., Ли Е.Л. План обследования / Антология экономической мысли на Дальнем Востоке. Выпуск 2. Исследование сельской экономики Приамурского края между русско-японской и Первой мировой // отв. Ред. Минакир; РАН, ИЭИ. Хабаровск: РИОТИП. 2009. 288 с.
6. Кауфман А.А. Переселение и колонизация. Типография т-ва "Общественная польза", С.-Петербург. 1905 г. 349 с.
7. Ли Е.Л., Демьяненко А.Н. Амурская экспедиция 1910 г.: опыт организации статистико-экономического обследования казачьего и крестьянского хозяйств Амурской области // Пространственная экономика, Хабаровск: 2010. № 2. С. 125-133.
8. Материалы статистико-экономического обследования казачьего и крестьянского хозяйства Амурской области. ТАЭ. Вып. II. Т. 1, ч. 1-я. Поселенные таблицы. СПб. 1911.
9. Материалы статистико-экономического обследования казачьего и крестьянского хозяйства Амурской области. ТАЭ. Вып. II. Т. 1, ч. 2-я. Комбинационные и групповые таблицы. Бюджеты. СПб.: 1912.
10. Материалы статистико-экономического обследования казачьего и крестьянского хозяйства Амурской области. ТАЭ. Вып. II. Т. 2, ч. 1-я. СПб.: 1912.
11. Материалы статистико-экономического обследования казачьего и крестьянского хозяйства Амурской области. ТАЭ. Вып. II. Т. 2, ч. 2-я. Текстовая разработка. СПб.: 1913.
12. Материалы статистико-экономического обследования части Восточного Забайкалья, тяготеющего к Амурской железной дороге. ТАЭ. Вып. II. Т. IV. СПб.: 1913.
13. Митинский А.Н. Материалы о положении и нуждах торговли и промышленности на Дальнем Востоке. СПб, 1911. 284 с.
14. Насекин Н. Корейцы Приамурского края. (Место издания книги не указано). 1904 г. 61 с.
15. Песоцкий В.Д. Корейский вопрос в Приамурье. ТАЭ. Приложение к

выпуску XI. Секретно. Хабаровск. Типография Канцелярии Приамурского Генерал-Губернатора. 1913. 188 с.

16. Сорокина Т.Н. Отношение русской администрации к китайским обществам в Приморской области в начале XX века. // Россия и Китай на Дальневосточных рубежах. Материалы третьей международной научной конференции "Россия и Китай на Дальневосточных рубежах", г. Благовещенск. 2003 г. С. 156-162.

17. Унтербергер П.Ф. Приамурский край. 1906-1910. Спб. 1912. 428 с.

18. Унтербергер П.Ф. Приморская область 1856-1898 гг.: Очерк. Спб. 1900. 324 с.

19. Шликевич С.П. Колонизационное значение земледелия в Приамурье. ТАЭ. Вып.5. СПб. 1911. 142 с.

УДК 947.081/.083(571.6)

Устюгова О.А.

Социальное положение и общественная деятельность предпринимателей-торговцев на юге Дальнего Востока России во второй половине XIX в.

Social status and public work of merchants in the South of the Russian Far-East in the second half of the XIXth century

В статье рассматриваются особенности формирования слоя дальневосточных предпринимателей-торговцев, их сословная принадлежность, положение в обществе, а также пути и способы повышения социального статуса. Значительное внимание уделяется участию купечества в общественной жизни региона, городском самоуправлении, выделяются основные сферы благотворительной деятельности российских и иностранных предпринимателей.

Ключевые слова: *Дальний Восток России, история, торговля, предприниматели, общественная деятельность, благотворительность.*

The author considers peculiarities and the process of forming the strata of the Far-Eastern merchants, their social status and possible ways of its rise. Special attention is given to the participation of local entrepreneurs in self-government and in public life of the region, also main spheres of charity of Russian and foreign businessmen are revealed.

Key words: *The Russian Far East, history, trade, merchants, public work, charity*

В середине XIX в. с правовой точки зрения купечество представляло собой сословие, принадлежность к которому определялась наличием купеческого свидетельства и утрачивалась в случае невозобновления такового в установленный срок, т.е. не была ни наследственной, ни пожизненной. В живой лексике, начиная с конца XIX века, слово "купец" означало не владельца сословного свидетельства, а всякого предпринимателя. Закрепленная реформами конца XVIII в. открытость купеческой

корпорации облегчала приток в нее новых членов, что, с одной стороны, снижало возможности внутреннего воспроизводства сословия, а с другой способствовало включению в его состав активных социальных элементов [5, с. 210-211; 17, с. 61].

У купечества отдельных регионов существовали особенности, которые определялись как экономическими условиями, так и происхождением и источниками пополнения купечества, его социальным и национальным составом [6, с. 205-206]. Персональный учет крупной дальневосточной буржуазии при отсутствии или отрывочности сведений в источниках крайне затруднен, однако Н.А. Троицкой удалось собрать данные о сословной принадлежности, месте выхода и роде деятельности 372 крупных предпринимателей, действовавших на Дальнем Востоке России в 1861 – 1904 гг. Торговлю в городах юга Дальнего Востока России во второй половине XIX в. осуществляли 228 чел., причем 10% от их численности составляло дворянство, 50% – купечество, 30% – мещане и 16% – крестьяне. Примерно 55% крупных буржуа составляли мигранты из Европейской России, Сибири и иностранных государств. На выходцев из Сибири приходилась приблизительно треть местных предпринимателей-торговцев. Преимущественно это представители городов Восточной Сибири (Кяхты, Иркутска, Читы, Нерчинска), географически и экономически связанных с Дальним Востоком. Также регион привлекал внимание уроженцев Европейской России (южных губерний, Москвы, Петербурга, городов Урала). Географическое положение региона обусловило существование таких источников пополнения сословия, как ссыльные и иностранцы, последние составляли 9% [15, с. 57, 58, 60, 78-79, 186-197].

Социальное положение российского предпринимателя было сложным. В российском обществе отношение к предпринимателям всегда было скорее негативным, поскольку богатство, нажитое торговлей, считалось не совсем честным. Неудивительно, что вплоть до конца XIX в. купцы стремились повысить свой социальный статус различными путями. К ним относились поступление их на государственную службу, получение звания потомственного почетного гражданина или дворянства. Богатые купцы, особенно в дореформенное время, старались путем брачных связей породниться с дворянами и чиновниками [13, с. 135].

Администрация края нередко привлекала предпринимателей к обсуждению проблем социально-экономического развития региона, они активно участвовали в многочисленных совещаниях и съездах, высказывая свое мнение по различным вопросам и предлагая конкретные методы разрешения возникавших в ходе их реализации проблем. Так, например, в апреле 1895 г. по инициативе военного губернатора Приморской области было созвано совещание предпринимателей города Владивостока, на котором рассматривался вопрос о том, какие иностранные товары и в каких размерах необходимо обложить пошлиной. К обсуждению были приглашены купцы М.Г. Шевелев, А.К. Вальден, Ю.И. Бринер, Я.Л. Семенов, А.Н. Кузнецов, К.Н. Шулыгин и два представителя немецких фирм – К. Альбертц (от фирмы "И. Лангелитье") и А.В. Даттан. Последний, в связи с отъездом в Японию, не смог участвовать в совещаниях, но составил подробную записку по обсуждавшемуся вопросу. Высокий авторитет предпринимателей подтверждает и то, что они участвовали в работе съездов сведущих людей. В числе 85 человек, приглашенных на состоявшийся в 1893 г. III Хабаровский съезд, присутствовало 11 торговцев, в том числе хабаровские купцы С.Я. Богданов, В.Ф. Плюсин, М.П. Пьянков, П.Д. Михайлов, владивостокские купцы М.Г. Шевелев, В.П. Бабинцев, Я.Л. Семенов, Ю.И. Бринер, О.В. Линдгольм, а также представители фирмы "Кунст и Альберс" Э. Корнельс

и А.М. Клоос (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 174. Л. 108 – 108 об., 170). Коммерсантами были рассмотрены вопросы развития местной торговли и промышленности, улучшения транспортного сообщения, вскрыты причины дороговизны продуктов в Приамурском крае. Участие в решении важнейших проблем региона не только повышало социальный статус предпринимателей и реализовывало их потребность в общественной деятельности, но и позволяло им отстаивать интересы своего бизнеса. Однако, используя представителей делового мира в качестве экспертов, российские власти в то же время детально регламентировали условия и пределы частнопредпринимательской инициативы в этой области [11, с. 253-255; 4, с. 31-32].

Во второй половине XIX в. возросло значение купечества в общественной жизни региона. Городовое положение 1870 г. заменило прежние сословные учреждения в городах всесословными. Систему органов городского общественного управления составляли городское избирательное собрание (для избрания раз в четыре года гласных), городская дума (распорядительный орган) и городская управа (исполнительный орган) [14, с. 207-208]. Городские думы и управы ведали вопросами городского благоустройства, развития торговли, промышленности, здравоохранения, образования и др. Участвуя в работе городских дум, предприниматели могли влиять на установление городских сборов и налогов, утверждать городскую смету, решать вопросы об аренде земельных участков и др. Органы городского самоуправления стали своего рода представительными органами местной буржуазии. Собранные Г.Я. Тригубом данные о распределении избирателей по роду и величине уплачиваемых налогов позволяют судить о социальном составе избирательных собраний Владивостока. Прежде всего, росло число избирателей из купцов и мещан (включая лиц, взявших свидетельство на мелочный торг и приказчишь свидетельство 1-го класса): если в 1875 – 1879 гг. их было соответственно 13 (7,88%) и 47 (28,48%), то в 1887 – 1891 гг. 50 (15, 38) и 133 (40,92). Наблюдается рост численности и удельного веса гласных из торгово-промышленных слоев: в 1875 – 1879 гг. в составе гласных было 7 купцов и 7 мещан (по 23,3%), а в 1887 – 1891 гг. 15 (50%) и 7 (23,3%). Купцы 1-й и 2-й гильдий избирались гласными Владивостокской городской думы чаще других, на купечество приходится 43,5% от общего числа переизбранных гласными на очередной срок и 77,8% от числа переизбравшихся на три четырехлетия и более. В 1894 г. в числе 32 гласных Владивостокской городской думы было 15 купцов. Гласными городских дум избирались и принявшие российское подданство иностранцы: в течение нескольких созывов во Владивостокской городской думе работал один из совладельцев торгового дома "Кунст и Альберс" А.В. Даттан. Для купцов было скорее нормой, чем исключением, пребывание в думе 2-3 срока. Например, А.К. Вальден, финляндский уроженец, провизор, купец, избирался в думу с 1-го по 5-е выборные четырехлетия. В Благовещенске в городских думах разных созывов состояли купцы С.С. Шадрин, И.И. Мамонтов, В.А. Левашов, Н.В. Ельцов, А.И. Роганов и др. [12, с. 83-85; 14, с. 209-212; 11, с. 256].

Следует заметить, что самостоятельность органов городского самоуправления была предельно сужена: они находились под контролем губернатора и председателя Казенной палаты даже при формировании бюджетов. Администрация могла изменять проект городской приходно-расходной росписи (т.е. бюджет) по своему усмотрению, вмешиваться в решение хозяйственных вопросов, пресекались любые проявления общественно-политической инициативы, критики отдельных государственных структур и персон. В целом во второй половине XIX в. последовательно проводилась политика постепенного ограничения правовых

и финансовых возможностей городского самоуправления, однако местному общественному самоуправлению предоставлялась определенная свобода действий – в противном случае оно бы не смогло выполнять возложенные на него законом административно-хозяйственные задачи [13, с. 142-143; 13, с. 99-103].

Большая потенциальная энергия деловых людей при их ограниченных возможностях участия в политической и общественной жизни находила выход в занятиях благотворительностью, взлет которой наблюдался с конца 80-х – начала 90-х гг. XIX в. В связи с удаленностью региона от центра многие социальные государственные программы (охрана материнства и детства, борьба с детской смертностью, поддержка деятелей науки, искусства и культуры и т.д.) не получили здесь распространения. Поскольку государство не могло обеспечить финансирование здравоохранения, народного образования и городского хозяйства в полном объеме, организацию помощи нуждающимся брали на себя предприниматели [13, с. 142-143; 7, с. 103, 107; 2, с. 235; 5, с. 475; 9, с. 349].

Традиции благотворительной деятельности в России своими корнями уходят в постулаты христианства, в традиции русского православия. Религиозность воспринималась в предпринимательской среде как безусловная добродетель. Обязательность пожертвований провозглашалась христианством, а для богатых эта обязательность усугублялась по причине греховности богатства. Таким образом, необходимость благотворения была одним из главных ценностных и поведенческих стереотипов, закрепившихся в сознании российской буржуазии [9, с. 337, 349; 5, с. 452-453; 10, с. 191].

Благотворительность и меценатство не только поддерживались буржуазной моралью и церковью, но и являлись одним из каналов социальной мобильности, так как открывали доступ к почетному гражданству, иногда к дворянству, обеспечивали престиж и авторитет фамилии, позволяли получить благоприятные условия для успешной предпринимательской деятельности, финансовые льготы и т.п. Оказывая помощь нуждающимся, предприниматель давал понять, что он собирается вести свои дела основательно, это свидетельствовало о солидности предприятия [8, с. 323; 10, с. 191-192; 2, с. 236-237].

В основном благотворительностью занимались крупные предприниматели, однако посильная помощь поступала и от небогатой буржуазии. Благотворительная деятельность многих предпринимателей не ограничивалась пожертвованиями, они активно работали в составе различных обществ, комитетов и т.д. Основными сферами благотворительной деятельности российских и иностранных (особенно немецких) предпринимателей на юге Дальнего Востока России были помощь переселенцам и детям, народное образование, здравоохранение, просветительство, культура и церковь.

Появившийся в крае одним из первых красноярский купец 1-й гильдии П.И. Кузнецов в 1854 г. пожертвовал 100 тыс. руб. серебром на организацию первого амурского сплава, предпринятого Н.Н. Муравьевым-Амурским (всего на разные предприятия по освоению Приамурья он пожертвовал более 2 млн. руб.). Представители торгового дома "Кунст и Альберс" работали в составе Общества по оказанию помощи и покровительства нуждающимся переселенцам Приморской области, выдававшего пособия на покупку скота, сельскохозяйственных орудий труда, семян; были открыты склады для продажи переселенцам предметов первой необходимости по льготным ценам [16, с. 4; 10, с. 180].

В местных отделениях Российского общества Красного Креста, которое собирало пожертвования и организовывало медицинскую помощь больным, раненым и пострадавшим от стихийных бедствий, активно

работали немецкие предприниматели. В 1891 г. один из совладельцев фирмы "Кунст и Альберс" А. Даттан был избран членом Владивостокского комитета Российского общества Красного Креста, а позже стал членом его правления [10, с. 180-181].

Многие предприниматели активно работали в попечительных советах детских благотворительных учреждений. А. Даттан был пожизненным членом Хабаровского благотворительного и попечительного общества Ольгинского детского приюта трудолюбия, содержавшегося исключительно на благотворительные средства. Они складывались из взносов членов общества, разного рода пожертвований, сборов с благотворительных концертов, спектаклей и т.д. [10, с. 180; 16, с. 28].

Особенно много было сделано предпринимателями в деле поддержки народного образования – школ, гимназий, училищ и институтов. Хабаровский купец А.Ф. Плюснин на своей родине в селе Батурино построил школу и пожертвовал 500 руб. на пособия учащимся. Хабаровские купцы М. Чардымов, А.Ф. Плюснин, И.Р. Рафаилов, выполнявшие обязанности, данное в 1873 г. во время визита Великого князя Алексея Александровича, открыли первую школу в городе. А.Ф. Плюснин отдал под нее свой собственный дом, М. Чардымов выплачивал ежегодное пособие в 800 руб., а И.Р. Рафаилов взял на себя решение организационных вопросов. В 1898 г. хабаровский купец И.П. Пьянков пожертвовал средства на школу, которая в его честь стала называться Иннокентьевской, а через два года он был избран попечителем этой школы. В 1889 г., когда фирма "Кунст и Альберс" отметила 25-летний юбилей, ее основатели, проживавшие к тому времени в Гамбурге, пожертвовали Владивостоку 10 тыс. руб. для учреждения стипендии в городской мужской гимназии [16, с. 14-15; 7, с. 103; 1, с. 116; 3, с. 128].

В 1865 г. Ф. Людорф стал членом попечительского совета Николаевского женского училища. За годы работы в этом совете он пожертвовал на нужды учебного заведения 8 тыс. руб. М.И. Суворов построил здание женской гимназии, оплачивал учебу обездоленных детей, его именем было названо Второе женское городское начальное училище, которому он пожертвовал значительную сумму денег. А. Даттан в 1891 г. стал почетным попечителем Владивостокской прогимназии (с 1895 г. гимназии); за 9 лет работы им было пожертвовано около 15 тыс. руб., а также выделено 6 тыс. руб. на учреждение стипендии торгового дома "Кунст и Альберс" для выпускников. Также он был действительным членом Общества содействия нуждающимся учащимся г. Хабаровска, которое оплачивало малообеспеченным детям учебу, выплачивало стипендии и оказывало другую помощь [10, с. 184-185; 7, с. 102].

Предприниматели помогали и другим учебным заведениям российского Дальнего Востока. А. Альберс входил в попечительский комитет владивостокского Александровского мореходного училища дальнего плавания, которое готовило кадры для морского флота. Особое внимание уделялось помощи коммерческим училищам и другим учебным заведениям подобного рода. Торговый дом "Кунст и Альберс" вместе с другими предпринимателями оказывал помощь в строительстве Владивостокского коммерческого училища, впоследствии А. Альберс стал действительным членом его попечительного совета, а представители фирмы "Вальдекер и Пеппель" приняли активное участие в его деятельности. Фирма "Кунст и Альберс" взяла на себя полное обеспечение 6 учеников торговой школы Хабаровска, а также ежегодно жертвовала ей 300 руб. [10, с. 186-187].

С момента создания Восточного института А. Даттан оказывал ему значительную помощь: выделял средства на ремонт здания, приобретение мебели и другого инвентаря, содержал льготную столовую для сту-

дентов, финансировал их лечение и т.д. В 1899 г. Он пожертвовал около 100 тыс. руб. на строительство общежития, в 1900 г. затратил 12 тыс. руб. на сооружение церкви при институте [16, с. 24; 7, с. 103; 12, с. 181-182].

Предприниматели оказывали посильную помощь и при строительстве церквей. Хабаровский купец А.Ф. Плюснин на собственные средства построил церковь Святого Иннокентия, а его брат В.Ф. Плюснин помогал Успенскому собору в Хабаровске [16, с. 14, 16; 10, с. 190].

Литература

1. Бурилова М.Ф. Хабаровские купцы из ссыльнопоселенцев // Съезд сведущих людей Дальнего Востока: материалы науч. конф. Хабаровск, 1994. С. 115-117.

2. Горбунова И.А. Развитие благотворительности в Приамурском крае // Четвертые Гродековские чтения: Приамурье в историко-культурном и естественно-научном контексте России: материалы регион. науч.-практ. конф. Хабаровск, 2004. Ч. I. С. 235-241.

3. Деев Л. Кунст и Альберс Владивосток. История немецкого торгового дома на российском Дальнем Востоке (1864 – 1924 гг.). Владивосток: Изд-во Примполиграфкомбинат, 2002. 336 с.

4. Заключение совещания предпринимателей г. Владивостока по отдельным статьям таможенного тарифа от 4-7 апреля 1895 г. // Порто-франко на Дальнем Востоке: сборник документов и материалов. Владивосток, 1998. С. 31-100.

5. История предпринимательства в России. Кн. 2. Вторая половина XIX – начало XX вв. М.: РОССПЭН, 1999. 575 с.

6. Карманов А.В. Особенности формирования предпринимательского менталитета западносибирского купечества в XIX в. // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Четвертые научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. Барнаул, 2003. Кн. II. С. 201-207.

7. Лазарева С.И., Сергеев О.И. Общественная благотворительность на Дальнем Востоке во второй половине XIX – первой половине XX в. Российский опыт и его использование в Маньчжурии // Дальний Восток России в системе международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе: история, экономика, культура (Третьи Крушановские чтения, 2003 г.). Владивосток, 2006. С. 97-108.

8. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т. 2. СПб.: Дм. Буланин, 2000. 567 с.

9. Миронов Г.Е. История государства Российского: Историко-библиографические очерки. XIX век. М.: Изд-во "Кн. палата", 1995. 734 с.

10. Молчанова Е.Г. Немецкие предприниматели на российском Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX вв. Дис. ...канд. ист. наук. Владивосток, 2001. 285 с.

11. Молчанова Е.Г. Участие немецких предпринимателей в решении экономических и социальных проблем Дальнего Востока России во второй половине XIX – начале XX вв. // Четвертые Гродековские чтения: Приамурье в историко-культурном и естественно-научном контексте России: материалы регион. науч.-практ. конф. Хабаровск, 2004. Ч. I. С. 253-257.

12. Сергеев О.И., Лазарева С.И., Тригуб Г.Я. Местное самоуправление на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – начале XX вв. Очерки

истории. Владивосток: Дальнаука, 2002. 296 с.

13. Старцев А.В., Гончаров Ю.М. История предпринимательства в Сибири (XVII – начало XX в.) Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. 215 с.

14. Тригуб Г.Я. Городовое положение 1870 года и социальный состав Владивостокского городского общественного управления // Шестая дальневосточная конференция молодых историков: сб. материалов. Владивосток, 2001. С. 207-213.

15. Троицкая Н.А. Формирование и деятельность крупной буржуазии на русском Дальнем Востоке (1861-1904). Дис. ...канд. ист. наук. Томск, 1989. 211 с.

16. Хабаровск купеческий в фотографиях и документах. Хабаровск, 1998. Хабаровск: Краев. краевед музей им. Н.И. Гродекова, 1998. 48 с.

17. Шершеневич Г.Ф. Учебник торгового права (по изданию 1914 г.). М.: Спарк, 1994. 335 с.

УДК 947.087/.088 (571.63 – 20)

Власов С.А.

Владивосток в годы хрущевской "оттепели"

Vladivostok during Khrushchev "thaw"

В годы хрущевской "оттепели" благодаря правительственным постановлениям во Владивостоке началось активное жилищно-гражданское строительство, появились новые учреждения культуры, высшие учебные заведения, повысился уровень социально-культурной сферы. Все эти позитивные перемены явились основой, благодаря которой город развивался и в последующие годы.

Ключевые слова: социальная политика, государственные капиталовложения в развитие Владивостока, массовое жилищное строительство, социально-культурное развитие, повышение благосостояния народа

During Khrushchev «thaw» due to the government regulations in Vladivostok an active housing and civil construction began, new cultural institutions and universities appeared, social cultural sphere was improved. All these changes were the basis by which the city developed in subsequent years.

Key words: social policy, state investments in Vladivostok, mass house building, social-culture development, public wealth improvement

В июле 2010 г. Владивосток отметил 150 годовщину со дня своего основания. За полтора столетия история города складывалась по-разному. Одним из самых благоприятных периодов было время хрущевской "оттепели". Перемены, происходившие в то время в стране в различных сферах духовной и социально-экономической жизни советского общества, не могли не повлиять на развитие города. Во многом это связано как с реформаторской деятельностью Н.С. Хрущева в масштабах всей страны, так и его особым вниманием к "Дальневосточному Кронштадту".

Впервые Н.С. Хрущев – первый секретарь ЦК КПСС посетил Владивосток осенью 1954 г., когда вместе с другими членами Президиума ЦК партии – Н.А. Булганиным, А.И. Микояном совершил поездку по Дальнему Востоку (Сахалин, Приморский и Хабаровский края). По воспоминаниям самого Хрущева, посещение Владивостока было вызвано необходимостью решить вопрос о дальнейшей судьбе города – окончательно закрепить за ним статус закрытой военно-морской базы, сосредоточив здесь весь Тихоокеанский флот, или оставив в городе часть военных, других вывести в иные места базирования [3, с. 171-172].

Ознакомившись с городом, высокопоставленные чиновники отме-

тили его неблагоустроенность, разбросанность, слабую связь отдаленных районов с центром, неразвитость стройиндустрии, плохое обеспечение горожан жильём. Действительно, в 1954 г. жилой фонд Владивостока составлял 1230 тыс. кв. м, из которого почти половина – 550 тыс. кв. м приходилась на одноэтажные дома. Причем значительная часть одноэтажного жилого фонда являлась ветхой и непригодной для жилья (ГАПК. Ф. 373. Оп. 1. Д. 422. Л. 23). В крайне запущенном состоянии находилась городская инфраструктура. Из 600 км дорог, лишь около 50 км имели твердое покрытие, практически отсутствовала ливневая канализация, что при гористом рельефе города и обильных осадках летом приводило к большим разрушениям дорог и городских улиц. Не хватало школ (занятия шли в три смены), из 62 школ 12 размещались в зданиях пришедших в полную негодность (ГАПК. Ф. 373. Оп. 1. Д. 412. Л. 1).

Во многом такая ситуация сложилась из-за того, что в первые послевоенные годы все ресурсы страны были направлены на восстановление районов, пострадавших в годы Великой Отечественной войны. По окончании восстановительного периода город также не развивался. В условиях начавшейся "холодной войны", напряженной международной обстановки на Дальнем Востоке Владивосток, как и в довоенное время, в первую очередь призван был обеспечить безопасность восточных границ СССР. Фактически город превратился в закрытую военно-морскую базу, где жилищно-культурное и бытовое строительство велось в ограниченных размерах. Все это привело к тому, что к середине 1950-х гг. Владивосток уступал другим дальневосточным и сибирским городам в развитии жилищно-бытовой инфраструктуры, благоустройстве, наличии медицинских и культурных учреждений.

По итогам визита членов Президиума ЦК КПСС Совет Министров СССР 23 июля 1955 г. принял постановление "О жилищном и культурно-бытовом строительстве в г. Владивостоке и его благоустройстве". В этом постановлении решение насущных для города проблем возлагалось на союзные министерства, имеющие в городе предприятия и учреждения. Министерства судостроительной промышленности, обороны, морского флота, рыбной промышленности обязаны были построить жилые дома, принять долевое участие в возведении школ, детских дошкольных учреждений и других объектов коммунально-бытовой сферы. Часть жилья должно было построить Министерство строительства СССР, но главная его задача заключалась в возведении школ, больниц, административных зданий и объектов культурно-бытового назначения (ГАПК. Ф. 373. Оп. 1. Д. 433. Л. 16). Всего в 1955-1960 гг. в городе планировалось построить 412 тыс. кв. м жилой площади (ГАПК. Ф. 373. Оп. 1. Д. 412. Л. 3).

Ведомственный подход к решению жилищной проблемы являлся в то время в СССР общепринятым. Владивосток здесь не являлся исключением. Подавляющая доля жилья возводилась министерствами и ведомствами, имеющими строительные организации. Министерства отпускали "своим" подведомственным предприятиям необходимые капиталовложения, на которые крупные заводы и организации, нуждающиеся в специалистах и рабочих, возводили для них жильё. Жилищное строительство было подчинено задаче по формированию кадров для крупных предприятий промышленности и транспорта. Во Владивостоке таковыми были Дальзавод, торговый порт, Дальневосточное морское пароходство.

Однако решить жилищную проблему за счет ведомственного строительства не удалось. Жилищное строительство в городе активизировалось лишь частично. Ведомства не справлялись с плановыми заданиями, ссылаясь на отсутствие надлежащей материально-технической

базы, нехватку стройматериалов и кадров. Горисполкому, чтобы как-то получить дополнительные "квадратные метры", пришлось прибегать к таким "оригинальным" решениям, как "уплотнение" учреждений и организаций, когда у них изымалась часть конторских площадей и переоборудовалась под жильё.

Новый этап в решении жилищной проблемы в городе начался после того, как 31 июля 1957 г. вышло постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР "О жилищном строительстве в СССР", положившее начало массовому жилищному строительству по всей стране, включая Владивосток. В постановлении предусматривался целый комплекс мер, направленных на ускоренное решение жилищного вопроса. В частности указывалось, что с 1958 г. обязанности заказчика по жилищному, культурно-бытовому и коммунальному строительству в городах возлагались не на ведомства, а на исполкомы [2, с. 361].

Подобная структура – Управление капитального строительства (УКС) была создана при Владивостокском горисполкоме. В ведении УКС находились все вопросы жилищно-гражданского строительства в городе – очередность застройки микрорайонов города, контроль за ходом и качеством строительства.

Программой массового жилищного строительства предусматривалось возведение типовых домов в 4-5 этажей с малогабаритными квартирами, где имелся полный набор коммунальных услуг (централизованное отопление, холодная и горячая вода, канализация). При этом использовалась новая, ускоренная технология поточного строительства, когда сразу застраивался целый квартал, или, как тогда говорили, жилой массив.

Владивосток стал первым из дальневосточных городов, где с 1958 г. стал применяться подобный метод строительства. Так началось решение жилищной проблемы, которая в то время для большинства горожан была одной из самых трудноразрешимых. Ранее рядовым жителям Владивостока рассчитывать на отдельную благоустроенную квартиру было невозможно, они могли получить комнату в коммуналке или, взяв кредит, построить своими силами небольшой деревянный домик без коммунальных удобств. Отдельные благоустроенные квартиры предоставлялись крупным чиновникам, руководителям производства, высококвалифицированным специалистам, передовикам производства.

Конец 1950-х гг. ознаменовался для Владивостока еще и тем, что город заявил о себе не только, как о форпосте, обеспечивающем безопасность восточных границ СССР, но и как о культурном и научном центре Дальнего Востока. В конце 1950-х гг. во Владивостоке построили два новых кинотеатра, началось строительство еще одного на 500 мест. В 1956 г. на базе педагогического института был восстановлен Дальневосточный государственный университет, в 1958 г. открылся медицинский институт. На базе Дальневосточного филиала АН СССР были созданы три научно-исследовательских института – основа будущего Дальневосточного научного центра.

Получила развитие и промышленность города – открылись новые предприятия – заводы "Радиоприбор", судоремонтный в бухте Диомид, инструментальный, предприятия стройиндустрии.

Качественно новый этап в развитии Владивостока начался после второго приезда Н.С. Хрущева в начале октября 1959 г. Второй визит существенно отличался от первого. Во время первого Хрущев еще не набрал нужного политического веса, он только вступил во власть и чувствовал зависимость от своих ближайших соратников и не мог принимать самостоятельных решений, ему приходилось действовать с оглядкой на своё окружение. В государственно-партийном аппарате на некоторое время

возобладал принцип коллективного руководства.

Второй визит проходил совершенно в иной обстановке. К этому времени прошел XX съезд КПСС, где Хрущев, преодолев сопротивление "сталинистов" – К.Е. Ворошилова, Л.М. Кагановича, В.М. Молотова, выступил с докладом, разоблачающим культ личности И.В. Сталина, чем снижал себе симпатии либерально настроенной интеллигенции. На июньском (1957 г.) Пленуме ЦК КПСС Хрущев отразил атаку антипартийной группы во главе с Г.М. Маленковым, Л.М. Кагановичем и В.М. Молотовым, ему удалось вывести их из руководящих органов партии. В 1957 – 1958 гг. Хрущев лишил постов своих потенциальных соперников в борьбе за власть – министра обороны Г.К. Жукова и Председателя Совета Министров Н.А. Булганина. В марте 1958 г. на сессии Верховного Совета СССР Н.С. Хрущев был избран Председателем Совета Министров СССР. Тем самым, устранив реальных и потенциальных соперников в борьбе за место на политическом олимпе, он сосредоточил в своих руках два высших поста – партийного и правительственного руководителя. Хрущев достиг зенита своей политической карьеры и окончательно укрепился на вершине власти, став полномочным лидером партии и государства. С этого времени (1958 г.) Хрущев стал абсолютно самостоятелен в принятии важнейших решений, связанных с внешней политикой и социально-экономическим развитием страны, так и менее значимых (как это было в отношении Владивостока).

Н.С. Хрущев прибыл в город 4 октября 1959 г. Примечательно, что в отличие от первого приезда, который практически не освещался и прошел незаметно, на этот раз Хрущеву была устроена торжественная встреча. Хрущев, как триумфатор, въехал в город на лимузине, осыпаясь цветами и приветствуемый восторженными горожанами. Через день 6 октября он выступил на многотысячном митинге, проходившем на стадионе, где назвал Владивосток красивым городом, и отметил, что "его можно и нужно сделать еще лучше, еще красивее, еще благоустроеннее" (ГАПК. Ф. 373. Оп. 1. Д. 541. Л. 3).

В общении с узким кругом руководителей края и города Хрущев был более критичен и высказал ряд замечаний, касающихся обеспечения населения товарами и социально-бытовыми услугами, были высказаны замечания и по благоустройству города (ГАПК. Ф. П-68. Оп. 30. Д. 6. Л. 1-2).

Главным результатом пребывания Хрущева во Владивостоке явилось принятие решения об ускоренном развитии города. Уже в конце октября по его распоряжению во Владивосток прибыла большая группа специалистов (48 чел.) во главе с председателем Государственного комитета Совета Министров СССР по делам строительства В.А. Кучеренко. Специалисты из Москвы совместно с краевыми организациями разработали предложения по ускорению жилищно-гражданского строительства во Владивостоке. Эти предложения легли в основу постановления Совета министров СССР от 18 января 1960 г. "О развитии г. Владивостока". 28 января подобное постановление принял Совет Министров РСФСР. Постановления союзного и республиканского правительств, появившиеся в год 100-летнего юбилея Владивостока, обращали серьезное внимание на развитие города. Речь шла не о простом увеличении физических размеров Владивостока, а о его превращении в один из лучших и красивейших городов СССР. В постановлениях указывалось, что в 1960 – 1965 гг. будут построены жилые дома площадью 1,6 млн. кв. м, школы на 20,1 тыс. учащихся, детские дошкольные учреждения на 13,5 тыс. мест, несколько кинотеатров и гостиниц, городская библиотека, Дом пионеров, цирк, драматический театр на 1000 мест и ряд других объектов (ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 155. Л. 4). Фактически за шесть лет предполагалось построить

по существу новый город, который по своим размерам равнялся прежнему Владивостоку.

Для реализации столь амбициозной программы жилищно-гражданского строительства в городе в короткие сроки была создана мощная база стройиндустрии. Появились заводы по производству железобетонных изделий и конструкций, бутощебеночный завод, ряд других предприятий по производству строительных материалов. По приказу Министерства строительства РСФСР было создано Главное Управление по строительству города Владивостока – Главвладивостокстрой. Главк объединял несколько строительных трестов и управлений, предприятия по выпуску стройматериалов, и стал одной из самых мощных строительных организаций Дальнего Востока, его начальником стал В.А. Поликанов (с 1963 г. – А.Н. Сальмин).

Для того, чтобы вновь созданный Главк, мог справиться с большим объемом строительных работ, во Владивосток по оргнабору были направлены рабочие из разных районов страны – Волгограда, Ульяновска, Владимирской области. Только за один 1960 г. во Владивосток по оргнабору прибыло 4500 рабочих из европейской части страны (ГАПК. Ф. П-435. Оп. 1. Д. 394-А. Л. 16).

Реализация правительственных постановлений "О развитии г. Владивостока" стала незамедлительно осуществляться в том же 1960 г. Хотя проектирование и строительство различных объектов (нового жилого массива в Минном городке, морского вокзала, фуникулера) поначалу затруднялось из-за отсутствия генерального плана развития города, над которым в ускоренном темпе работали архитекторы и инженеры ленинградского института "Ленгипрогор". Новый генплан был утвержден Советом Министров РСФСР 4 апреля 1961 г. В его основу легли идеи, содержащиеся в постановлениях Совета Министров СССР и РСФСР "О развитии г. Владивостока". Они предусматривали превращение Владивостока в город, удобный и благоустроенный для жизни его населения, красивый и выразительный по внешнему облику, что должно было соответствовать статусу Владивостока, как "форпосту социализма" на Тихом океане.

Работа над генпланом потребовала от ленинградских специалистов высокого профессионализма. Владивосток в отношении планировки и застройки являлся чрезвычайно сложным городом из-за естественно-географических условий. Проектировщикам пришлось учитывать сложную поверхность города – высокие сопки, близко подходящие к сильно изрезанной береговой линии моря, отсутствие свободных земельных площадей в центральной части города, наличие в пригороде воинских частей и ряд других особенностей.

Генплан был рассчитан до 1980 г. К этому сроку предусматривалось построить 4,5 млн. кв. м жилой площади и, пропорционального числу жителей, количества школ, детских комбинатов, торговых, бытовых, культурных, медицинских, спортивных и других обслуживающих население учреждений. По генплану предусматривалось развитие путей сообщения и общественного транспорта. В частности, предполагалось строительство троллейбусной линии от центра города до загородной курортной зоны, транспортного тоннеля через сопку, связывающего центральную магистраль города с районом Минного городка. Помимо этого, в генплане предусматривалось строительство трамвайных путей на полуострове Голдобин, общей протяженностью 14 км и моста через бухту Золотой Рог (ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 155. Л. 58).

Генплан в отношении строительства новых магистралей, дорог и развития общественного транспорта был реализован частично. В октябре 1962 г. закончилось строительство новой трамвайной линии, протя-

женностью почти 3 км, через год в эксплуатацию вступил Некрасовский путепровод, в 1965 г. в городе стал ходить троллейбус. Однако троллейбусная линия в пригородную зону появилась только в 1985 г., мост через Золотой Рог начали строить в 2008 г., к тому же этот важный для города объект возводился уже в совершенно иных обстоятельствах, как объект для саммита АТЭС 2012 г. Проект транспортного тоннеля так и остался нереализованным.

Одной из главных задач, поставленных в генеральном плане, являлось жилищное строительство. Для его ускорения во Владивостоке применялась новая технология строительства – крупнопанельное домостроение. Этот метод возведения жилья, получивший широкое применение с началом массового жилищного строительства по всей стране, стал доминирующим и во Владивостоке. С марта 1962 г. крупнопанельными домами стал застраиваться новый большой микрорайон на Второй Речке. Благодаря крупнопанельному домостроению темпы жилищного строительства в городе резко возросли. За пять лет (1960-1964 гг.) жители Владивостока получили 975 тыс. кв. м жилой площади (ГАПК. Ф. 26. Оп. 33. Д. 915. Л. 50). Благодаря интенсивному жилищному строительству большинство владивостокцев получили благоустроенные квартиры с полным набором коммунальных услуг.

У крупнопанельного домостроения, ставшего доминирующим в жилищном строительстве в 1960-е гг., при его главном преимуществе – сокращении сроков строительства, был существенный недостаток. Типовые панельные дома вследствие особенностей их конструктивного решения мало отличались друг от друга, что стало причиной однообразной, монотонной застройки в большинстве городов СССР. Владивостоку удалось избежать подобной участи. Город, расположенный на сопках, и окруженный с трех сторон морем, благодаря террасной застройке на горном рельефе сохранил свою неповторимость и своеобразие.

В первой половине 1960-х гг. Владивосток являлся огромной строительной площадкой – на окраинах возводились новые жилые микрорайоны, в центре – здания общественно-гражданского назначения, хотя ход строительства тормозился из-за недостаточно мощной базы стройиндустрии и нехватки строительных кадров. Сказывалось и недостаточное финансирование. Так, на 1960-1962 гг. согласно постановлениям правительства на строительство Владивостока предусматривалось выделить 131,2 млн. руб., а фактически было отпущено 93 млн. руб. (ГАПК. Ф. 373. Оп. 1. Д. 578. Л. 20).

Из-за несвоевременного финансирования не все объекты были построены в намеченные сроки, некоторые попали в разряд "долгостроя", тем не менее, практически всё из запланированного в постановлениях Совета Министров СССР и РСФСР, ставших основой генплана города, было воплощено. Пусть с опозданием, но в городе появились новые кинотеатры, гостиницы, цирк, морской вокзал, почтамт, Дом радио, драматический театр, Дом пионеров.

За годы "оттепели" заметно повысился жизненный уровень советских людей. Целый комплекс мер, связанных с повышением зарплаты и пенсий, снижением налогов, привел к повышению благосостояния в СССР. Расширялась торговля, сфера обслуживания, производство товаров народного потребления, открывались новые магазины, рестораны, кафе. Все эти процессы имели место и во Владивостоке.

Уверенность в неуклонном росте благосостояния в СССР была столь сильной, что Хрущев предпринял негласное соперничество с США, чтобы доказать преимущество социализма перед капитализмом. На практике это привело к заимствованию отдельных элементов западного "буржуазного" образа жизни. Во Владивостоке, как и в других крупных

городах СССР, появились новые явления в быту и сфере обслуживания: магазины и предприятия общественного питания с новой формой работы – самообслуживанием, по вечерам зажигались огни световой рекламы, модельеры из Москвы и Киева демонстрировали горожанам новые модели одежды. В 1964 г. в городе по методу самообслуживания работали 19 магазинов (ГАПК. Ф. 26. Оп. 33. Д. 829. Л. 12).

Получает развитие сфера бытового обслуживания. Среди услуг, оказываемых населению города, в 1960 г. появилась даже такая необычная, как выдача автомобилей напрокат. В специально созданной для этого автоколонне имелось 65 автомобилей марки "Москвич". Эта услуга просуществовала во Владивостоке на протяжении нескольких лет и тихо сошла "на нет" в 1970-е годы.

Важным событием для города, отдаленного от европейской части страны тысячами километров, стало развитие гражданской авиации. С 1958 г. жители города получили возможность добираться до Москвы не на поезде за 9 суток, а на пассажирских реактивных самолетах ТУ-104 за 12 часов. С 1959 г. самолеты стали летать из Владивостока в Ленинград, а также в дальневосточные города – Южно-Сахалинск и Петропавловск-Камчатский.

Процессы демократизации, оздоровления нравственного климата, духовное раскрепощение граждан, проходившие в годы "оттепели", – все это способствовало творческому подъему советских людей. Примером чему может служить тот факт, что благодаря усилиям энтузиастов-любителей В.Е. Назаренко, А.С. Квача, П.И. Гончарова во Владивостоке в 1955 г. появилось любительское телевидение, что позволило в 1956 г. создать Приморский телецентр и начать в городе регулярное телевидение. Позднее с 1965 г. начались трансляции телевизионных программ из Москвы через спутник "Молния-1". Досуг горожан стал разнообразнее, хотя кино по-прежнему оставалось самым любимым и популярным видом культурного отдыха. В те годы кинематограф в нашей стране переживал настоящий бум. Закончился период "малюкартинья", в резолюциях XX съезда КПСС было записано, что необходимо обеспечить к концу пятилетки производство не менее 120 полнометражных фильмов в год [1, с. 73].

Для того чтобы предоставить жителям города возможность смотреть кинофильмы, во Владивостоке строились кинотеатры. Всего за годы хрущевской "оттепели" в городе было построено четыре и начато строительство еще двух кинотеатров, вступивших в эксплуатацию уже во второй половине 1960-х гг. В том числе и самого крупного – "Океан", в котором было два зала на 1050 и 350 мест. Этот кинотеатр с 2003 г. стал местом проведения ежегодного кинофестиваля стран Азиатско-Тихоокеанского региона "Меридианы Тихого".

Получило дальнейшее развитие высшее образование. Помимо упомянутых, университета и медицинского института, в 1962 г. открылся Дальневосточный педагогический институт искусств, в 1964 г. – Дальневосточный институт советской торговли.

Особое значение для города с многолетними культурными традициями, где имелось два театра – краевой драмтеатр и театр юного зрителя, работала филармония, стало открытие Института искусств. Этот ВУЗ появился во многом благодаря инициативе и настойчивости первого секретаря Приморского крайкома КПСС В.Е. Чернышева. ВУЗ стал многопрофильным, он готовил актеров, музыкантов, художников не только для учреждений культуры Владивостока, но и для других городов Дальнего Востока и Сибири.

Период "оттепели" по историческим меркам был непродолжительным, но за это время в развитии Владивостока произошли качественные

сдвиги. Город получил такой импульс, который позволил ему последовательно развиваться последующие годы вплоть до конца 1980-х гг. Как показал дальнейший ход истории, 1960-е годы были наиболее успешными для Владивостока, в 1970-1980-е гг. темпы развития города снизились. В первую очередь это коснулось жилищно-гражданского строительства, не так быстро улучшалась социально-бытовая инфраструктура и уровень жизни горожан. Начавшийся в годы "оттепели" рост материального благосостояния советских граждан не решил "вечные" проблемы социализма – дефицит потребительских товаров и услуг, их низкое качество. Жителей Владивостока волновали такие же проблемы.

После октябрьского 1964 г. пленума ЦК КПСС, где Хрущев был смещен со всех постов и отправлен на пенсию, его имя было предано забвению. О нем если и говорили, то только в негативном плане. Хрущев оставался фигурой отрицательной и в постсоветский период особенно в 1990-е гг., когда у нас критиковалось всё, что делалось при Советской власти. Однако сейчас, когда страна пережила сложный переходный период, острота политического противостояния снизилась, реабилитации подвергаются многие политические деятели, следует иначе взглянуть на роль и деятельность Хрущева. По крайней мере, жители Владивостока должны помнить этого человека, который для города сделал много позитивного.

В настоящее время во Владивостоке в рамках подготовки к саммиту АТЭС 2012 г. развернулись широкомасштабные строительные работы, что дает основание надеяться – город, как и во времена хрущевской "оттепели", получит новый импульс для дальнейшего развития.

Литература

1. Директивы XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1956-1960 годы // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 9. 1956-1960. М., С. 73.
2. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР 31 июля 1957 г. "О развитии жилищного строительства в СССР" // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т.4. 1953-1961 гг. М., 1968. С. 361.
3. Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть. (Воспоминания в 4-х книгах). Кн. 4. М., 1999. С. 171-172.

УДК: 316.342:94(571.6)"1950/80"

Шестак О.И.

Стратификационная иерархия дальневосточного общества в 1950-е – 1980-е годы

The structure of the social strata of the Far East society in 1950 – 1980

Статья посвящена анализу социальной стратификации дальневосточного общества в 1950 – 1980-е годы. В ней представлены и охарактеризованы основные социальные слои и слоевые группы дальневосточного общества, показаны процессы расслоения и факторы их обуславливавшие. Стратификационные процессы, протекавшие в советском обществе, автор рассматривает как фундамент социальной стратификации современного российского общества.

Ключевые слова: *социальная стратификация, социальная поляризация, критерии стратификации, уровень жизни, социальная история, история российского Дальнего Востока, советское общество, номенклатура*

The article is devoted to the analysis of social stratification of the Far East society in 1950 – 1980. In this article the basic social layers and groups of the Far East society are submitted, characterized and the processes and the factors of the stratification are shown. The stratification processes in the Soviet society, author considers as the base of social stratification of a modern Russian society.

Key words: *Social stratification, Social polarization, Criteria of stratification, Level of life, Social history, History of the Russian Far East, Soviet society, nomenclature*

Любое развитие, в особенности социальное, всегда поступательно: ничто не возникает внезапно, спонтанно. Корни последующих событий и явлений глубоко коренятся в событиях и явлениях предшествующих, определяют направление дальнейшего хода исторического процесса. Таков принцип историзма. Социальные, экономические, политические и иные кризисы, трансформации, революции не обуславливаются минутными факторами, а проявляются как итог длительного, и, как это не парадоксально, *эволюционного* развития соответствующих процессов. Так, например, правильно будет сказать, что глубинной причиной революции 1917 года стал не социально-экономический кризис вызванный участием России в Первой мировой войне, а зародившиеся в 1880-е годы в результате эволюции российской политической системы политические партии, развившиеся в начале XX века до достаточного уровня, чтобы вступить в борьбу за власть, исполняя, таким образом, одно из своих

институционально-функциональных предназначений. А социально-экономический кризис, вызванный войной, и прочие сопутствующие ему факторы стали не более чем индикаторами, отражающими необходимость назревших изменений внешней организационной оболочки политической и социально-экономической систем на фундаменте сформировавшихся в предыдущий исторический период социальных структур и институтов. Такие периоды формирования фундамента для дальнейшего развития общества насчитывают не пять – десять, а многие десятки лет.

В научной и публицистической литературе последнего десятилетия огромное количество разнопрофильных по своей направленности публикаций было посвящено проблемам бедности, поляризации, глубокому расслоению современного российского общества, которые основная масса исследователей, политиков и публицистов определяет как следствие рыночных реформ 1990-х годов. Но возможно ли, чтобы столь глобальные изменения в социальной структуре, в стратификационной иерархии общества произошли внезапно, за 10 – 15 лет? А так ли было однородным в действительности советское общество? Или все-таки реальный стратификационный профиль, скрытый под идеологическим конструктом "классового равенства", в силу разрушения поддерживающего этот конструкт государства, стал не только видимым и явным, но и начал развиваться и углубляться не сдерживаемый более внешней идеологической оболочкой? Ответ на эти вопросы мы и попытаемся дать в настоящей статье, рассмотрев особенности стратификационной иерархии советского общества на примере общества дальневосточного в период, предшествующий началу рыночных реформ: в 1950-е – 1980-е годы.

Стратификационная иерархия или система социального неравенства имеет два аспекта: номинальный – декларируемый государством на базе официальной идеологии и подкрепленный набором соответствующих теоретических положений, и реальный – складывающийся в процессе закрепления социальных практик. Особенностью стратификационного конструкта советского общества выступало то, что государство, формируя социальное пространство, исходило не из реальных характеристик последнего, а из своих представлений о нем, которые совершенно не совпадали с действительностью. Основу такого конструкта составляла принятая идеология, основанная на официальных представлениях о структуре общества, о том, какие социальные группы являются опорой государства, а какие играют в нем разрушительную роль.

На XVII съезде партии, состоявшемся в 1934 г., И.В. Сталин в докладе "О проекте Конституции СССР" заявил, что с наступившей победой социализма в стране сформировались новые общественные классы – "освобожденный от эксплуатации рабочий класс" и колхозное крестьянство [11, с. 549]. Лица умственного труда были причислены к особой социальной прослойке – интеллигенции, "вышедшей из народа и связанной с ним тесными узами". Подчеркивался более высокий статус рабочего класса перед колхозным крестьянством и интеллигенцией в силу его "ведущей" роли в процессе перехода к коммунизму. С этого периода и до конца 1980-х гг., партийно-государственная концепция социальной структуры строилась на основе трехчленной формулы И.В. Сталина: "рабочий класс – колхозное крестьянство – народная интеллигенция", горизонтальной, по своему характеру, на которую, как на *социальный конструкт*, впервые обратили внимание научного сообщества В.В. Радаев и О.И. Шкаратан [7, с. 222-228]. Формула "два класса + прослойка" закрывала неприемлемую для советской идеологической модели реальную социальную иерархию с крайней поляризацией, где за словом "интеллигенция" скрывался и сельский учитель, кормивший себя с огорода,

и крупный номенклатурный чиновник [13, с. 67].

Реальная стратификационная иерархия сформировались в СССР в 1920-е – 1930-е гг., и с самого начала характеризовалась глубоким расслоением, где ведущим критерием расслоения выступала категория "уровень жизни". Выделяемые по уровню жизни слои представляли собой замкнутые статус-группы со своими интересами и социальными связями (супружескими, дружескими, клановыми, корпоративными), определенным образом жизни (уровнем культуры, образования, потребления, жилищными и поселенческими условиями, престижем социального положения или профессии и т.д.) и его восприятием, переживанием. Не являясь самостоятельной стратификационной категорией, уровень жизни в СССР определялся положением индивидов во властной иерархии, по характеру труда и роду занятий, доступу к благам и услугам, а также своеобразной производственно-региональной спецификой [12, с. 73-86]. Последний критерий определял уровень жизни социальных групп на основе их принадлежности как к определенным отраслям и крупным промышленным предприятиям, предоставлявшим своим работникам определенный набор социальных привилегий (таких, как возможность пользоваться домами отдыха, санаториями, закрытыми магазинами и т.д.), так и к регионам, имеющим собственную иерархию, основывающуюся на природно-климатических условиях и ресурсных особенностях производства. Стержнем такой стратификационной иерархии выступали властные отношения.

Являясь зеркальным отражением советской социальной системы, дальневосточное общество структурировалось по единым для всей страны принципам и критериям. В начале 1950-х гг. в стратификационной иерархии дальневосточного общества можно было выделить пять основных слоев, которые сохранились в неизменном виде до конца 1980-х гг. (таблица 1).

Таблица 1.
Система стратификационной иерархии
дальневосточного общества
в 1950-е – середине 1980-х гг.

Социальные слои	Внутрислоевая групповая иерархия
1	1. Управляющие чиновники высшего звена (номенклатура по спискам № 1 и № 2) 2. Управляющие чиновники среднего звена
2	1. Высококвалифицированные профессионалы (с учеными степенями и званиями и др.) 2. Профессионалы с высшим образованием 3. Профессионалы со средним специальным образованием 4. Прочие служащие
3	1. Высококвалифицированные городские рабочие 2. Квалифицированные городские рабочие 3. Полу- и неквалифицированные городские рабочие
4	1. Квалифицированные сельскохозяйственные рабочие 2. Неквалифицированные сельскохозяйственные рабочие
5	1. Маргинальные элементы

Таблица составлена по источникам: Ильин В.И. Государство и социальная стратификация советского и постсоветского общества. 1917 – 1996 гг.: Опыт конструктивистского анализа. – Сыктывкар, 1996; Номенклатура и номенклатурная организация власти в России: Мат-лы Интернет-конференции "Номенклатура в истории советского общества" (ноябрь 2003 – март 2004 г.) /Под ред. В.П. Мохова. – Пермь, 2004.

Слоевое строение носило вертикальный характер. Дать четкое формальное определение слоям и их внутрисловевым группам было невозможно, так как они строились на основе реальных признаков, а не носили номинального (статистического) характера и поэтому не подлежали официальному учету.

Верхнюю ступень социальной лестницы занимал слой, получивший в отечественной науке определение "этакратия" [1; 3; 4; 5], чьи социальные позиции были обусловлены положением во властной иерархии. Именно власть и связанные с нею привилегии открывали человеку и его наследникам более благоприятные пути к материальной обеспеченности. Этакратия включала в себя высшие позиции номенклатуры: (1) руководителей органов государственного управления и их структурных подразделений, (2) руководителей и инструкторский аппарат партии, профессиональных союзов и других общественных организаций, (3) руководителей государственных и колхозных/совхозных предприятий, (4) генералов и старших офицеров армии, службы безопасности и охраны общественного порядка [4, с. 109-112].

Номенклатура была создана в апреле 1923 г. по инициативе И.В. Сталина и представляла собой подбираемые и контролируемые им самим списки государственных должностей, на высшие из которых в партийном и государственном аппаратах назначались лично преданные люди. По списку № 1 они назначались только политбюро и секретариатом ЦК, по списку № 2 – организационно-распределительным отделом ЦК (ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 43а. Д. 318. Л. 68.). С 1925 г. был введен список № 3 – на эти должности руководители отбирались уже теми, кто прошёл в государственный и партийный аппараты, но согласовывались с организационно-распределительным отделом (ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 43-а. Д. 318. Л. 68.). К концу 1920-х гг. высшая номенклатура создала к списку № 3 – Перечень № 3, куда вошли региональные управленцы, а также управленцы крупных предприятий и учреждений, и юридический Перечень № 1 в КЗоТе РСФСР – куда попала вся пирамида управленческих должностей. Это была так называемая низшая "внесписочная" номенклатура. Наконец, Перечень № 2, наименее привилегированный из "внесписочной" номенклатуры, включал в себя научно-техническую и художественную интеллигенцию (ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 43а. Д. 318. Л. 69.).

Численность номенклатуры постоянно подвергалась дополнениям, уточнениям, сокращениям, перемещениям, вызванным потребностями дня. В сентябре 1946 г. она составляла около 42 тыс. чел. [5, с. 38]. В июле 1953 г. завершился период существования крайне объемной номенклатуры – было принято постановление ЦК КПСС, согласно которому сокращалась номенклатура обкомов, крайкомов и республиканских комитетов КПСС. Реально численность номенклатуры сократилась в 1954 г. в 3–5 раз по сравнению с предшествующим периодом и затем на протяжении тридцати пяти лет сохранялась примерно на одном уровне: в 1954 г. номенклатура составляла 23576 чел., в 1958 г. – 14342 чел., 1991 г. – 19500 чел. [5, с. 38]. Посчитать количественный состав дальневосточной номенклатуры крайне сложно, известно лишь, что её удельный вес в составе занятого населения в период с 1954 по 1988 гг. колебался в пределах 5,4 – 6,1%¹.

Уровень жизни номенклатуры по отношению к другим социальным слоям и группам населения Дальнего Востока был невероятно вы-

¹ Подсчитано по: Народное хозяйство СССР в 1954 г.: Статистический ежегодник. – М., 1955; Народное хозяйство СССР в 1960 г.: Статистический ежегодник. – М., 1961; Народное хозяйство СССР в 1970 г.: Статистический ежегодник. – М., 1971; Народное хозяйство СССР в 1988 г.: Статистический ежегодник. – М., 1989.

сок, и определялся по следующим позициям: уровень заработной платы, "временные денежные довольствия", промтоварное снабжение, транспортное обеспечение, жилищное обеспечение, санаторно-курортное и медицинское обслуживание.

Официальный размер окладов партийных работников был низким еще с ленинских времен – управленческий аппарат не должен был получать заработную плату выше передовых рабочих и квалифицированных специалистов. Однако повышение качества управленческих решений было немыслимо без создания режима благоприятствования субъектам власти – так была сформирована система льгот и привилегий.

Рассмотрим на конкретных примерах уровень оплаты труда партийных и хозяйственных работников на Дальнем Востоке. В 1950 г. был переутвержден фонд оплаты труда Камчатского обкома ВКП(б). Оклад 1-го секретаря был равен 2000 руб., оклады секретарей обкома – 1800 руб., оклады помощников секретарей обкома – 950 руб., заведующих отделами – 1600 руб., заместителей заведующих отделами – 1000 – 1600 руб., заведующих секторами и лекторов – 950 руб., и, наконец, инструкторов обкома – 900 руб. (ГАКО. Ф. 169. Оп. 1. Д. 444. Л. 30.) В тоже время городские и районные партийные работники получали на 30-50% меньше. Так, оклад 1-го секретаря Елизовского горкома составлял 1500 руб., секретарей – 1300 руб., помощников секретарей – 700 руб., заведующих отделами – 1200 руб., заместителей заведующих отделами – 750 – 1200 руб., лекторов и заведующих секторами – 700 руб. (ГАКО. Ф. 169. Оп. 1. Д. 444. Л. 30.) Наиболее низкая зарплата была у работников сельских райкомов. В тоже время средняя заработная плата рабочих и служащих по отраслям промышленного производства на Камчатке в 1950-м гг. составляла 1976 руб. (таблица 2), а по отдельным предприятиям рыбной отрасли превышала 2800 руб., доходя до 3900 у высококвалифицированных рабочих в УТРФ Камчатрыбпрома (ГАКО. Ф. 493. Оп. 1. Д. 170. Л. 32.).

После проведения денежной реформы в 1961 г. новые ставки заработной платы партийных работников были установлены на основе постановления ЦК КПСС от 28 февраля 1961 г. "Об упорядочении заработной платы освобожденных работников первичных партийных организаций" (ГАПК. Ф. П-48. Оп. 6. Д. 383. Л. 107.). Заработная плата партаппарата увеличилась в 2-2,5 раза, сравнявшись по низовым звеньям с заработной платой квалифицированных рабочих.

Для компенсации официальной невысокой заработной платы в си-

Таблица 2.
Средняя заработная плата рабочих и служащих
всех отраслей экономики Дальнего Востока
в 1950 – 1960 гг. (руб. по курсу 1947 г.)

Территория Дальнего Востока	Годы		
	1950	1955	1960
Приморский край	787	893	997
Хабаровский край	965	1068	1107
Амурская область	725	736	802
Магаданская область	1224	1445	1689
Сахалинская область	1285	1979	2385
Камчатская область	1976	2898	3601

Таблица составлена на основе источника: ГАКО. Ф. 169. Оп. 1. Д. 448. Л. 1.

стеме номенклатуры с 1 января 1948 г. были введены "временные денежные довольствия" – неафишируемые доплаты к заработной плате, которые значительно повышали уровень материального обеспечения работников партийного и государственного аппарата. Каждой номенклатурной должности полагался особый размер довольствия: чем выше был ранг работника, тем больше довольствия ему полагалось. Мерой измерения денежного довольствия был размер получаемого оклада (**РГАНИ. Ф. 5. Оп. 26. Д. 63. Л. 66.**). Доступ к довольствию имели только руководящие работники регионального уровня – секретари крайкомов и обкомов и заведующие отделами, получающие довольствие в зависимости от должности – от 2-х до 3-х должностных окладов. По дальневосточному региону это – не более 2,6% от общего числа номенклатурных должностей (**РГАНИ. Ф. 5. Оп. 26. Д. 63. Л. 115.**). Например, суммарно, с довольствием, общий доход 1-го секретаря Камчатского обкома был равен 8000 руб., оклады заведующих отделами – 5400 руб. С 1 августа 1952 г. "сталинские" размеры довольствия были сокращены секретарям крайкомов и обкомов на 33% (**РГАНИ. Ф. 5. Оп. 26. Д. 72. Л. 66.**), заведующим отделами – на 20%, однако их материального положения это не ухудшило.

Кроме заработной платы и довольствия высший региональный управленческий персонал получал особые надбавки на так называемые "представительские расходы" (проведение официальных банкетов, организацию совещаний и собраний и пр.), общая сумма которых составляла до 35-50% заработной платы в зависимости от должности (**ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 43а. Д. 318. Л. 68.**).

Основной формой повышения покупательной способности работников партаппарата были предназначенные для внутреннего пользования буфеты, столовые, магазины, ателье. В закрытых торговых точках (буфетах, магазинах, распределителях) ассортимент предлагаемых продуктов, лимит покупок и цены варьировались в зависимости от должности покупателя: на разных ступенях должностной иерархии предлагался и разный ассортимент (**ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 43а. Д. 317. Л. 79.**). Такая система давала стабильный доступ к дефицитным товарам, обеспечивая повышенную покупательную способность рубля. Так, в 1970-е гг. семья чиновника могла хорошо жить, расходуя 60-70 руб. в месяц (зарплата конторской уборщицы в Приморском крае), покупая товары по почти символическим ценам.

Особой формой привилегий являлась выдача части заработной платы высокопоставленным работникам инвалютными рублями ("сертификатами"), которые принимались в валютных магазинах. В 1930-е гг. сеть этих магазинов называлась "Торгсин", затем они были закрыты и восстановлены в 1950-е гг. как "Березки".

Следующей составляющей уровня жизни чиновничьего аппарата выступало промтоварное снабжение. В середине 1960-х гг. во Владивостоке при Дальневосточном морском пароходстве было создано предприятие Торгмортранс, ставшее номенклатурным спецраспределителем импортных высококачественных товаров широкого потребления от детских игрушек и одежды до бытовой техники. Дефицитная импортная продукция продавалась по ценам её отечественных аналогов через сеть закрытых для обычного покупателя специализированных торговых точек и складов. До 60% реализуемых через сеть Торгмортранса товаров в результате оказывалась на черном рынке, расцвет которого пришелся на 1970-е гг., и реализовывалась в 5 – 8 раз дороже её начальной цены. Так, если модные и дефицитные в 1970-е – первой половине 1980-х гг. американские "джинсы" в сети Торгмортранса стоили от 23 до 44 руб., а цены скупщиков на них варьировались в пределах 130 – 180 руб., то на

Таблица 3.
Обеспеченность жильем семей в городах
Дальнего Востока в 1970-е гг. (в %)

Семьи	Типы жилищных условий				
	Хорошие	Относительно благоприятные	Удовлетворительные	Стесненные	Неблагоприятные
Партаппарата	26	45	20	8	1
Специалистов управленческого звена	24	43	21	9	3
Служащих	16	27	20	30	7
Рабочих	12	24	25	18	21

Таблица составлена на основе источника: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 7730. Л. 13-32.

черном рынке их стоимость составляла от 250 до 300 руб., в зависимости от "бренда" товара¹. Таким образом, номенклатура через сеть распределителей имела не только возможность обеспечивать себе комфортный образ жизни, но повышала свой материальный уровень. Эта практика повсеместно просуществовала до конца 1980-х гг.

Партаппарат обеспечивался и высоким уровнем курортно-медицинского обслуживания. Советская система медицинского обслуживания была совершенно бесплатна, но ее качество уже тогда было низкое. Услуги улучшенного качества за дополнительную плату официально купить было нельзя, однако они предоставлялись лицам, занимавшим высокие позиции во властно-административной иерархии. Для обеспечения повышенного качества медицинских услуг руководителям в рамках Министерства здравоохранения СССР в 1958 г. было создано Четвертое управление, в ведении которого находились закрытые элитные больницы и поликлиники. Такие больницы были созданы в 1950-е – 1960-е гг. во Владивостоке, Хабаровске, Южно-Сахалинске, Петропавловске-Камчатском.

Наконец жилищное обеспечение. В рыночной экономике обеспеченность жильем тесно коррелируется с уровнем доходов: чем выше доходы, тем быстрее приобретается жилье, тем оно качественнее. В советском обществе с уровнем доходов коррелировалось лишь жилье, построенное собственными силами и находившееся в личной собственности. В послевоенные годы его удельный вес в городах резко сократился. Так, среднегодовой ввод общей площади индивидуальных домов в 1981-85 гг. по сравнению с 1961-65 гг. в РСФСР уменьшился в 4,4 раза, на Дальнем Востоке – в 3,4 раза (ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 43а. Д. 318. Л. 68.).

Основным каналом приобретения жилья было получение бесплатной квартиры от государственных органов и предприятий. Квартира являлась формой материального стимулирования и предоставлялась с

¹ Из интервью с С.М. Мигеркиной, жительницей г. Владивостока, сотрудницей Тормортранса в 1970-е – 1980-е гг.

Таблица 4.
Обеспеченность отдельными квартирами
семей различного социально-отраслевого
статуса на Дальнем Востоке в 1980 г.

Отрасль	Удельный вес имеющих отдельную квартиру (%)	Отраслевой ранг
Управление	85	1
Торговля, общественное питание, мат.-техн. снабжение	84	2
Наука и высшая школа	83	3
Материальное производство	77	4
Непроизводственная сфера	66	5
Военнослужащие	54	6

Таблица составлена на основе источника: ГАКО. Ф. 493. Оп. 1. Д. 20-а. Л. 98.

учетом количества и сложности исполняемого труда, оценка которого была прерогативой администрации, в той или иной мере контролируемой профкомом. Несмотря на наличие общей очереди, в которой учитывались лишь демографические показатели, в ускоренном порядке получали жилье наиболее ценные для предприятия работники, среди которых руководители занимали первые места.

На Дальнем Востоке в 1985 г., 60,5% руководителей разного уровня получили благоустроенные квартиры в пределах 6-летнего срока ожидания в очереди, в то время как среди остальных жителей региона такие счастливицы составили лишь 34%. Собственный же дом или отдельную квартиру в регионе имел 61,5% населения, а среди руководителей – 66,5% (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 7730. Л. 19.).

Таким образом, номенклатурные чиновники были самой высокообеспеченной социальной группой. Обладание же политической властью, помимо высокого уровня материального обеспечения, делало их властвующей социальной элитой.

Второй слой стратификационной пирамиды состоял из служащих разного уровня квалификации, не обладающих управленческой властью, но объединенных общим признаком – "работники интеллектуального труда". По существу это был самый стратифицированный слой, включавший в себя социальные группы от высококвалифицированных профессионалов с учеными степенями и званиями до конторских служащих правления колхозов и совхозов. В этом слое уровень жизни внутрисловых групп напрямую зависел от уровня квалификации и от места в производственной иерархии.

Высококвалифицированные профессионалы с учеными степенями и званиями, занимали положение межслоевой группы между первым и вторым слоем, поскольку входили в юридический перечень № 2 номенклатурного списка № 3, благодаря чему частично из своего слоя выпадали, однако к первому слою не относились, поскольку не обладали ресурсом власти. По численности эта группа на Дальнем Востоке варьировалась в 1950-е – 1980-е гг. в пределах 3670 – 4800 чел. Их средняя месячная заработная плата составляла по региону в 1960-е гг. 247 руб., в 1970-е гг. 289 руб., в 1980-е гг. – 310 руб. [2, с. 25, 67, 178]. Они обладали набором привилегий, которые распределялись в зависимости от того, какую позицию занимал тот или иной человек в профессиональной и от-

раслевой иерархии. Так, в Дальневосточном государственном университете (ДВГУ) в середине 1970-х гг. студенческую столовую разделили на две части: одна для студентов, другая – для преподавателей. Эти две части были изолированы перегородкой, отличались обстановкой, обслуживанием, меню. Ректору и проректорам носили обед в кабинет. В 1980-м гг. в университет стали завозить продовольственные пакеты с дефицитными мясными продуктами и продавать их заведующим кафедрами [6, с. 165]. Схожие процессы наблюдались и в других вузах, в академических институтах и исследовательских центрах. Профессора университетов и академических центров пользовались служебным транспортом, продовольственным снабжением, имели право не только на отдельную квартиру, но и на дополнительную жилую площадь. В структуру Дальневосточного отделения Академии наук входили собственные больницы, санаторий, клиники, столовые. Высоким был уровень обеспеченности жильем в данной группе (таблица 4). В перечне наиболее значимых производственных отраслей наука занимала третью позицию и находилась под государственной опекой, что и давало её представителям право на различные привилегии.

К высококвалифицированным профессионалам примыкали специалисты с высшим образованием. В основном это были инженерно-технические кадры, на которые в 1970-е гг. спрос в отечественной промышленности резко возрос, работники вузов и академических центров, не имеющие ученых степеней и званий, учителя школ в городе и на селе, чья разница в уровне жизни зависела от сферы приложения труда – промышленность или сельское хозяйство. Вопрос о привилегиях здесь уже не стоял. В этой группе более существенным было такое понятие как льготы, которые носили отраслевой характер.

Место отрасли в стратификационной иерархии выражалось в уровне доходов ее предприятий и работников. Социально-отраслевая пирамида строилась исходя из доминирующих в правящей элите представлений о том, какие отрасли и подотрасли наиболее важны для государства, а какие имеют второстепенное значение. В социальном плане отраслям соответствовали "сопутствующие льготы" – ускоренная очередь на получение бесплатного жилья и так называемый соцкультбыт: ведомственные санатории, дома отдыха, турбазы, плавательные бассейны, спортзалы, профилактории, охотничьи базы, детские сады, пионерлагеря и т.п., доступ к которым посторонним был либо закрыт, либо ограничен пределами неостребованных своими работниками мест. При формально большом количестве предприятий со своим соцкультбытом его качество существенно варьировалось от маленького медпункта до роскошной поликлиники с самой современной техникой и высокооплачиваемыми врачами.

Иерархия отраслей выстраивалась и по заработной плате. Наибольшая заработная плата на Дальнем Востоке была в промышленности, среди которой первое место занимала рыбная, затем шли угольная и лесная отрасли, далее следовал транспорт, строительство, торговля и общественное питание [10, с. 12-14]. Наибольшими благами пользовались инженерно-технические кадры предприятий, наименьшими – учителя школ, в особенности сельских. Разница в зарплате между инженером на предприятии и учителем на селе составляла 1,7 раза, при этом учитель не пользовался отраслевыми льготами [10, с. 12-14].

Наименее обеспеченными во втором слое были специалисты со средним образованием и служащие без образования. В основном это были конторские секретари. Однако, секретарь без образования, работающий в заводской конторе, имел большую заработную плату и доступ к благам, чем агроном с высшим образованием в сельском хозяйстве.

Часть слоя № 2 – профессионалы с высшим и средним образованием близко примыкали по размеру доходов к слою № 3 – рабочим разной квалификации, поскольку по отраслевому критерию они находились на одном уровне. Сказывалась и нормативная роль господствующей идеологии, рассматривавшей рабочий класс как основную опору режима, что вело к демонстрации превосходства рабочих над низшими слоями управленцев. Даже официальная статистика считала уровень заработной платы, объединяя эти два слоя в одну категорию – рабочие и служащие. Разница между ними была в образе и стиле¹ жизни, главным индикатором которых выступал уровень образования и культуры, определявшие престиж статуса. Престиж людей имеющих высшее образование в СССР был высок, как и престиж человека со средним образованием, но работающего в духовной сфере. Важно было не сколько человек зарабатывал, а как он эти деньги тратил, как он мог преподнести себя, какой имел багаж знаний – то, что французский социолог П. Бурдьё назвал "внешней репрезентацией": престиж социального статуса специалистов с образованием, в условиях административно-государственной системы, поднимал эти группы на более высокие позиции социальной иерархии.

Среди представителей 3-го слоя – рабочих можно было выделить три основные группы, между которыми была разница и в статусе и в доходах: высококвалифицированные городские рабочие, квалифицированные городские рабочие и полу- и неквалифицированные городские рабочие. Стратифицирующим признаком здесь был городской образ жизни, повышавший статус человека. В дальневосточном обществе в 1960-е – 1980-е гг. наибольший процент приходился на вторую группу – 63%, далее шли рабочие первой группы – 26% и третья группа составляла 11% [8, с. 34-36].

Несмотря на более высокий статус, определяемый уровнем квалификации представителей первой группы, более высокая заработная плата была у представителей второй группы. Это было связано с тем, что с конца 1960-х годов в регионе ежегодно создавались новые производственные мощности, не обеспеченные трудовыми ресурсами. Административный рынок труда требовал материального поощрения тех, кто занимает технологически важные пустые рабочие места. В результате зарплата наименее престижных, но технологически необходимых статусных позиций регулярно повышалась. В этой ситуации наиболее остро ощущался дефицит рабочих средней квалификации, обслуживавших станки и конвейеры. На Дальнем Востоке этот дефицит затронул ряд вспомогательных производственных функций – ремонт, обслуживание холодильных установок в рыбной отрасли, вспомогательный персонал в угольной промышленности (рабочие, не спускающиеся в забой, а обслуживающие транспортировку угля). Немало инженеров переходили работать на рабочие места.

Общий уровень заработных плат был достаточно высок (таблица 2). Зарплаты варьировались по отраслям промышленности, которые располагались в порядке их значимости для обороны страны. На первом месте стоял военно-промышленный комплекс (ВПК), представленный в регионе заводами по ремонту подводных лодок и судов промышленно-стратегического назначения, располагавшихся в Приморском крае и на Камчатке, работники которого в первую очередь стимулировались к качественному труду. ВПК опирался на тяжелую промышленность, которая позволяла не только поддерживать армию на современном уровне, но и модернизировать все хозяйство, укрепляя тем самым политическую стабильность государства. Поэтому приоритетное развитие тяжелой про-

¹ Стиль жизни определяется через восприятие человеком своего социального положения и построению, на основе последнего, своего повседневного поведения (О.Ш.)

мышленности всегда позиционировалось политическим руководством, и её работники были высокооплачиваемы. Далее следовала рыбная промышленность, угольная, транспорт, газ, лесодобывающая (**ГАКО. Ф. 1 69. Оп. 1. Д. 451. Л. 12.**). Рабочие этих отраслей составляли самую обеспеченную внутрисловесную группу. К тому же они имели и ряд отраслевых льгот: обеспечение жилой площадью с низким уровнем квартирной платы, бесплатное повышение квалификации, санаторно-курортное лечение, для северных районов – ежегодный оплачиваемый отпуск с оплаченным перелетом в центр страны, или на южноморские курорты, специальное продовольственное снабжение.

Особенно важна была для дальневосточных рабочих возможность получения жилой площади, поскольку жилой фонд изнашивался, а дополнительное жилье строилось недостаточно. В городах Дальнего Востока доля улучшивших жилищные условия за время работы на предприятии была больше в отраслях материального производства, чем в непроизводственной сфере (23 против 14%); в промышленности и строительстве больше, чем на транспорте и связи (24 против 17%); в культуре, просвещении, здравоохранении больше, чем в розничной торговле, коммунальном и бытовом обслуживании (18 против 7%) [**10, с. 56, 58-61**].

Четвертый слой составляли сельскохозяйственные работники. Сельское хозяйство изначально рассматривалось как второстепенная в хозяйственном и политическом отношении отрасль: оно связывалось с прошлой эпохой и работало на индустриализацию лишь как источник финансирования; крестьянство оценивалось как политически колеблющаяся сила, способная на предательство. Поэтому люди, занятые в сельском хозяйстве, были низом социальной лестницы, не смотря на то, что иногда имели хорошие доходы.

Основной производственной ячейкой в аграрной сфере в 1960-е – 1980-е гг. были колхозы и совхозы. Крестьянское хозяйство было составной частью колхозно-совхозной системы, его размеры были строго регламентированы, а налоговые и административные ограничения препятствовали развитию товарной направленности хозяйств. Уровень жизни крестьянства, характеризовался такими показателями, как совокупный доход семьи и реальные доходы. Совокупный доход формировался как суммирующий все денежные и натуральные поступления в бюджет семьи, а также выплаты и льготы из общественных фондов потребления. Структура совокупного дохода формировалась из следующих источников: доходы от работы в колхозе и МТС; поступления от продажи сельскохозяйственных продуктов, произведенных в личном хозяйстве; доходы от работы в государственных и кооперативных организациях; пенсии и пособия; доходы от кустарно-ремесленной деятельности и прочие поступления.

Доходы от работы в колхозе были представлены в виде натуральных и денежных поступлений. До 1953 г. денежные выплаты по трудодням были незначительными (не более 12% от заработанного в колхозе в среднем по региону), в основном оплата трудодня носила натуральный характер, включая выдачу зерна, картофеля, овощей. Например, в Приморском крае натуральные выплаты в 1950 г. на трудодень составляли: зерна – 1,15 кг.; картофеля – 0,08 кг.; овощей – 0,17 кг.; сена – 0,24 кг.; в 1958 г. зерна – 1,17 кг.; картофеля – 0,01 кг. К 1963 г. удельный вес денежных доходов возрос до 71,6%, а натуральные выплаты сократились почти в 3 раза (**ГАРФ. Ф. 374. Оп. 35. Д. 3234. Л. 53-54.**). Изменения в структуре оплаты труда способствовали росту денежных поступлений в бюджет семьи. В 1959 г. в колхозах Дальнего Востока доля денежных авансов варьировалась от 79,2% до 83,0% средств, определенных к выдаче по трудодню. Авансы выдавали 95,9% коллективных хозяйств ре-

гиона. С 1966 г. повсеместно была введена гарантированная денежная оплата труда, которая обеспечивала более высокий уровень жизни крестьянства, однако значительный разрыв в размерах доходов и потребления по сравнению с городскими жителями сохранялся.

Размер оплаты труда в колхозах был значительно ниже, чем в совхозах и напрямую зависел от состояния данного хозяйства, его прибыльности, характера выполняемых работ, количества отработанных семей трудодней. Так, например, в оленеводческом колхозе-миллионере "им. В.И. Ленина" Карагинского района Камчатской области более половины семей в 1963 г. имели доход от работы в общественном хозяйстве свыше 1900 руб. в год, и напротив, большинство семей в колхозе "Родина" Хайлюлинского района получали по трудодням не свыше 500 руб. в год (ГАКО. Ф. 890. Оп. 1. Д. 43. Л. 72.). Налицо существенная дифференциация в зависимости от экономического статуса колхоза: если "передовые" хозяйства Приморского края в 1965 г. выдавали на один трудодень около 5 руб., то в отстающих – менее 2 руб. (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 13. Д. 3677. Л. 14.) Наиболее высокий уровень оплаты труда наблюдался в сельскохозяйственных районах и областях – в Амурской области, в Хабаровском и Приморском краях, на Сахалине и на Камчатке средний показатель был существенно ниже.

Богатый колхоз был определяющим фактором при формировании "зажиточности". И здесь важны не только более высокие показатели оплаты труда, но и те социально-бытовые условия, которые создавались в преуспевающих хозяйствах: жилищное и культурно-бытовое строительство, пенсионное обеспечение, социальные выплаты и льготы. Хороший клуб, магазин, больница, электрификация и механизация сельскохозяйственных работ – все это входило в понятие уровня жизни. В конце 1950-х гг. некоторые экономически мощные колхозы стали строить свои пансионаты, дома отдыха. К концу 1970-х гг. в стране имелось около 200 колхозных и межколхозных санаториев, пансионатов, домов отдыха и профилакториев на 14 тыс. мест, два из которых находились в Приморском крае. На Дальнем Востоке работники колхозов и совхозов отдыхали в санаторно-оздоровительных учреждениях, принадлежащих промышленным предприятиям. Определенную часть доходов крестьяне получали из общественных фондов потребления, формируемых колхозами и совхозами, которые шли на премирование, социальное обеспечение, культурно-бытовые нужды.

Оплата труда колхозников дифференцировалась в зависимости от характера выполняемых работ. Среди профессиональных категорий сельского населения наиболее высокооплачиваемыми были представители административно-управленческого аппарата и специалисты. В частности, заработок председателя колхоза превышал в 1970 г. 200 руб. в месяц, а в колхозах "им. В. Бонивура" и "им. Кирова" Приморского края – свыше 300 руб. (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 13. Д. 3677. Л. 98.). За ними по размерам оплаты труда следовали заместители председателя, агрономы, зоотехники, главный бухгалтер, заведующие фермами и гаражом, бригадиры. Достаточно высоко оплачивалась также работа механизаторов и животноводов. Следует выделить социально-смешанные семейные хозяйства, в состав которых входили помимо колхозников также рабочие или служащие. Здесь основным источником доходов служили поступления за работу в государственных предприятиях и учреждениях. В этой категории семей месячный размер заработка в среднем превышал 450 руб. и был значительно выше уровня обычных доходов колхозников.

Личное хозяйство колхозников – еще один важнейший источник формирования бюджета крестьянской семьи. Оно полностью обеспечивало потребности крестьян в основных продуктах питания – молоке,

мясе, яйцах, картофеле, овощах и т.д. Часть сельскохозяйственной продукции шла на продажу и становилась источником денежных поступлений в бюджет. В 1970-е – 1980-е гг. около трети крестьянских семей дальневосточников (37%) обеспечивали себя полностью овощами, 32% закупали их у частных лиц и в торговле, 46% получали овощи в колхозе в качестве натур-платы [9, с. 135]. Однако, личное подсобное хозяйство особой дифференцирующей нагрузкой не несло и выполняло скорее компенсаторную функцию, удовлетворяя потребности крестьянской семьи в продуктах питания и восполняя недостаток денежных средств.

Анализируя уровень доходов колхозников, мы можем констатировать наличие распределения, свойственного обществу с общим низким уровнем материального благосостояния. Непропорционально была велика на Дальнем Востоке доля малообеспеченных семей с низкими доходами, и, напротив, мал удельный вес зажиточных семей со значительными доходами. Так, проводимые в СССР бюджетные обследования позволяют выявить следующие по размерам доходов категории крестьянства, присутствующие на Дальнем Востоке в 1960-х гг.: семьи, имевшие душевой доход менее 360 руб. в год – 45,2%; семьи с душевым доходом от 361 – до 900 руб. – 50,7%; и сравнительно хорошо обеспеченные семьи, где на 1 члена приходилось свыше 900 руб. в год, их удельный вес составлял всего 4,1% (ГАКО. Ф. 813. Оп. 14. Д. 222. Л. 112.). На размер и вариацию доходов оказывал влияние целый комплекс демографических, социальных, экономических факторов, в числе которых можно выделить возраст семьи, количество работников и иждивенцев, уровень оплаты труда работников, размеры и товарность личного хозяйства, а также размер выплат и льгот из общественных фондов потребления, поступающих в бюджет колхозников. Если раньше зажиточность зависела от внутренних ресурсов крестьянского хозяйства, то в условиях колхозно-совхозной системы приоритет получают внешние факторы и условия, среди которых следует выделить прибыльность колхоза и профессиональную занятость, что и позволило нам выделить в крестьянском слое такие группы как квалифицированные сельскохозяйственные рабочие и неквалифицированные сельскохозяйственные рабочие, причем это были именно сельскохозяйственные *рабочие*, поскольку эти люди трудились не на себя, а работали на государство за определенную плату.

Самые нижние ступени социальной лестницы занимали маргинальные элементы. Вопреки распространенному в современной науке мнению ряда исследователей, незнакомых с социологическими категориями, к маргиналам вовсе не относятся только бродяги, спившиеся люди и иные схожие с ними социальные категории. Маргинал – это человек, оказавшийся в силу определенных обстоятельств вне пределов своей социальной группы или своего слоя.¹ На Дальнем Востоке сюда относились: переселенцы не сумевшие устроиться по специальности и выпавшие из своей сферы труда; лица, приехавшие за "длинным рублем" и выполняющие высокооплачиваемые работы к которым у них не было ни склонности, ни достаточных умений; бывшие руководящие специалисты с высшим образованием, перешедшие на рабочие позиции и др. Процент маргиналов на Дальнем Востоке был традиционно высок, что было связано с колониальным характером освоения региона, и в 1960-е – 1980-е гг., он колебался в пределах 13 – 18% от трудоспособного населения. Часто эти люди имели высокие заработки, но их положение было нестабильно, в силу низкой квалификации или недостаточности умений они могли в любой момент этот заработок потерять. Поскольку до 67% из них были "кочующие" рабочие, т.е. они постоянно переходили

¹ Фр. "Marginal" – буквально "вне границ".

с производства на производство, что было возможно благодаря многочисленным "социалистическим стройкам", то они не имели ни постоянного жилья, ни каких либо крупных материальных ценностей. Многие находились в регионе временно, отсылая свои заработки семьям, оставшимся в центральной России. Не принимали этих людей и те группы, куда они пытались временно войти, поскольку они изначально имели статус "чужаков", и выполняли в данных группах самые тяжелые и непрестижные работы. Лицам с высшим образованием, перешедшим на рабочие должности, приходилось наиболее трудно из-за непривычного социального круга с низким уровнем культуры и примитивным характером потребления, они также не могли войти в новые группы, поскольку те не принимали их из-за более высокого статуса.

Таким образом, положение человека в советской стратификационной иерархии имело целый набор индикаторов, на основании которых статусные позиции упорядочивались в виде пирамиды. Это объем административной власти, имущество, находящееся в собственности, материальное и моральное вознаграждение (престиж), условия труда, уровень потребления, возможности карьеры и др. Советское общество было глубоко расслоено, что противоречило официальной идеологии, но соответствовало естественному развитию исторического процесса – стратификация является *примордиальной* (изначально заданной) характеристикой общества. Социальное расслоение все более углублялось со второй половины 1950-х годов и достигло своей максимально возможной для советской социальной системы глубины к середине 1980-х годов. С началом перестройки начал разрушаться вуалирующий, и, в силу этого, сдерживающий естественные процессы расслоения идеологический конструкт, рухнувший затем окончательно вместе с советской государственностью. Скрываемая ранее реальная стратификационная иерархия стала видимой и, с началом уже рыночных реформ, получив толчок через развитие новых форм собственности и экономической активности, продолжила развиваться по уже заданному вектору, сохранив, что особенно важно отметить, *прежний набор индикаторов*, включая объем административной власти, льготы и привилегии. Перераспределение бывшей партийно-государственной собственности и ресурсов в 1990-е годы не породило, а лишь углубило и без того крайнюю социальную поляризацию теперь уже российского общества.

Литература

1. Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского союза / М.С. Восленский. М., 1991. 331 с.
2. Динамика заработной платы рабочих и служащих в СССР в 1945 – 1985 гг.: статистический сборник. М., 1986. 263 с.
3. Каратуев А.Г. Советская бюрократия. Система политико-экономического господства и её кризис (1919 – 1991) / А.Г. Каратуев. – Белгород, 1999. 365 с.
4. Мохов В.П. Региональная политическая элита России (1945 – 1991 годы) / В.П. Мохов. Пермь, 2003. 237 с.
5. Номенклатура и номенклатурная организация власти в России XX века: Материалы Интернет-конференции "Номенклатура в истории советского общества" (ноябрь 2003 – март 2004 г.) / Под ред. В.П. Мохова. Пермь, 2004. 392 с.

6. Образование на Дальнем Востоке: история и современные проблемы //Сборник научных статей аспирантов и молодых преподавателей ХГПУ. Хабаровск, 2003. 326 с.

7. Радаев В.В. Социальная стратификация: учебное пособие / В.В. Радаев, О.И. Шкаратан. М.: Аспект Пресс, 1996. 318 с.

8. Сахалинская область в цифрах: статистический сборник. Южно-Сахалинск, 1978. 127 с.

9. Сельское хозяйство Дальнего Востока в эпоху развитого социализма. Сборник материалов. Хабаровск, 1974. 267 с.

10. Слабнина Л.А. Уровень жизни рабочего класса Дальнего Востока СССР (1946-1960 гг.): Препринт /ИИАЭ ДВО РАН. Владивосток, 1990. 31 с.

11. Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М., 1952. 679 с.

12. Шестак О.И. Советская социальная политика и её реализация на Дальнем Востоке (1922 – 1941 гг.) /О.И. Шестак. Владивосток: Изд-во: "Дальнаука", 2004. 184 с.

13. Шкаратан О.И. Российский порядок: вектор перемен /О.И. Шкаратан. – М.: Вита-Пресс, 2004. 208 с.

УДК: 338(571) "19"

Коваленко С.Г.

Экономика Дальнего Востока во второй половине XX в. с точки зрения синергетического подхода: постановка проблемы

Economy of the Far East in the second half of the XXth century from the point of view of the synergy approach: the statement of the problem

Статья посвящена исследованию экономики Дальнего Востока во второй половине XX в. с точки зрения синергетического подхода, так как линейные исторические концепции в кризисных ситуациях не отражают реальных процессов. Серьезное влияние на экономическое развитие региона оказывали трансисторические структуры, сформировавшиеся в предыдущий исторический период. Их влияние ощутимо и после прохождения Россией точки бифуркации.

Ключевые слова: экономика Дальнего Востока, синергетика, трансисторические структуры, точка бифуркации, хаос, порядок

This article is devoted to the research of economy of the Far East in the second half of the XX-th century from the point of view of the synergy approach because linear historical concepts in crisis situations do not reflect real processes. Transhistorical structures exercise influence on the economic development of the region greatly. These structures were formed during the previous historical period. Their influence is notable and after the Russian passage of this transition point.

Key words: economy of the Far East, transhistorical structures, transition point, chaos, order

Социальный хаос представляет собой отличительную черту, как исторического процесса, так и нашего времени. Этому способствует невероятное (особенно в последние сто лет) ускорение развития человечества, которое порождает ранее неизвестные угрозы и риски, провоцирующие неустойчивость, как на глобальном, так и на локальном уровне общества. Именно нестабильное состояние современного мира и России как его части, подталкивает к изучению на конкретном историческом материале происходящих процессов.

Традиционные теории пытаются объяснить и прогнозировать развитие социальных и экономических систем, без учета факторов нелинейности и неустойчивости. Эти научные конструкции достаточно хорошо описывают и анализируют развитие общества в спокойном состоянии, но совершенно бессильны, когда дело касается кризисов, нестабильности и глубинных причин их вызывающих.

Синергетика имеет значение в интерпретации научных данных в новом ракурсе, значительно отличающемся от детерминистического подхода (причинно – следственных связей), который доминировал в науке со времен Ньютона. Проблема взаимоотношений порядка и хаоса начала активно исследоваться с середины XX в. брюссельской школой И. Пригожина, отталкивавшейся от изучения процессов самоорганизации в физико-химических системах.

Синергетику определяют как знание о сложном, учение о самоорганизации, об универсальных закономерностях эволюции сложных динамических систем, претерпевающих резкие изменения состояний в периоды нестабильности. Один из основателей синергетики, немецкий физик Г. Хакен определял ее не только как науку о самоорганизации, но и как теорию "совместного действия многих подсистем, в результате которого на макроскопическом уровне возникает [новая] структура и соответствующее функционирование". "Приблизительно 25 лет назад, – пишет Хакен, – я задал вопрос: "имеет ли самоорганизация общие законы?", и предложил изучать этот вопрос в рамках новой дисциплины, которую я назвал синергетикой". Вопрос, существуют ли в ней общие законы или принципы, казался несколько удивительным и возможно даже шокирующим. В 1980-х гг. единая наука о самоорганизации была названа в Германии синергетикой (Г. Хакен), во франкоязычных странах – теорией диссипативных структур (И. Пригожин), в США – теорией динамического хаоса (М. Фейгенбаум). В отечественной литературе используется первый термин. В соответствии с этой парадигмой, развитие понимается как последовательность длительных периодов, соответствующих стабильным состояниям системы, которые прерываются короткими периодами хаотического поведения ("бифуркациями"), после чего происходит переход к следующему устойчивому состоянию ("аттрактору"), выбор которого определяется, как правило, флуктуациями в точке бифуркации [3, с. 5].

На сегодняшний день синергетика активно применяется в гуманитарных науках, так как открывает новые эвристические возможности не только для изучения моментов выбора, но и дает возможность по-новому представить устойчивые состояния общества. Синергетический подход свидетельствует, что неустойчивость, дискретность, кризисы, нелинейность являются универсальной формой развития сложных систем, включая социальные. В момент бифуркации возникает разрыв линии метастабильной эволюции общества и, соответственно, в нем появляется поле социальных возможностей, которые подразумевают выбор нового пути исторического развития. Созидательный процесс непременно оплачивается разрушением: увеличение негэнтропии (порядка) в системе возможно только за счет энтропии (беспорядка) в среде.

Все чаще в гуманитарных науках будущее рассматривается как обширное поле возможностей, а прошлое и настоящее как напряженный процесс выбора из них [2, с.5-9]. Этот выбор должен обеспечивать максимальные возможности выживания для любого общества, понимаемого в синергетике как социетальная система, которая поддерживает постоянный обмен со средой информацией, веществом и энергией. С течением времени возникают определенные дисфункции, усиливающие социальный хаос [4, с. 61].

Экономика занимает центральное место среди адаптаций человека к среде, так как именно она поддерживает механизм генерации богатства, обеспечивающий освоение новой территории [1, с. 44]. Поэтому экономическая система с синергетической точки зрения имеет ключевое значение для выбора, так как обеспечивает получение и усвоение ресурсов. Синергетический подход к экономическим процессам активно ис-

пользуется как отечественными, так и зарубежными исследователями (В.Б. Занг, Л. Евстигнеева и Р. Евстигнеев, Г. Клейнер, и др.)

На взгляд автора наиболее удачное определение системы дано Ерохиной Е.А. Системой "является совокупность объектов и процессов, называемых компонентами, взаимосвязанных и взаимодействующих между собой, которые образуют единое целое, обладающее свойствами, не присущими составляющим его компонентам, взятым в отдельности".

В качестве общесистемных свойств выступают целостность, иерархичность и интегративность. Целостность – это общесистемное свойство, заключающееся в том, что изменение любого компонента системы оказывает воздействие на все другие ее компоненты и приводит к изменению системы в целом; и наоборот, любое изменение системы отзывается на всех компонентах системы; она означает также преобразование компонентов, входящих в систему, соответственно ее природе. Иерархичность системы состоит в том, что она может быть рассмотрена как элемент системы более высокого порядка, а каждый ее элемент, в свою очередь, является системой. Интегративность представляет собой обладание системой свойствами, отсутствующими у ее элементов (верно и обратное – элементы обладают свойствами, не присущими системе) [5, с. 25]. Все эти свойства присущи социетальной и экономической системам. Необходимо только отметить, что в отличие от других видов систем социетальная (частью которой является экономическая) имеет свои особенности. Огромное значение в ней принадлежит личности. Например, Г. Рузавин, по этому поводу пишет: "Принципиальное отличие социальных систем от природных состоит, прежде всего, в том, что в них самоорганизация дополняется организацией, поскольку в обществе действуют люди, одаренные сознанием, ставящие себе определенные цели, руководствующиеся мотивами своего поведения и ценностными ориентациями. Поэтому взаимодействие организации и самоорганизации, случайного и необходимого составляет основу развития социальных систем". Подобное мнение высказывает и И. Пригожин, считая, что "различие между биологической и социальной эволюцией состоит в том, что общества могут вести себя целенаправленно. Мы можем в определенных рамках выбирать наш путь эволюции". Таким образом, оба механизма, – самоорганизационный и организационный, – должны рассматриваться в своей совокупности, как имеющие различный вектор и никогда не совпадающие. Только их наложение дает ключ к пониманию исторического развития. При этом организационная сторона выступает внешней, по отношению к самоорганизационной.

Основная цель экономической системы общества в спокойный период – не только обеспечение приспособляемости к природным условиям, но и накопление потенциала, создание той платформы, благодаря которой в точках бифуркации возможен выбор, который не приведет к историческому регрессу. Вопрос заключается в том, насколько успешно в условиях советской экономической системы государство справлялось с обеспечением экономической безопасности и создавало экономическую основу для дальнейшего выбора развития и насколько современное состояние делает возможным прохождение очередной бифуркации? Особенно актуальным представляется ответ на этот вопрос на региональном уровне так, как общий уровень развития регионов в советское время напрямую влиял на те процессы, которые приводили к накоплению экономического потенциала и происходят в региональном развитии сейчас.

Властные институты должны создавать механизмы реализации и защиты экономических интересов, поддержания социально-политической стабильности общества, – иными словами, реализовывать организационный принцип развития системы.

Проблема заключалась в том, что общество, существующее в неблагоприятных природно-климатических условиях, вырабатывает механизм адаптации к ним или трансисторические структуры (метастабильные социальные структуры, существующие в контексте длительной временной протяженности и периодически претерпевающие определенные изменения, хотя их изначальное функциональное качество остается достаточно устойчивым) [4, с. 62-63]. Окружающая среда подталкивает социум в определенном направлении, стимулируя в нем формирование подобных структур, соразмерно с внешними вызовами. Такой структурой являлась экстенсивная экономика СССР и России, связанная с ростом количественных факторов. Этот механизм приспособления был достаточно действенным на протяжении веков, но во второй половине XX в. экстенсивный путь развития себя исчерпал [4, с. 50]. Им же определялся паттерн развития региона, включавший в себя понимание Дальнего Востока как форпоста на Тихом океане и региона, поставляющего ресурсы. На уровне официальной политики было провозглашено, что государству нуждается в ресурсном обеспечении. Для реализации такой экономической стратегии необходимы были серьезные вложения средств и ресурсов. Исторический опыт показал, что вложения никогда не окупались. Но следует подчеркнуть, что подобная задача и не ставилась. Государство, преследуя определенные цели, готово было спонсировать региональное развитие. В рамках спокойного состояния системы другой выбор попросту не мог быть сделан.

Все реорганизации внутригосударственной жизни второй половины XX в. так или иначе, замыкались на экономическую систему и имели целью перевода экономики на интенсивный уровень. Организационный механизм, направленный на достижение государственных целей в регионе, реализовывался в реформах. Усложнение экономики в послевоенный период подталкивало политическое руководство к поиску наиболее эффективных методов управления. Весь восстановительный период они проводились в рамках министерской системы. Волны централизации и децентрализации периодически сменяли друг друга, позволяя частично снимать напряжение в наиболее болезненных вопросах, но мало затрагивая промышленное производство – основу экономики СССР. До определенного момента такая политика была оправдана, так как экстенсивный путь развития экономики при всех своих недостатках позволил полностью восстановить народное хозяйство. Но с начала 50-х гг. в СССР стали падать темпы роста национального дохода: в 1951 г. они составили 112,3% (к предыдущему году), в 1955 г. – 111,9%, в 1957 г. – 107%. [6, с. 36-37]. Такая тенденция свидетельствовала о нарастании энтропийных процессов в экономической системе страны и показывала, что экстенсивный путь развития уже не был способен обеспечить дальнейшую модернизацию.

Создание совнархозов, косыгинская реформа, попытки в брежневское время справиться с нарастающими энтропийными процессами (создание в 1973 г. территориально-производственных объединений, попытка в 1979 г. реабилитировать некоторые нереализованные предыдущей реформой положения) – все эти действия государства в советское время имели смысл, который можно выразить одной фразой, появившейся в брежневские времена и являвшейся квинтэссенцией государственной политики того времени, – "экономика должна быть экономной". Так как платой за стабильность являлось огромное вложение средств и ресурсов, то поддерживать порядок в такой системе становилось со временем все сложнее.

Организационная сторона в данном случае была представлена двумя уровнями управленческой элиты. Управленческая элита в цен-

тре стремилась до определенного момента оптимизировать вложения в регион. Особенно это касалось министерского уровня. Так как в целом кроме отраслей специализации процент предприятий на Дальнем Востоке, принадлежащих отдельным министерствам, не превышал 1-3% от общего числа и рентабельность их была, как правило, ниже на 25-30% общесоюзного уровня, то понятно явное нежелание министерств вкладывать деньги. Положение несколько изменилось во времена существования совнархозов (1957 – 1964), но, с середины 60-х гг. все вернулось на круги своя.

Между тем общегосударственные интересы требовали серьезно финансирования всех отраслей промышленного производства, а не только военных предприятий или отраслей специализации: цветной металлургии, рыбной и лесозаготовительной отраслей так, как отставание непрофильных предприятий тормозило развитие отраслей специализации. Практически каждое предприятие Дальнего Востока выполняло военные заказы и обслуживало отрасли специализации, а, значит, от их работы зависело положение дел в этих важнейших для государства сферах.

С другой стороны, местная партийная и хозяйственная элита старалась обосновать необходимость привлечения как можно большего количества средств в регион. Просили всегда больше, чем требовалось, поскольку от развития экономической сферы напрямую зависела жизнь не только элиты, но и населения.

Несмотря на успешное экономическое развитие региона в рамках существующей системы, государству все сложнее становилось добиваться движения вперед, все сложнее было отвечать на вызовы времени. На Дальнем Востоке ситуация осложнялась более неблагоприятными, чем в центре, природно-климатическими условиями, низкой плотностью населения, общим уровнем развития промышленного производства. Процесс инновационной самоорганизации, в определенной степени присутствовавший в центральных регионах страны, в этих условиях вряд ли был возможен. Для того, чтобы компенсировать повышенные затраты в зоне Дальнего Востока (коэффициент удорожания колебался в пределах 1,2 – 1,5 по сравнению с центральными районами), требовалось чтобы вся промышленность начала работать на новом уровне: более полно использовала свои производственные фонды, повышала производительность труда, снижала издержки производства и т.д. Но такого выбора в советской экономической системе попросту не существовало, так как он подразумевал совершенно иные параметры, чем те, которыми обладала советская экономика.

Результаты нарастания энтропийных процессов в экономике региона прослеживались в ухудшении базовых параметров. Определенные параметры экономического развития универсальны для любой экономической системы, социалистической или капиталистической. Таким параметром является фондоотдача. В целом по Дальнему Востоку фондоотдача составила 0,86 рубля и за четыре года пятилетки с 1980 по 1984 г., при увеличении объема производства на 18%, она снизилась на 10,3%. Около 20% всех предприятий Дальнего Востока были убыточные (ГАПК. Ф. 510. Оп.3. Д. 1037).

Необходимо подчеркнуть очень важный момент. Социалистические и капиталистические системы, несмотря на их внутреннюю несхожесть, согласно синергетическому подходу имеют ряд общих свойств. Самым важным в исторической перспективе является то, что развитие социальной системы (общества) невозможно без кризисов. Вся история человечества представляет собой сложную диалектику процессов возрастания энтропии. Общество начинает развиваться по экстенсивному сценарию,

но на определенном этапе установка на неисчерпаемость природных ресурсов вступает в противоречие с реальной ситуацией ограниченности ресурсов. Наступает бифуркационный период. Общество либо деградирует, либо вырабатывает более изощренные механизмы сохранения и развития взамен или в дополнение к прежним механизмам, ставшим при новых условиях контрпродуктивными [8, с. 82].

Исторический опыт свидетельствует, что в социалистическом обществе возможно до определенного момента предотвратить неустойчивость экономической системы, но на практике невозможно достичь одновременно эффективности и устойчивости. Если во времена Н.С. Хрущева выбор был сделан в пользу достижения эффективности, то с приходом к власти Л.И. Брежнева устойчивость была возведена в абсолют. Это не только ускоряло энтропийные процессы в экономической системе, но и мешало подготовиться к бифуркационной стадии, для того чтобы пройти ее с наименьшими потерями.

Согласно бифуркационной теории и теории зависимости от предшествующего развития, выбор осуществляется случайно, но только из тех параметров, которые были наработаны системой. Когда система находится в бифуркационной стадии, кардинальную роль играют универсальные принципы: быстрое и устойчивое развитие системы возможно только на базе неантагонистических отношений; если на систему оказывается внешнее воздействие, то внутри нее происходит структурная и функциональная перестройка; если система стоит перед выбором, то из всех возможных решений она выберет то, которое обеспечивает наименьшие затраты энергии; выбор грядущей альтернативы развития системы в значительной мере определяется социальными ценностями, доминирующими в массовом сознании [5, с. 89]. Иными словами, из ничего не может появиться что-то.

Именно поэтому многие страны, оказавшись в тяжелой ситуации выбора, пошли по пути регресса так, как весь накопленный ими экономический потенциал не позволял сделать выбор, который привел бы к прогрессивному развитию. В период спокойного развития, ключевое значение имеет модернизация, которая должна охватывать все сферы жизни социетальной системы. Если присутствует точечная или частичная модернизация (которой России удалось избежать), у общества практически нет шансов в точке бифуркации сделать выбор, который бы позволил в дальнейшем компенсировать свои собственные недостатки.

Распад СССР и дальнейшие потрясения для России, согласно синергетической парадигме, не являются чем-то из ряда вон выходящим. По мере нарастания внутреннего неравновесия система приближается к точке выбора. В ней она становится чрезвычайно уязвимой для внешних и внутренних воздействий. Потеря устойчивости систем не зависит от поступков отдельной личности, так как является проявлением внутренних свойств (диссипативности) самоорганизующихся систем. Но выбор, основанный на способности анализировать возможные пути развития общественных систем, находится в компетенции личности при наличии четких ограничивающих условий.

Многое в этой ситуации зависит и от ментальности народа. Массовое сознание всегда характеризуется линейностью. Этому способствует также и то, что обычно очень хорошо видны недостатки существующего политического режима и совершенно не осознается то, что период нестабильности грозит не только социальными потрясениями, но и ограниченными возможностями выбора. Ожидания лучшей жизни никогда не оправдываются, так как в периоды нестабильности никакого поступательного социального развития быть не может. Система, как и следовало ожидать, переходит на новый уровень путем колоссальных потрясений.

Последствия прохождения точки бифуркации в 1991 – 1993 г. были ужасающи. Об этом свидетельствует динамика большинства макроэкономических показателей российской экономики за годы реформ.

Для Дальнего Востока последствия были еще более дестабилизирующими. Экономический кризис усугубляли удаленность и высокие транспортные расходы (большинство предприятий региона были связаны с центральными областями страны). В условиях нестабильности руководство страны пыталось реализовать организационную составляющую через программы регионального развития. Но так как система находилась в состоянии нестабильности, заявления федеральных властей о разработке и проведении последовательной региональной политики, которая должна была способствовать преодолению наиболее тяжелых последствий реформ, остались преимущественно только в правительственных документах.

Программы развития региона были выполнены в таких объемах, которые не позволяли реализовать организационную составляющую в период кризиса. С самого начала реформ вложения в регион фактически прекратились. Так, государственная целевая программа на 1986–2000 гг. (1987 г.) была выполнена на 30 %, федеральная целевая программа экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья на 1996 – 2005 гг. (1996 г.) – на 5 %, программа экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья на 1996 – 2005 гг. и до 2010 г. (2002 г.) – на 4,5% .

Согласно синергетической парадигме, одним из серьезных и плохо преодолимых во времена нестабильности явлений является сокращение населения. Причины этого могут быть различны: уменьшение продолжительности жизни, военные конфликты и т.д. Кризис вызвал резкий отток населения из региона. Среднегодовая численность населения занятого в экономике снизилась с 4221, 1 тыс. чел. в 1990 г. до 3158,1 тыс. чел. в 1998 г. Встречный поток мигрантов, приезжающих на Дальний Восток снижал остроту проблемы, но не решал ее полностью. Коэффициент миграционного прироста в 1998 г. был отрицательным – 100 чел. на 10000 чел. населения [7, с. 36-37]. К этому необходимо добавить сокращение средней продолжительности жизни на 8 – 10 лет у мужчин и на 7 – 9 у женщин.

Несмотря на преобладание энтропийных процессов, накопленный за годы советской власти экономический потенциал позволил России, пусть и с большими потерями, начать новый виток своего развития. Но трансисторические структуры никогда не упразднялись в российской

Таблица 1
Макроэкономические показатели
России 1990- 1999 гг.

Показатель	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
ВВП в % к 1989 г.	96	91	78	72	62	60	57	58	54	55
Инфляция в %	6	93	1526	875	307	198	48	17	60	40
Уровень безработицы в %	–	–	4,7	5,5	7,4	8,5	9,6	10,8	11,9	12,5
Коэффициент Джени	–	0,26	0,29	0,40	0,41	0,38	0,38	0,38	–	–

Таблица взята из монографии: Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа истории экономического развития). Калининград, 2010. С. 411.

истории (не стал исключением и 1991 г.), так как для их трансформации необходим совершенно новый ответ на исторические вызовы. Именно поэтому при огромных социальных потрясениях экономическая система во многом унаследовала черты традиционные для России. В связи с этим и экономика Дальнего Востока в сформировавшейся системе занимает традиционное для себя место поставщика ресурсов.

Литература

1. Бадалян Л.Г., Криворотов В.Ф. История. Кризисы. Перспективы: Новый взгляд на прошлое и будущее. М.: Книжный дом "Либроком", 2010. 288 с.
2. Бекетов Н. Бифуркационная природа экономических кризисов и катастроф. // Вестник Хабаровской государственной академии экономики и права. 2009 №1, с. 3 – 9.
3. Бородкин Л.И. "Порядок из хаоса": концепции синергетики в методологии исторических исследований. URL: www.hist.msu.ru/Labs/HisLab/BOOKS/chaos.htm
4. Ельчанинов М.С. Социальная синергетика и катастрофы России в эпоху модерна М.: КомКнига, 2005. 240с.
5. Кульпин С.Э. Бифуркация Запад – Восток. Введение в социоестественную историю. М.: Московский лицей, 1996. 342 с.
6. Мир после войны: дальневосточное общество в 1945 – 1950 гг. / Под общей редакцией В.Л. Ларина; отв. Ред. Ващук А.С. Владивосток: Дальнаука, 2009. 696 с. (История Дальнего Востока России. Т.3. Кн.4).
7. Моисеева Л.А., Ващук А.С. История предпринимательства на Дальнем Востоке России в конце XX – начале XXI века. Владивосток: Дальнаука, 2006. 348 с.
8. Назаретян А.П. Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры (синергетика социального процесса) Курс лекций. М: Мысль, 1995. 324 с.

УДК 323.1

Золотухин И.Н.

Индонезия в зеркале этноконфессиональной ситуации: история и современность

Indonesia in the aspect of the ethnoconfessional situation:
history and modern time

В статье освещается этноконфессиональная ситуация, сложившаяся внутри страны, анализируется этническая структура индонезийского общества, рассматриваются языковые и конфессиональные группы и история их формирования. Отдельное внимание уделяется конфессиональным различиям и их влиянию на развитие индонезийского общества.

Ключевые слова: *Индонезия, бахаса, этническая группа, конфессиональная структура, панчасила*

In the article the ethnoconfessional situation which has developed in the country is clarified, the ethnic structure of the Indonesian society is analyzed; linguistic and confessional groups and the history of their formation are considered. The confessional differences and its influence on the development of the Indonesian society are separately considered.

Key words: *Indonesia, bahasa, ethnic group, confessional structure, panchasila*

Индонезия, представляющая собой крупнейший в мире архипелаг, расположена на территории площадью в 1919440 кв. км. Официальная статистика насчитывает в Индонезии 17804 острова (7870 поименованных и 9634 безымянных), из которых около 1000 имеют постоянное население [2, с. 152].

Население Индонезии стало быстро увеличиваться с начала XIX века. По данным переписей, в 1930 году в стране проживало 60,6 миллионов человек, в 1961 году – 97 миллионов, в 1971 году – 119,2 миллиона, в 1980 году – 147,5 миллионов человек, в 1990 году – 179,3 миллиона. Численность населения Индонезии в конце 1990-х годов возрастала примерно на 3 млн. человек в год [3, с. 61]. В 2004 году в Индонезии проживало 235,4 миллионов человек, в 2008 году – более 237,5 миллионов жителей, а в июле 2010 года – около 243 миллионов человек [7]. По этому показателю страна занимает четвертое место в мире после Китая, Индии и США.

Средняя плотность населения Индонезии составляет 132 человек на кв. км. Распределение населения неравномерное – на островах Ява и Мадуро, занимающих около 7 процентов площади Индонезии, проживает свыше 70 процентов всех жителей страны, а плотность населения здесь составляет 916 человек на кв. км, местами достигая 1500 – 2500

человек на кв. км. Противоположная картина наблюдается на острове Новая Гвинея, где на 22 процентах территории Индонезии сосредоточен лишь 1 процент ее жителей (5,3 человек на кв. км). К слабообжитым районам Индонезии относится и остров Калимантан, покрытый влажными тропическими лесами. Плотность его населения составляла 20,7 человек на кв. км при численности более 11 миллионов человек [3, с. 63].

Поставив задачу более равномерного размещения населения в стране, правительство Индонезии в 1969 году взялось за осуществление программы трансмиграции, предусматривавшей переселение части жителей Явы, Мадур, Бали и Ломбока в такие слабо освоенные районы, как Новую Гвинею, Суматру и Калимантан. Однако положительный эффект от реализации этой программы оказался минимальным. Переселение миллионов мигрантов, преимущественно мусульман, создало угрозу традиционным культурам народов и естественному природному балансу отдаленных островов, что в итоге вызвало кровавые столкновения на этнической почве. В августе 2002 года после азиатского финансового кризиса правительство Индонезии официально закрыло программу трансмиграции [17].

Индонезия являет собой образец полиэтнической и поликонфессиональной страны, несмотря на то, что официально не признает себя полиэтничным государством. Индонезийское правительство старается не выделять факт полиэтноконфессиональности, стремясь позиционировать Индонезию как единую и неделимую страну, населенную индонезийцами [1, с. 156].

Первые государственные образования на территории Индонезийского архипелага возникли в прибрежных районах во II-V вв. Индонезийские моряки и торговцы стали одной из основных групп торговых посредников на Востоке. К середине VII века возникла могущественная суматранская империя Шривиджайя, периоды расцвета которой пришлись на IX-X вв. На территории центральной Явы в первой половине VIII в. возникло государство Матарам, где правила шиваистская династия. В 1025 году Шривиджайя потерпела поражение в борьбе с индуистским государством Чолов за контроль над торговыми путями в Юго-Восточной Азии.

К середине XI века государство Матарам на Яве объединило под своей властью торговые города. С XI века Ява стала экономическим, культурным и политическим центром Индонезии. В конце XIV века государство Шривиджайя попало под влияние индонезийской империи Маджапахит. В ходе объединения Индонезии вокруг Явы выдвинулся Гаджа Мади, фактический правитель Маджапахита в 1328-64 гг. [30, с. 22-26]

В начале XVI века империя Маджапахит распалась на ряд мусульманских княжеств. В этот же период начинается проникновение на территорию архипелага португальцев, которые стали формировать здесь свои фактории. К середине XVII века Нидерландская Ост-Индская компания вытеснила португальцев с Молуккских островов. Город Батавия на Яве стал столицей голландской колониальной империи. Компания обеспечивала вывоз из Индонезии товаров, прежде всего пряностей.

В XVIII веке начался упадок компании. После англо-голландской войны 1780-84 гг. произошла ликвидация компании, и все ее владения перешли под юрисдикцию Нидерландов [30, с. 60-65]. В январе 1942 года Япония объявила войну Нидерландам, а уже в феврале японский десант (под двойным японско-индонезийским флагом) высадился на Яве. Батавия была переименована в Джакарту, кроме того, японцы ликвидировали голландскую и сформировали индонезийскую администрацию. После освобождения архипелага от милитаристской Японии, 17 августа

1945 года была провозглашена независимость Индонезии [4], которую Нидерланды признали только в 1949 году после войны за независимость [16]. С этого момента начинается послевоенное развитие Индонезии как суверенного государства.

В этническом отношении число больших и малых народов Индонезии, по оценке разных ученых, колеблется здесь от 100 до 367, хотя некоторые исследователи доводят общую численность этнических групп Индонезии до 767 [18]. Крупнейшие этнические группы проживают на Яве и прилегающих островах – яванцы, сунданцы, мадурцы; на Суматре – малайцы, минангкабау, батаки, ачехцы; на Калимантане – банджары, даяки; на Сулавеси – макасары, тораджи. В провинции Папуа (Западный Ириан) проживают папуасы [7], (также см. таблицу 1). Подавляющее большинство индонезийских народов обладает многими общими чертами в языке, культуре, образе жизни, имеет общее историческое происхождение. Все этнические группы в основном проживают компактно на своей исконной территории, однако в результате миграционных процессов на некоторых островах Индонезии образовались целые колонии переселенцев из других мест, в первую очередь с перенаселенной Явы.

По числу живых языков Индонезия занимает второе место в мире. Здесь говорят на 728 языках и диалектах. Языки коренных этнических общностей страны существенно различаются, хотя все они относятся к малайско-полинезийской (австронезийской) языковой семье, включая

Таблица 1.
Самые крупные этнические группы
Индонезии (по данным переписи
населения 2000 г.)

Этнические группы	Численность (в млн. человек)	Численность (в процентах)	Территории расселения
Яванцы	86.012	41.7	Ява (восточная и Центральная), Лампунг
Сунданцы	31.765	15.4	Западная Ява
Малайцы	7.013	3.4	Восточное побережье Суматры, восточный Калимантан
Мадурцы	6.807	3.3	Мадуро
Батаки	6.188	3	Северная Суматра
Минангкабау	5.569	2.7	Центральная Суматра
Бетави	5.157	2.5	г. Джакарта
Бугинцы	5.157	2.5	Южные Сулавеси
Бантенцы	4.331	2.1	Бантен
Банджарцы	3.506	1.7	Южный Калимантан
Балийцы	3.094	1.5	Бали
Сасаки	2.681	1.3	Ломбок
Макасарцы	2.063	1	Южные Сулавеси
Киребон	1.856	0.9	Западная Ява
Китайцы	1.85	0.9	г. Джакарта, Западный Калимантан, Северная Суматра

Таблица составлена на основе: <http://www.bps.go.id/sector/population/pop2000.htm>
Indonesian Central Statistics Bureau (2 December 2008)

яванский язык, наиболее широко распространенный в Индонезии. Он является родным для 86 миллионов жителей, особенно на острове Ява. Исключение составляют лишь папуасские языки, на которых говорят в Западном Папуа и других районах восточной части Индонезии [3, с. 92].

Единый общенациональный язык – индонезийский, или бахаса индонесиа, был принят в 1945 году. В его основе лежит диалект малайского, известный как риау малай, который одно время выступал в качестве основного языка торговли и общения между жителями архипелага. Несмотря на свой официальный статус, бахаса индонесиа считается родным лишь для 30 миллионов человек (более 10 % населения). Этому языку обучают во всех школах, именно на нем разговаривают образованные и живущие в городах индонезийцы. Письменность строится на основе латинского алфавита. В 1972 году Индонезия и Малайзия согласовали общую орфографию [3, с. 93].

В сельской местности, в повседневной обстановке нередко используются так называемые зональные языки (бахаса даерах). Наряду с яванским языком, на островах Ява и Бали наиболее распространены сунданский и балийский языки. На мадурском языке как родном говорит около 7 миллионов человек. На Суматре насчитывается 52 языка, в большинстве своем относящихся к малайско-полинезийской семье. Наиболее широко здесь распространен малайский язык. В Западной Суматре, особенно вокруг города Паданг, употребляется язык минангкабау. Среди других языков Суматры можно выделить ачех, батак тоба, лампунг, батак даири, реджанг, батак сималангун и батак англола [3, с. 122-123; 29, с. 385].

На Калимантане распространено 82 языка, в том числе банджарский и малайский даяк. На Сулавеси говорят на 114 языках. Среди наиболее распространенных – бугийский, макасарский, горонтало и монгндоу [3, с. 122-123].

На Малых Зондских островах выделяют 68 языков, относящихся к малайско-полинезийской или трансногвинейской семье, за исключением одного малайско-креольского языка, купанг малай, родного для 200 тысяч жителей города Купанга (Западный Тимор). Среди других языков Тимора выделяют атони, тетум и роти. На острове Ломбок употребляется язык сасак. Наиболее распространенные языки на островах Сунда, Сумбава и Флорес – бима, манггараи и камбера [8, с. 123].

На Молуккских островах различают 128 языков, главным образом, малайско-полинезийских. Распространены также западнопапуасские и трансногвинейские языки, а также малайско-креольский. Наиболее крупные языки (по числу носителей) – амбонийский малайский, кей, галела, тернате, тидоре и буру. На амбонийском разговаривает 200 тысяч человек, на остальных языках – от 30 до 80 тысяч человек [3, с. 123].

Народы западной части Новой Гвинеи говорят на 265 языках. Большинство языков относятся к трансногвинейской семье, причем многие имеют всего несколько тысяч (а то и сотен) говорящих. Основные языки – дани, экаги, асма-каморо, сентани, авью-думут. Гораздо меньшую группу составляют западнопапуасские языки: май-брат, мпур и др. На севере Новой Гвинеи имеется группа языков, относящаяся к малайско-полинезийской семье. Есть также изолированные языки, которые, по видимому, не принадлежат ни к одной группе [3, с. 123-124].

Многие индонезийцы владеют английским, голландским и португальским языками, являющимися также родными для некоторых потомков европейцев. Хождение имеют также китайский (в основном южные диалекты), арабский и некоторые индийские языки.

Среди некоренных народов особое место, как по численности, так

и по роли в жизни страны занимают китайцы (до 6 процентов всего населения) [32, с. 29]. Китайские торговцы и мореплаватели посещали индонезийские острова уже много веков назад, но особенно интенсивно китайское население стало увеличиваться с середины XIX века. Составляя малую долю жителей, китайцы, тем не менее, контролируют значительную часть экономики – промышленности, торговли, финансов [26, с. 34].

С первых лет независимости в Индонезии проводится политика равноправия всех народов и этнических групп вне зависимости от их численности и уровня развития. Все индонезийские правительства активно пропагандировали и продолжают пропагандировать идею единой индонезийской нации, однако процесс ее складывания далек от завершения.

В религиозном отношении подавляющее большинство индонезийцев причисляют себя к приверженцам ислама (87,5 процентов жителей). В стране имеются христиане – протестанты (6 процентов), католики (3,6 процента) и приверженцы прочих христианских учений (0,8 процентов), а также индуисты (1,8 процента), буддисты (1,3 процента), конфуцианцы (0,8 процента), анимисты (1,4 процента) [15].

Конфессиональная принадлежность в основном соотносится с этнической. Например, мусульманами являются главным образом представители крупных этнических групп – яванцы, сунданцы, минангкабау, малайцы, ачехцы. Христианство исповедуют более малочисленные этнические общности – амбонцы, тоба-батаки, тораджи, а также часть местных китайцев. Индуизм распространен главным образом среди балийцев, буддизм и конфуцианство – среди китайцев. Традиционных анимистических верований придерживаются даяки, папуасы.

В Индонезии проживает самое большое число мусульман. Ислам исповедуют почти 88% населения страны [31, с. 3-4]. Мусульмане составляют большинство населения Явы, Суматры, прибрежных районов Калимантана, западной части Малых Зондских островов, Сулавеси, северной части Молуккских островов. Но в провинциях Папуа, Бали, в восточной части Малых Зондских островов, а также в некоторых районах Северной Суматры и Северного Сулавеси мусульманское население находится в незначительном меньшинстве [13]. Около 99 процентов индонезийских мусульман – сунниты. Шииты сконцентрированы главным образом в провинции Ачех [24].

Хотя мусульманские купцы столетиями вели торговлю на архипелаге, ислам стал утверждаться среди населения Индонезии лишь в XII веке. К концу XIII века новая религия была принята правящей элитой княжества Ачех на северной оконечности Суматры, а в начале XV века правителем Малакки, вскоре превратившим ее в центр ислама.

В XIV-XV вв. ислам распространился на территорию Явы. Хотя в 1380-х годах при индуистско-буддийском дворе империи Маджапахит (восточная часть острова) находились обращенные в ислам аристократы, он стал наиболее массовой религией среди жителей северного побережья Явы, активно занимавшихся торговлей. Связанные с Малаккой яванские купцы-мусульмане доминировали в торговле, которая велась к востоку от Явы, вплоть до Молуккских островов и даже южных островов Филиппинского архипелага. С их помощью ислам продвинулся еще дальше на восток.

При продвижении из Аравии на восток первоначальное учение Мухаммеда трансформировалось, наполнялось новым содержанием. В Юго-Восточной Азии стал преобладать т.н. "мифический ислам". На Яве эта форма ислама дополнилась индуистскими и буддийскими идеями, а также культом предков [27].

К началу XVI века ислам исповедовала большая часть королевств архипелага. Великая яванская империя Маджапахит пала под натиском султаната Демак, мусульманские правители которого вопреки своей религиозной принадлежности утверждали, что происходят от прежних индуистско-буддийских королей. Наступлению ислама не поддались лишь остров Бали. Самая обширная мировая территориальная система международных торговых связей того времени, простиравшаяся от Средиземного моря до Молуккских островов, оказалась под контролем мусульман [13].

В политической жизни страны значительно влияние мусульманских партий и движений, хотя популярность ортодоксов и радикалов не столь высока. Среди наиболее известных мусульманских политических сил страны можно выделить следующие.

Партия единства и развития (ПЕР) – единственная политическая организация индонезийских мусульман, разрешенная в период режима Сухарто, основанная в 1973 году путем объединения партии Нахдатул Улама (Союз мусульманских богословов) (НУ), Мусульманской партии Индонезии (Пармуси), Партии Мусульманского союза Индонезии (ПСИИ) и Движения за мусульманское воспитание (Перти) [9, с. 225]. Хотя после создания ПЕР эти партии утратили статус самостоятельных, все они продолжали свою деятельность как общественные организации и вели борьбу за партийное лидерство. Вследствие этого партии так и не удалось выработать общую программу и выдвинуть единого лидера, который устраивал бы все фракции движения. Под нажимом режима ПЕР в 1984 году заявила об отказе от ислама как идеологической основы. Это привело к выходу из нее Нахдатул Улама и ПСИИ [35].

С отставкой Сухарто ПЕР вернулась к идеологии ислама. Она выступила за постепенные реформы. В области религиозной политики занимает умеренные позиции, заявляя, что не поддерживает установления шариатского законодательства. В то же время лидеры партии подчеркивают, что в преимущественно мусульманской стране политика должна соответствовать "исламским принципам". Партия выступает за усиление религиозного образования в школах, обязательное изучение арабского языка студентами-мусульманами и отмену закона, в соответствии с которым государственные служащие могли иметь только одну жену.

На выборах 2004 года партия получила 8,1 процент голосов избирателей и 58 мест в парламенте [6]. По результатам апрельских выборов 2009 года, ПЕР получила 5,3 процента голосов и 39 мест в парламенте. Возглавляет партию Сурьядхарма Али [7].

Партия звезды и полумесяца (ПББ) – ортодоксальная исламистская партия, основанная в 1998 году в результате раскола Партии национального мандата. Считает себя наследницей Машуми (Консультативный совет индонезийских мусульман, основан в 1943 году), фундаменталистской мусульманской партии, запрещенной в 1960 году. Партия опирается на наиболее консервативных мусульманских богословов и считает, что государство должно "строиться на исламских принципах". При этом она отвергает утверждения, что стремится к построению чисто исламского государства. В экономической сфере выступает за рыночную экономику, привлечение иностранных капиталов, развитие исламской банковской системы и против государственного ценового регулирования. Большое значение придает важности конституционных изменений и деконцентрации власти, а также расширению региональной автономии [13].

Партия насчитывает, по собственным данным, 4,5 миллиона членов. На парламентских выборах в 2004 года она получила 2,6 процента голосов избирателей и 11 мест в парламенте (в 1999 году завоевала

1,8 процентов голосов и 14 мест). В апреле 2009 года партия не смогла преодолеть 2,5 процентный барьер, набрав только 1,8 процентов голосов. Председатель ПББ – Малем Самбат Кабан. Генеральный секретарь – Сахар Хасан [15].

Партия национального мандата (ПАН) была создана 23 августа 1998 года членами Совета народного мандата, одной из многих групп, участвовавших в движении за отставку Сухарто, как широкая коалиция реформаторских сил. Среди создателей партии были видные ученые, известные интеллектуалы и журналисты, борцы за демократию, мусульманские политические активисты и религиозные деятели.

Идеологическая основа партии базируется на принципах панчасила (пять общефилософских фундаментальных принципов индонезийской государственности: вера в единого Бога, в гуманность, в национальное единство, в народовластие, в социальную справедливость). ПАН провозглашает своей целью борьбу за "суверенитет народа, демократию, прогресс и социальную справедливость". В своих программных документах она заявляет о приверженности ценностям гуманизма, религиозной этики и культурного плюрализма. Единственная из крупных партий она выступает за децентрализацию власти и создание федеративного государства, а также высказывается в поддержку свободной рыночной экономики, постепенные темпы реформ и обещает стабильность и улучшение материального благосостояния народа [13].

Данная политическая организация стремится позиционировать себя как несектантская светская партия, открытая для представителей всех групп и религий. Она отражает интересы средних городских слоев населения, части интеллигенции и студенчества; ведет агитацию среди христиан, буддистов и этнических китайцев. В сельской местности партия пытается опереться на массовую исламскую организацию модернистского толка – Мухаммадья [13]. На выборах в нижнюю палату парламента в 2004 году партия получила 6,4 процента голосов и 52 места – на 17 мест больше, чем в 1999 году, когда она собрала 7,3 процента голосов [22, с. 38-39]. На выборах-2009 партии удалось получить только 6 процентов голосов и 43 места в Национальном Консультативном конгрессе [15]. Председатель партии – Сутрисно Бахир. Генеральный секретарь – Зулкифли Хасан [22, с. 38-39].

Партия национального пробуждения (ПКБ) является умеренной исламистской партией. Основана 23 июля 1998 года Абдуррахманом Вахидом, мусульманским богословом, как политическое крыло Нахдатул Улама, крупнейшей мусульманской организации Индонезии. Наряду с мелкими торговцами и землевладельцами, среди ее сторонников преобладают студенты и умеренные религиозные деятели сельских районов. Наибольшим влиянием пользуется в Центральной и Восточной Яве.

Идеология партии базируется на принципах панчасила. Ее лидеры заявляют, что партия открыта для представителей всех вероучений, этнических групп и классов. Поддерживает традиционные яванские формы ислама, выступает за разделение религии и политики, народный суверенитет и единство страны, а также призывает к дальнейшему сокращению политической роли армии в обществе. В экономической области выступает за прозападную неолиберальную политику [13].

Несмотря на то, что на выборах в 1999 году партия завоевала всего 17,4 процента голосов, получив 51 место в парламенте, Абдуррахман Вахид, благодаря поддержке коалиции исламских партий и Голкар, стал четвертым президентом Индонезии (1999-2001 гг.). На парламентских выборах в 2004 году партия получила 10,6 процентов голосов избирателей и заняла 52 места в Народной Консультативной Ассамблее. В 2009 году – 4,9 процента и 29 мест [8]. Возглавляет партию Мухайман Искан-

дар [22, с. 38-39].

Партия реформ и звезды (ПБР) – радикальная исламистская партия. Основана 20 января 2002 года в результате раскола Партии единства и развития (ПЕР). Нынешнее название носит с 2003 года. Опирается на молодое поколение ортодоксально настроенных мусульман. Среди её сторонников выделяется много бывших членов мусульманских военизированных группировок, хотя формально партия осуждает акты насилия и призывает к терпимости.

Выступает за сохранение унитарного государства, которое должно базироваться на принципах ислама и панчасила, за расширение гражданского общества и создание "эгалитарной демократической системы". Партия требует ускорить темпы реформ и демократизации, обещает поддерживать и защищать права человека. В то же время она призывает к борьбе с "коммунизмом, атеизмом и секуляризмом", пропагандируя ислам в качестве официальной религии, и стремится индоктринировать исламские ценности всему индонезийскому обществу. Своими приоритетными задачами считает создание новых рабочих мест, твердое соблюдение законов и борьбу с коррупцией. В сфере экономики призывает к созданию "экономической системы, которая будет на стороне народа" [13].

На выборах в 2004 году получила 2,4 процента голосов избирателей и 13 мест в парламенте. Накануне выборов 2009 года партия намеревалась заручиться поддержкой 7 процентов населения, но сумела получить лишь 1,2 процента голосов. Харизматическим лидером партии и ее председателем является Бурсах Зарнуби. Генеральный секретарь партии – Русман Али [22, с. 38-39].

За спиной мусульманских партий стоят массовые исламские организации: консервативного толка Нахдатул улама (от 35 до 40 миллионов членов; председатель – Хасым Музади) и модернистского – Мухаммадья (основана в 1912 году, включает более 28 миллионов человек, 14 тысяч школ, 160 университетов, тысячи мечетей; председатель – доктор Дин Сьямсуддин). В последнее время начался процесс сближения этих организаций на почве защиты ислама от нападков и обвинений в поддержке религиозного насилия, что связано с проводящейся США кампанией борьбы с международным терроризмом [28, с. 20].

В стране открыто или полужакоально действуют десятки военизированных исламистских группировок, многие из которых причастны к актам насилия и этническим чисткам в различных частях страны. Среди них – Джамаа Исламия ("Исламская община") – радикальное исламистское движение, выступающее за создание Исламского халифата в Юго-Восточной Азии (на территории Индонезии, Малайзии, Брунея, Сингапура, Камбоджи, Южных Филиппин и Южного Таиланда); Ласкар Джихад ("Воины священной войны") – военизированная религиозно-политическая группировка; Фронт защитников ислама – радикальная группировка, созданная в 1997 году, в отличие от других не борющаяся за создание исламского государства, однако требующая строгого соблюдения закона шариата. [32, с. 162].

Основная часть индонезийских христиан проживает в восточных районах страны. Католики преобладают на востоке Малых Зондских островов и на Южных Молукках, протестанты живут преимущественно на центральных и северных Молукках и севере Сулавеси. В провинции Папуа протестанты составляют большинство на севере, а католики – на юге [12]. Такое размещение христианского населения является результатом, как голландской колониальной политики, так и правительственного курса независимой Индонезии, предоставлявших разные территории для деятельности католических и протестантских миссионеров.

Значительные группы протестантов проживают на севере Суматры в районах расселения народности тоба-батаков, на Центральном Калимантане, католиков – на Западном Калимантане. Среди христианского населения страны много этнических китайцев.

Протестантство проникло в Индонезию со времен голландской колонизации. Администрация Нидерландов боролась с проявлениями католицизма в Голландской Ост-Индии, поэтому процент сторонников протестантской веры значительно возрос уже в XVII веке [10, с. 80]. Однако протестантские миссионеры не распространяли свои усилия на Яву и на другие территории, где преобладало мусульманское население [27].

В XX столетии европейские миссионеры проникают в Западную Новую Гвинею и Малые Зондские острова. После 1965 года происходит значительный рост числа прихожан протестантских церквей [13].

В некоторых частях страны каждая деревня принадлежит конкретной протестантской деноминации, есть адвентисты, евангелисты, лютеране, пресвитериане, Армия спасения (Бала Кеселаматан) [12]. Сегодня около 6 процентов населения Индонезии – протестанты [19].

Католицизм принесли в Индонезию в XVI веке португальцы. В период голландского владычества число приверженцев римско-католической церкви значительно сократилось, однако с середины 1960-х годов католики усилили свои позиции [13]. На 2006 год 3 процента всех индонезийцев принадлежало к римско-католической церкви [7].

Конфессиональные противоречия в Индонезии носят острый характер, и это особенно заметно в отношениях между христианами и мусульманами. Например, 22 сентября 2006 года в стране прошли массовые выступления католиков, проживающих на острове Флорес, причиной которых стала казнь трех представителей так называемой "индонезийской милиции" католического вероисповедания – Фабиануса Тибо, Маринуса Риву и Домингуса да Силвы, признанных в 2001 году виновными в гибели около 70 мусульман. Группы по защите прав человека подвергли сомнению справедливость наказания, а Европейский союз и Ватикан осудили решение суда [11].

В Индонезии проживает значительное число представителей индуизма, распространившегося на территории индонезийского архипелага параллельно с распространением буддизма [13]. Крупнейшей индуистской империей индонезийского архипелага была империя Маджапахит. Влияние индуизма до сих пор присутствует в индонезийской культуре, в частности, индийский концепт бога-правителя все еще формирует индонезийские понятия лидерства.

Индуизм в Индонезии (формально определяемый как Агама Хинду Дхарма) отличается от традиционного индуизма. Например, в индонезийском индуизме никогда не применялась кастовая система. На острове Ява индуизм попал под сильное влияние яванской версии ислама, известного как Ислам Абанган или Ислам Кеджавен [19].

Последователи индонезийского индуизма разделяют много общих убеждений и, прежде всего, Пять Пунктов Философии – Панчастрада: веру в единого Всемогущего Бога, вера в душу, дух, карму и закон воздаяния [30, с. 213]. Индуизм в Индонезии больше опирается на искусство и ритуал, нежели на священные тексты, законы и верования [19].

В Индонезии насчитывается 10 миллионов индусов [14], и по этому показателю Индонезия занимает четвертое место в мире. 93 процента индусов проживают на острове Бали. Значительные поселения индусов присутствуют на островах Суматра, Ява, Ломбок и Калимантан (в центральном Калимантане 15,8 процента населения исповедуют индуизм). Проживающие в Индонезии сикхи также зарегистрированы как индусы [7].

Еще одной старейшей религией Индонезии является буддизм, проникший на индонезийский архипелаг параллельно с индуизмом. В средние века на территории архипелага существовали сильные буддистские империи, такие как Саилендра, Шривиджая и Матарам. Согласно переписи населения 1990 года, приблизительно 1,8 миллиона человек являлись буддистами. Большинство буддистов сконцентрировано в Джакарте, хотя в других районах страны – на северной Суматре и западном Калимантане также есть значительное число буддистов. Возможно, что столь высокие цифры являлись следствием того, что адепты конфуцианства и даосизма, которые тогда не считают официальными религиями Индонезии, при проведении переписи именовали себя буддистами [5].

Конфуцианство проникло на территорию индонезийского архипелага в III веке, его дальнейшему распространению способствовали китайские купцы и иммигранты [35, с. 13]. В отличие от других религий, конфуцианство носило прагматичный характер, было связано с повседневной жизнью, нацелено на индивидуальные действия и веру в определенный кодекс поведения. Оно не сложилось в организованную религию, образ жизни или социальное движение. Лишь в начале XX века в Батавии оформилась первая конфуцианская организация [23].

После обретения Индонезией независимости, конфуцианство оказалось заложником политических интересов. В 1965 году Сукарно специальным указом признал конфуцианство одной из официальных религий. Но уже через 2 года Сухарто, проводивший антикитайскую политику (поскольку большинство китайцев были членами Компартии Индонезии), выпустил Президентскую Инструкцию N 14/1967, фактически запрещающую конфуцианство и вынуждавшую многих китайцев поменять имена. Однако, уже в том же году, принимая во внимание тот факт, что 3 процента китайского населения концентрировалось в своих руках основные богатства страны и доминировало во многих ключевых отраслях экономики [25], Сухарто заявил, что "конфуцианская религия, заслуживает приличного места в этой стране". Таким образом, был предвосхищен Указ N 5/1969, согласно которому конфуцианство вошло в "большую шестерку" религий Индонезии. Однако в 1978 году министр внутренних дел выпустил специальную директиву, исключаящую конфуцианство из числа основных религий, а 27 января 1979 года президент подтвердил это решение [35, с. 13].

Таким образом, статус конфуцианства в Индонезии в послевоенный период никогда не был ясен. Де-юре, конфуцианство было разрешено нормативным актом более высокого статуса, нежели не признававшая его директива министерства внутренних дел. Де-факто, правительство не признавало конфуцианство, и его адепты были вынуждены стать христианами или буддистами, чтобы сохранить гражданство. Подобная практика была распространена повсеместно, поскольку данные о вероисповедании вносились в национальную учетную карту, в свидетельство о регистрации брака, а в школах на уроках по основам граждановедения ученикам говорили, что в Индонезии существует лишь 5 официальных религий [35, с. 13].

С падением режима Сухарто в 1998 году, Абдурахман Вахид отменил нормативные акты своего предшественника, дискриминирующие конфуцианство. В январе 2000 года был снят запрет на конфуцианство, и некоторые другие религиозные течения.

К религиям, не входящим в официально признанным, но существующим на территории Индонезии, относят анимизм (в большинстве своем он получил распространение среди представителей папуасских племен), даосизм, иудаизм, и пр. В настоящее время индонезийское правительство прилагает усилия, направленные на уменьшение кон-

фессиональной напряженности, предлагая план межконфессионального сотрудничества [34].

Ныне действующая Конституция 1945 года провозглашает религиозный характер индонезийской государственности, а первый принцип панчасила гласит, что Республика Индонезия базируется на признании божественного всемогущества. При этом следует особо подчеркнуть, что, несмотря на то, что Индонезия обладает самым многочисленным в мире мусульманским населением, принцип религиозности не связывается в Конституции ни с исламом, ни с какой-либо иной религией. Однако атеизм запрещен [33].

Конституция декларирует свободу вероисповедания и равноправие всех официально признаваемых религий – ислама, католицизма, протестантизма, индуизма, буддизма, конфуцианства. Хотя официально признаны только шесть религий, закон не запрещает исповедание иных культов. В ноябре 1998 года Народный консультативный конгресс принял новую Хартию прав человека, гарантирующую гражданам страны право придерживаться любой конфессиональной принадлежности [21].

Власти активно пропагандируют взаимную терпимость и гармоничные отношения между приверженцами различных официально признанных религий. Индонезийским верующим не возбраняется поддерживать связи с единоверцами как внутри страны, так и за ее пределами. Правительство принимает участие в организации ежегодного хаджа мусульман в Мекку. По мнению ряда исследователей, несмотря на всплески межрелигиозной и межэтнической нетерпимости, в Индонезии на протяжении всего периода независимого развития в целом сохранялась внутренняя стабильность и гармоничные отношения между всеми этносами и религиозными группами [21]. В то же время наличие в Индонезии этноконфессиональных противоречий представляет угрозу внутриполитическому развитию страны, в которой религии уделяется огромное значение.

Литература

1. Ставенхаген Р. Этнические конфликты и их воздействие на международное сообщество// *Международный журнал социальных наук*, 1999, № 2. С. 154-163.
2. Страны мира: краткий политико-экономический справочник. М., 1993. 489 с.
3. Тюрин В.А. История Индонезии. М., 2004. 286 с.
4. Bidien Charles. Political Problems of Indonesia. Independence the Issue// *Far Eastern Survey*, 1945, December 5. P. 345-348// URL: <http://www.jstor.org/pss/3023219> [Дата обращения – 06.06.2009 г.].
5. Buddhism in Indonesia// URL: <http://www.buddhanet.net/e-learning/buddhistworld/indo-txt.htm> [Дата обращения – 04.06.2009 г.].
6. Building Human Security in Indonesia// URL: http://www.preventconflict.org/portal/main/background_politics.php#Political_Parties [Дата обращения – 02.06.2009 г.].
7. CIA. The World Factbook. Indonesia// URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/id.html> [Дата обращения – 01.06.2009 г.].
8. Democratic Party controls 26% of parliamentary seats// *The Jakarta Post*, 10 May 2009.

9. Elson Robert. Suharto: A Political Biography. UK: The Press Syndicate of the University of Cambridge, 2003. 338 p.

10. Goh Robbie B.H. Christianity in Southeast Asia. Institute of Southeast Asian Studies. 256 p.

11. Heneroty Kate. Indonesia execution of Catholic militants incites rioting// URL: <http://jurist.law.pitt.edu/paperchase/2006/09/indonesia-execution-of-catholic.php> [Дата обращения – 26.05.2009 г.].

12. Information about Indonesia// URL: http://www.reformiert-online.net/weltweit/64_eng.php [Дата обращения – 11.05.2009 г.]

13. Indonesia: A Country Study. Edited by Frederick William H., Robert L. Worden. Washington: GPO for the Library of Congress, 1993.// URL: <http://countrystudies.us/indonesia> [Дата обращения – 05.06.2009 г.].

14. Indonesia. International Religious Freedom Report 2007// URL: <http://www.state.gov/g/drl/rls/irf/2007/90137> [Дата обращения – 03.06.2009 г.].

15. Indonesian General Election Commission website Official Election Results // URL: http://mediacenter.kpu.go.id/images/mediacenter/data_terbaru/MAYDAY/Hasil_Pemilu_DPR_20090001.pdf [Дата обращения – 06.06.2009 г.].

16. Indonesian War of Independence// URL: <http://www.globalsecurity.org/military/world/war/indo-inde.htm> [Дата обращения – 06.06.2009 г.].

17. Indonesia's Transmigration Programme – An Update. A report prepared for Down To Earth By M.Adriana Sri Adhiati and Armin Bobsien (ed.) July 2001// URL: <http://dte.gn.apc.org/ctrans.htm#intro> [Дата обращения – 02.05.2009 г.].

18. Joshua Project// URL: <http://www.joshuarproject.net/countries.ind> [Дата обращения – 26.03.2009 г.]

19. Lidde R. William. The Islamic Turn in Indonesia: A Political Explanation// Journal of Asian Studies, 1996, N55 (3). P. 613–634// URL: [<http://www.jstor.org/pss/2646448>] [Дата обращения – 02.06.2009 г.].

20. Ministry of Religious Affairs// URL: <http://www.depag.go.id/index.php?menu=page&pageid=17> [Дата обращения – 28.05.2009 г.].

21. Nadirsyah Hosen. Religion and the Indonesian Constitution: A Recent Debate// Journal of Southeast Asian Studies, 36 (3). P. 419-440// URL: <http://espace.library.uq.edu.au/eserv/UQ:9181/hosen-JSEAS.pdf> [Дата обращения – 26.05.2009 г.].

22. Profil Partai Politik (Profile of Political Parties)// Kompas newspaper, 14 July 2008. P. 38-39.

23. Religious beliefs in Indonesia// URL: <http://www.spainexchange.com/guide/ID-religion.htm> [Дата обращения – 31.05.2009 г.].

24. Reza Imam. Shia Muslims Around the World// URL: <http://www.imamreza.net/eng/imamreza.php?id=3591> [Дата обращения – 26.05.2009 г.].

25. Richards Michael. Native Groups Seek Wealth Shift – Voluntary or Not: Indonesia Pressures Chinese. September 3, 1991// URL: [<http://www.nytimes.com/1991/09/03/business/worldbusiness/03iht-chin.html>] [Дата обращения – 25.05.2009 г.].

26. Schwarz A. A Nation in Waiting: Indonesia in the 1990s. Westview Press, 1994. 198 p.

27. Shaw E. Indonesian Religions// Overview of World Religions, 2006, September 8// URL: <http://philtar.ucsm.ac.uk/encyclopedia/indon/geness.html> [Дата обращения – 18.05.2009 г.].

28. Sipress Alan. Top Muslim Groups Urge Crackdown In Indonesia// Washington Post Foreign Service. Tuesday, October 22, 2002.

29. Sneddon James. The Indonesian Language: Its history and role in modern society. Sydney: University of South Wales Press Ltd, 2003. 386 p.

30. Suryani Luh Ketut. Balinese Women in a Changing Society (abstract page)// Journal of the American Academy of Psychoanalysis and Dynamic Psychiatry, 2004, N32.

31. Suryodiningrat, Meidyatama Who Are Indonesians?// The Jakarta Post, 02.10.2006. P. 3-4.

32. Taylor Jean Gelman. Indonesia: Peoples and Histories. New Haven and London: Yale University Press, 2003. P. 22-26.

33. The 1945 Constitution of the Republic of Indonesia// URL: <http://www.us-asean.org/Indonesia/constitution.htm> The 1945 Constitution of the Republic of Indonesia [Дата обращения – 05.06.2009 г.].

34. Transcript of Joint Press Conference Indonesian Foreign Minister, Hassan Wirajuda, with Australian Foreign Minister, Alexander Downer// URL: <http://www.kbri-canberra.org.au/speeches/2004/041206interfaith.htm> [Дата обращения – 01.06.2009 г.].

35. United Development Party// URL: <http://www.ppp.or.id> [Дата обращения – 17.05.2009 г.].

36. Yang Heriyanto. The History and Legal Position of Confucianism in Post Independence Indonesia// Marburg Journal of Religion, 2005, 10 (1).

УДК 390(=941.113)

Янчев Д.В.

Жилые, промысловые, хозяйственные и ритуальные постройки негидальцев (середина XIX – XX вв.)

Residential, fisheries, farming and ritual construction of Negidals (mid XIX - XX)

В статье рассматриваются особенности жилищных, промысловых, хозяйственных и ритуальных построек негидальцев. Накопленный автором богатый этнографический материал иллюстрирует специфику негидальских построек и их привязку к историко-географическим реалиям. Рассматриваются культурно-региональные связи негидальцев с соседними народами и их влияние на типы построек негидальцев.

Ключевые слова: негидальцы, русские, малочисленные народы, Восточная Сибирь, Дальний Восток, Амрский речной бассейн, этнография, строительство.

In the article features of housing, trade, economic and ritual constructions of nigidalts are considered. The rich ethnographic material saved up by the author illustrates specificity of their constructions and their binding to historical-geographical realities. Cultural-regional communications of nigidalts with the next people and their influence on types of constructions of nigidalts are considered.

Key words: *nigidalts, Russian, small people, Eastern Siberia, the Far East, Amrsky river pool, ethnography, building.*

Специфика хозяйственной деятельности негидальцев и физико-географические условия области расселения этого народа предопределили все постройки, которые отличались друг от друга своей формой и назначением.

Жилые постройки. Наиболее древним постоянным жилищем у негидальцев была полуземлянка, вытянутой прямоугольной формы углубленной в землю на 50 см. Стены, выходящие наружу, сложены из наклонно поставленных тонких плах и увенчаны четырехскатной крышей.

Два продольных и два поперечных бревна опирались на четыре столба, поставленные на углах. На этих же бревнах покоился каркас крыши, состоявшей из накатника и наваленной глины. Дверь располагалась на узкой стороне. Освещалась полуземлянка тремя окнами, одно из которых находилось рядом с дверью, остальные – на продольных сторонах. Внутри помещался очаг, но без трубы. Дым выходил в отверстие, прорезанное в крыше. Малые стены полуземлянки забирались тальниковой решеткой и обмазывались глиной с примесью травы.

Полуземлянки использовались негидальцами до конца XIX в, но уже тогда исследователи отмечали почти полную застройку стойбищ наземными жилищами, в том числе (нивхов, ульчей, маньчжур) [12, с. 59-68]. По-видимому, это объясняется изменением условий жизни коренных народов в рассматриваемый период. У негидальцев наземные постоянные жилища раньше предназначались для большой семьи. К концу XIX в. – началу XX в. большие жилые дома стали исчезать, вместо них строились дома меньшего размера, предназначенные для малой семьи. Зимник имел четырехугольную форму с двухскатной крышей. Как правило, дом строился однокамерным, без перегородок. Вход делали в продольной стороне дома, где отсутствовали тёплые лежанки. Каны располагались по четырем сторонам жилища, и лишь около дверей часть стены была свободной. Они представляли собой очаг, обложенный каменными плитами и обмазанный глиной, сверху находились лежанки.

При строительстве дома вначале очищали площадку, которая была на 5-6 м. больше дома в длину и ширину. Там, где предполагалось устроить каны, землю утрамбовывали и обмазывали слоем глины. После просушки получался глинобитный пол. Затем ставили столбы – каркас стен, которые делались двумя способами – в забивку и в плетёнку: в первом случае использовали бревна или доски, а во втором – тальниковые прутья, которые "плели" меж собой (СПФ АРАН. Ф. 282 (Штернберг Л.Я.). Оп. 1. Ед. хр. 101 № 8. Л. 34.).

Для XIX в. наиболее распространенным был дом со стенами, изготовленными в плетёнку из прутьев тальника и обмазанными смесью глины с травой или глины с шерстью диких зверей. Материалом для возведения стен служили легкие жерди, прутья тальника. Во внешних столбах зимника продавливали узкие пазы, в них вставлялись жерди. Высоту стен делили тремя жердями, которые переплетались вертикально прутьями тальника или ольхи, в результате получалась густая решетка – основа стены с внешней и внутренней стороны.

Второй тип стен изготавливали в забивку. Материалом для стен служили тонкие бревна или планки и доски, техника возведения стен также – пазовая. В пазы вертикально стоящих столбов каркаса вставлялись планки или закладывались бревна. Бревенчатые или дощатые стены обмазывались глиной. После возведения стен дома, приступали к сооружению крыши. Она была двухскатной, на центральные столбы клали конек, параллельно ему настилали две балки, которые являлись несущими конструкциями крыши. В больших домах имелось с каждой стороны по 2-3 балки, в малых домах – по одной. Перпендикулярно им настилали жерди, которые иногда вплотную прилегали друг к другу, но чаще всего образовывали обрешётку. Крышу покрывали двумя-тремя слоями бересты или еловой коры, настилая их друг на друга: первый слой параллельно коньку, второй – перпендикулярно и т.д. На стены крыши накладывался слой глины толщиной 5-10 см, поверх неё – пучок травы или соломы, которую заготавливали заранее. Травяное или соломенное покрытие прикрывали тонкими жердями, лежащими попарно и скрещенными вверху (СПФ АРАН. Ф. 282 (Штернберг Л.Я.). Оп. 1. Ед. хр. 101 № 8. Л. 34.).

При анализе негидальских стойбищ я пришел к выводу, что определенному типу стойбища соответствует вполне определенные жилые и хозяйственные сооружения, как бы выбранные из стандартного набора и расположенные на пространстве определённой площади. Этот выбор диктуется сроками нахождения на стойбище и его конкретным типом, связанным с функциональным назначением и природно-климатическими особенностями, а также во многом зависит от конкретного состава и численности проживающей группы. Площадь летнего стойбища занимала в среднем территорию 50х50 м. Набор и расположение построек летнего стойбища стандартизированы. Определенная направленность в организации внутри стойбищного пространства вполне может быть прослежена, хотя в каждом конкретном случае она имеет свои особенности, вызванные спецификой площади, составом кочевого коллектива, а также индивидуальным творчеством. В результате осознанного планирования размещения всех построек летнего стойбища, его площадь представляет собой на местности форму расширенного конуса, в вершине которого находится чум.

Площадь осеннего стойбища примерно одинакова с летним, но несколько иной формы – округлой, близкой к квадрату. Внутренняя структура весеннего стойбища практически идентична осенней.

Постройки зимнего стационарного стойбища включали в себя четырёхугольный срубный дом (зимнюю избушку или чум *даура*), амбар *далкэн*, иногда с навесом – крышей из корья, навесом *долган* и (или) чум *абдун* для собак. Площадь зимнего стойбища обычно значительно больше других типов стойбищ, максимальные размеры 90х 100м² (около 10, 000 м²).

Промысловые постройки отличались друг от друга в зависимости от назначения. На территории охотничьих угодий чаще сооружали срубное зимовье. По словам С.А. Гохты,* для такой постройки требовалось заготовить 50-52 плахи. Бревна разрубались на две части по длине и – получались плахи 2,25-2,5 м. Зимой счищали с земли снег до дёрна и устанавливали две опоры – фундамент. Каждая опора состояла из трех длинных плах (3-4 м): две из них плотно и вдоль клали на землю, а третью – на них сверху. Ширина между опорами – 3 – 4 м. На верхней плахе вырубался глубокий паз, в который вставляли вертикальные с небольшим наклоном плахи, служащие стенами. Перед тем как установить стены с внутренней стороны опор ставился каркас из вертикально стоящих столбов-плах с небольшим наклоном к крыше и прямоугольной рамой наверху. Полученный каркас обставляли вертикальными с наклоном плахами, оставляя неприкрытым только входное и дымовое отверстия в зимовье.

Внутри жилища устраивали места для охотников. Для этого разравнивали землю, предварительно очистив её от дерна, настилали слой еловых или пихтовых веток. На них спали охотники. Наверху имелось отверстие для выхода дыма. Место для очага огораживали камнями или срубом из плах, внутренность его засыпалась землёй. Огонь в очаге поддерживался круглые сутки. Под стенами из жердей сооружались настилы для продовольствия, снаряжения и продукции охотничьего промысла. В охотничьем зимовье преимущественно жили мужчины во время зимнего промысла пушных и копытных животных.

Кроме постоянного зимовья, негидальцы строили и временное промысловое сооружение полуцилиндрической формы, из 6 – 10 длинных тальниковых прутьев, установленных дугообразно на прямоугольной площадке на небольшом расстоянии друг от друга. Дуги скреплялись продольными шестами. Таким образом получался каркас, на который накладывалось покрытие из берестяных полос (тисок). Высота такого

шалаша незначительная (130 – 140 см), но он вмещал от двух до пяти человек [4, с. 756]. Пользовались этим шалашом рыбаки во время массового хода красной рыбы или охотники, вышедшие на добычу копытных животных. Очаг устраивался за пределами шалаша.

Свои жилища (чумы) охотники устраивали в верховьях небольших речек, где водился пушной зверь. Здесь стояли недолго, несколько дней, пока охотники обходили весь район. По словам негидальца Казарова, бересту для шитья покрывшек приготавливали следующим образом: большие полосы бересты снимали с деревьев в конце июня – июле, тщательно скоблили ножом с наружной стороны, осторожно снимая верхний слой. После этого бересту сворачивали в трубки и кипятили в воде с пеплом. Хорошо очищенная и проваренная береста становилась эластичной.

Другим типом временных построек был (*утан – утэн*) – зимний конусообразный охотничий шалаш, который строился из толстых, плотно поставленных друг к другу круглых брусьев. При постройке сооружения сперва ставили пирамидально две пары основных опорных стоек, связанных попарно сверху врезанными в них горизонтальными шпонками, с парой таких же перекладин. Так что сверху образовывалась четырехугольная рама, а весь остов постройки в форме усеченной пирамиды. Утэн был обычно не более 3 – 4,5 м в диаметре при такой же высоте. На высоте 1,5 м к стойкам крепили перекладину, на которую деревянными крюками подвешивали котлы. Единичные постройки такого типа сохранились, по сведениям В.Н. Васильева, в районе Амгуни вплоть до середины 1920 – х. гг. (СПФ АРАН. Ф. 282 (Штернберг Л.Я.). Оп. 1. Ед. хр. 101 № 8. Л. 34.).

В начале XIX столетия в связи с уменьшением численности не занятых в грузоперевозках оленей и повышением на них цен, ровдужные покрывки чумов стали уступать место матерчатым [2, с. 102]. Да и сам чум стал вытесняться палаткой. Шили ее из материи в форме треугольника, обычно с двухскатными, отвесными стенками. Натягивали ее на остов, состоящий из двух вертикальных стоек с развилинами наверху, в которую укладывали продольную жердь. Спереди и сзади палатки укрепляли в землю по две длинные жерди – крест-накрест каждая пара, к ним жердям веревками или ремнями привязывали края палатки. Перед установкой ее в зимнее время сперва очищали место от снега и снимали верхний слой дерна или моховой покров. Образовывалась углубленная площадка (3х3 м), которую устилали хвойными ветвями. Сверху ставили палатку, а снаружи ее утепляли – подводили под палатку сруб в 2-3 венца [3, с. 357]. Посередине устанавливали печку с длинной железной трубой. Часто в палатки вшивали окна из тонкого светлого материала, преимущественно из особого сукна или использовали мочевой пузырь животных. Заимствованы они были от золотопромышленников, но существенно усовершенствованы [9, с. 187].

Временным жилищем охотников – негидальцев служил односкатный шалаш (калта), изготовленный из кольев и веток, пользовались им в основном в верховьях Амгуни. Еще одним типом временных построек на рыболовных промыслах был летник, постройку начинали с заготовок жердей тальника, длиной 1,5 – 3 м. Избранный участок очищали от кустов и высокой травы, по его окружности втыкали жерди (диаметр круга 4 – 5 м). Затем в диаметральном противоположном направлении жерди (тайбун) сгибались и связывались друг с другом, в результате получался каркас сферической формы. Верхняя часть каркаса покрывалась полотнищем из бересты и ровдуги, а позднее – парусом и куском бересты, часто брезентом. Такие жилища строили негидальцы, орочи, ороки. Стену и крышу некоторые группы негидальцев называли (*талу*) – береста. У верховской группы негидальцев (в верховьях Амгуни, где

нет больших деревьев), по словам А.П. Казарова**, *утэн* обивался дощечками, прибитыми к остову. Внутри находились только постели, а все оборудование, припасы, оружие укладывали перед летником у стены, или на специальных столиках – помостах. В центре разводился костер, на ставили котлы для приготовления пищи.

Теневые навесы (*калтан*) устраивали только на летних стойбищах (*уриkit*), в небольших, хорошо продуваемых колках. На сучьях деревьев при помощи жердей и лапника делали настил высотой до 3 м, стены с двух сторон закрывали порослью лиственницы. Величина навеса зависела от количества оленей в стаде [12, с. 287].

У низовской группы негидальцев, хозяйственный уклад которых такой же как у народов Приамурья, теневые навесы не использовали, так как оленей не держали [5]. На местах рыболовного и охотничьего промыслов они сооружают временные укрытия от дождя и ветра – *нела*. Делают это следующим образом: в землю вертикально вбивают две жерди с развилками на концах. На них кладут перемычку, к которой приставляют в наклонном положении несколько жердей. Полученный свод покрывают берестой или корой кедра.

В наши дни негидальцы иногда пользуются ветровыми заслонами *нела* и часто палатками *зохайа*. При установке палатки всегда делают из жердей каркас в виде двускатной крыши, на который натягивают палатку. Когда снимаются с ночлега, каркас палатки не разрушают, а оставляют на месте для использования в следующий раз.

Наиболее распространенным типом временных построек на рыболовных промыслах был летник; постройку его начинали с заготовок жердей тальника, длиной 1,5 – 3 м. Избранный участок очищали от кустов и высокой травы, по его окружности втыкали жерди (диаметр круга чаще всего был 4 – 5 м). Затем в диаметрально противоположном направлении жерди – *тургу* брались и связывались друг с другом, в результате получался каркас сферической формы. Внутри находились только постели, а все оборудование, припасы, оружие укладывали перед летником у стены или на специальных помостах. В центре его разводили костёр, ставили котлы для приготовления пищи.

В тайге, на местах промыслов, строят стандартные избушки из бревен, несколько напоминающие прежние, но с более усовершенствованной планировкой внутри жилища. Жилая площадь равна 18 – 20 кв. м. Как правило на одном охотничьем участке находится два – три охотничьих домика. Поэтому охотник ночует в том зимовье, около которого заканчивает свою дневную охоту. База обычно находится в центре охотничьих угодий. К ней охотники свозят туши убитых зверей, как правило крупных животных, и при удобном случае отправляют их воздушным или санным транспортом в расположение главной усадьбы охотничьего хозяйства. На земле или на снегу устраивают (*тэпкен*) – настил из 2 – 4 жердей, положенных в разрядку на нескольких поперечно расположенных брусках и застланных сверху хвоей. На этот настил складывали дорожные сумы с имуществом и запасами продуктов, ружья и др., а сверху все сложенное прикрывалось от дождя и снега полотнищем улаптин из ткани, берестяных пологов или меховых ковриков.

Хозяйственные постройки. Кроме промысловых построек негидальцы сооружали вспомогательные хозяйственные постройки на местах пушного промысла или у реки, где производилась заготовка рыбы впрок. Важными сооружениями были амбары на сваях: надстройки на верху здания, на высоких столбах с разгородкою досками в 2 – 3 яруса; второй этаж, ярус, вышка, мезонин, терем, башня [6, с. 80]. Свайные постройки были нужны для сохранения продовольствия от зверей, грызунов, при неблагоприятных климатических условиях. Возникли они конвергент-

но, независимо от народностей других материков и стран. Возможно, они относятся к глубинному культурному пласту предков тунгусского и палеоазиатского населения Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Строили "амбары" двух типов – малые и большие: малые имели четыре сваи, большие – шесть. На передней паре столбов сооружали терраску. На ее основании и задней паре столбов устраивали 5 – 6 венцов тонких бревен, срубленных в лапу, или ставили угловые столбы с пазами и забирали их досками, прутьями, которые снаружи обмазывались глиной. В передней части имелась дверь, прорезанная во всю длину сруба. Переplet двери состоял из боковых столбиков, притолочки и порога. Дверь делалась из досок, сбитых двумя фигурными планками, и подвешивалась на решетках. Двухскатная крыша амбара покрывалась сеном или корой (с начала XX в. кровельным материалом стала дранка). В амбаре хранили одежду, различную утварь, охотничьи принадлежности, выделанные шкуры и др. [11, с. 167-169]. Другим типом свайного амбара был *н'унэйз такту*. Делали его несколько другим способом. На помосте сооружали полуцилиндрический каркас, который являлся и крышей и стенами. Для этого клали последовательно пару продольных и поперечных жердей. Продольные жерди клали ближе друг к другу, образуя свод. Полученный остов покрывался пластами коры. Вход в амбар делался в виде щелевого люка в помосте снизу. Входили в амбар по специальному бревну с зарубками. По словам негидальца А.П. Казарова, раньше в таком амбаре хранили не только вещи для хозяйственных нужд, в нем во время промысла проживала семья охотника, защищённая от хищников и врагов. Пеший охотник устраивал его, как сообщает Г.М. Василевич, на время, пока он ходил за зверем [2, с. 156]. У нанайцев в прошлом этот вид амбара использовался мужчинами для сборов. По преданиям, в них хранилось вооружение рода, но с распадом родовой организации необходимость в их сооружении отпала [7, с. 47]. Аналогичный амбар существовал и у ороков Сахалина [8, с. 77].

С приходом русских на Амгунь и ознакомлением с техникой русского домостроения у негидальцев появились жилища со стенами сложенными из толстых бревен. Они освоили технику срубного домостроения. Этот процесс происходил постепенно и занял не один десяток лет. Срубы делали в угол, охряпку, реже в лапу и в охлуп. Промежутки между бревнами затыкались мхом или шерстью диких зверей. Наряду с этим существовали зимние каркасные жилища с отапливаемыми нарами. Эту конструкцию наряду с пазовой техникой домостроения следует считать универсальной, так как она встречается почти у всех коренных народов Приамурья [10, с. 234].

Появление срубных домов, изменение в технике возведения стен привело к изменению конструкции наземных домов надобность в угловых опорных столбах отпала, так как сам сруб обеспечивал жесткую конструкцию. В начале XX в. на смену глинобитной крыше появились крыши крытые тесом, досками. Тесовые крыши чаще всего крылись "вразбежку", при этом покрытии нижний ряд укладывается не вплотную, а с промежутками и щелями, верхний же ряд укладывался на промежутки нижнего. Дверь всегда располагалась в торцевой стене дома, обращенной к реке с таким расчетом, чтобы ветер не дул в сторону дома. Она изготавливалась из досок, которые сверху скреплялись двумя наружными горизонтальными планками, щели закрывали мхом. Проем для двери устраивали на высоте 10 – 15 см от основания дома. Он служил преградой для проникновения влаги и грязи. Дверь навешивалась на петли из кожи дикой свиньи или имела выступающие шипы, служившие осью вращения. На замок она не закрывалась, а поднималась палкой или завязывалась веревкой.

Очаг делали из каменных плит, поставленных на торец, или из больших валунов. Существовало несколько видов лабазов, которые тогда употреблялись в хозяйстве негидальцев: *нёку* – площадка из накатника или колотых плах на поперечных балках, укрепленных на двух или четырех вертикальных сваях; *колбо* – небольшая площадка на четырех вертикальных сваях, сверху устраивался двускатный шалаш, покрытый корьем лиственницы.

У низовских негидальцев бытует хозяйственная постройка *ситки*, сходная по форме с нивхским срубом для выкармливания медведя. Делается это сооружение так: из толстых бревен – *зинали* – возводят сруб – *иваллэ* – в угол высотой 1,5 – 3 м, сверху закрывают толстыми жердями или плахами и засыпают землей. Эта постройка возводилась в тени деревьев, в теплое время года использовалась для хранения свежего мяса и рыбы.

Рядом с постоянным жилищем негидальцы устанавливали двускатную коптильню. По словам негидальца Федотова для её сооружения расчищали площадку 2 x 2 м., в центре которой выкапывают круглую яму диаметром 70 – 80 см и глубиной 15 – 20 см. Над ямой в виде двускатной крыши устраивают из жердей каркас высотой до 1,5 м. Его покрывают со всех сторон корой кедра, за исключением входного отверстия, закрываемого брезентом или дощатой дверью. Внутри коптильни, в яме, разжигается костер, дающий достаточное количество тепла и много дыма. Под крышей коптильни, над костровой ямой, устраивали несколько горизонтальных жердей. Такие коптильни встречаются и сейчас как у верховских так и низовских негидальцев.

В 20-е гг. негидальцы объединялись в промысловые артели под руководством Интегралсоюзов. С кооперацией хозяйства и переводом людей на оседлый образ жизни количество национальных стойбищ резко сократилось, а сам хозяйственный уклад претерпел значительные изменения.

Они стали выращивать овощи, держать коров и лошадей. Появились несвойственные их хозяйственной культуре постройки, в частности конюшни и коровники. Все больше строили домов европейского типа, но в промысловых и хозяйственных постройках сохранились принципы традиционного типа жилища. Объяснялось это и данью традиции, и фактом, что они полностью соответствовали хозяйственно-культурному типу охотников, рыболовов, который сохраняется во многом и сейчас.

К 50-м гг. и эти постройки стали заменяться домами – зимниками стандартного европейского типа. Амбары на сваях в это время уже не строили, хотя они были очень удобны для хозяйственных нужд. Из промысловых построек употреблялись ветровые заслоны – *нела* и срубное зимовье из плах, а также вешала и коптильни. Находясь в экспедиции в августе 1992 г., мы наблюдали, как негидальцы продолжают использовать традиционные коптильни – *хенакта*, как для копчения продуктов, так и тепловой обработки одежды, которая после этого не промокает.

Таким образом, хозяйственные и промысловые постройки негидальцев являются важной частью их материальной культуры. Сам характер и тип построек зависит в большей степени от уровня развития общества, процесса производства материальных благ, вида хозяйственной деятельности и естественно географических особенностей территории расселения народности. Анализ этнографических данных позволяет говорить о широком распространении традиционных промысловых и хозяйственных построек по всей территории расселения негидальцев, а наличие общих устойчивых признаков в их постройках и других народностей региона подтверждает мысль о тесных связях и культурных влияниях между отдельными народами, что не могло не отразиться на

традиции сооружения жилищ.

Литература

1. Василевич Г.М. Отчёт об Аяно-майской экспедиции 1920 г. Л., 1925.
2. Василевич Г.М. Эвенки: Ист.-этногр. Очерки (XVIII начало XX в.) Л., 1969. 304 с.
3. Историко-этнографический атлас Сибири. М. – Л., 1961. 498 с..
4. Миддендорф А.Ф. Путешествие на Север и Восток Сибири. СПб., 1878. Т. 2. 851 с.
5. Патканов С.К. Опыт географии и статистики тунгусских племён Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. и других источников. Ч. 2. Прочие тунгусские племена // Зап. ИРГО по отделению этнографии. СПб., 1906.
6. Пекарский. Маньчжуро- русский словарь. СПб., 1875. 51 с.
7. Сем Ю.А. Нанайцы: Материальная культура (вторая половина XIX – середина XX в.): этнографические очерки. Владивосток, 1973. 314 с.
8. Смоляк А.В. О взаимных культурных влияниях народов Сахалина и некоторых проблемах // Этногенез и этническая история народов Севера М. 1975. С. 43-78.
9. Смоляк А.В. Проблемы этногенеза тунгусоязычных народов Нижнего Амура и Сахалина // Этногенез народов Севера. М., 1980. С. 177-196.
10. Сухомиров Г.И. Охотничье хозяйство Дальнего Востока. Хабаровск, 1976. 256 с.
11. Туголуков В.А. Этнические корни тунгусов // Этногенез народов Севера М. 1980. 282 с.
12. Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края СПб., 1899. Т. 2. 314 с.

УДК 94 (571.6)

Багрин Е.А.

**К вопросу о насилии русских по отношению к
коренному населению Восточной Сибири и Дальнего
Востока в XVII в.**

**Violence and cruelty between Russian population and native of the Eastern
Siberia and the Far East in the XVII century**

Статья посвящена негативному опыту проявления насилия русского населения Сибири и Дальнего Востока по отношению к коренным народам этих регионов в XVII в.

Ключевые слова: *русское население, коренные народы, насилие, Сибирь и Дальний Восток.*

The article is devoted to the first period of occurrence of mutual relations of the native and Russian population in the Eastern Siberia and in the Far East. Violence and cruelty to each other are considered in it.

Key words: *Russian population, native, violence, Eastern Siberia and the Far East.*

В XVII в. в состав России вошли огромные территории Сибири и Дальнего Востока, населенные многочисленными коренными народами, которые вовлекались в новую для них культурную среду. Впервые вопрос о проявлении насилия к местному населению был обозначен исследователями в дореволюционный период. Процесс присоединения Сибири рассматривался как итог завоевания, вследствие которого и возникало жесткое отношение к покоренной стороне [4; 19]. В советское время ученые перестали акцентировать внимание на негативном опыте сосуществования русских и коренных обитателей Сибири [17; 15]. В то время же факты проявления насилия и жестокости между русскими переселенцами и коренными жителями Сибири в XVII в. не только имели место, но и были неотрывно связаны с политическими и социальными процессами, происходившими на территории "восточной окраины". В

постсоветское время, исследователи возвращаются к непредвзятому рассмотрению вопросов касавшихся присоединения Сибири [2; 14].

Целью статьи является обозначение основных причин возникновения насильственных действий русских в отношении местного населения. Исследование основано на изучении документальных источников (отписок, челобитных и материалов судебных разбирательств).

Термин русские использован автором для собирательного обозначения всех выходцев из Российского государства, несущих в себе его культуру вне зависимости от национальной принадлежности¹.

Первопроходцы пришли в Сибирь с уже сложившейся системой общественных отношений, характерной для абсолютистских государств того времени. В России XVII в. насилие в обществе было одним из способов правящего класса удержать свое первенство, регулировать общественные процессы, в которые были вовлечены все слои населения, перенимавшие образец поведения, основанный на подавлении сильными слабыми. Таким образом, действия людей наделенных властью и особенностями общей культуры населения являются основными источниками возникновения насильственных действий в русском обществе, возникшем в Сибири в XVII столетии. По мере того, как в эту культурную среду вовлекалось коренное население, ему отводилась своя роль. Определялась модель поведения, позволявшая, строить с ним свои отношения. Особенно велика в этом процессе была роль местной власти, имевшей огромное влияние на все происходившие события [1].

Власть на местах располагала правом применять от лица государства насильственные средства для решения различных государственных задач и соблюдения закона на вверенной им территории. Главной задачей было удержать за Россией новые земли, и подчинить коренных жителей, значительно превосходивших русских по численности. Жестокие меры по отношению к изменникам, были призваны подавить любую возможность неподчинения или прямого противодействия. Местные князьки сразу предупреждались о последствиях "измены". Так, воевода Василий Пушкин в обращении к главам бурятских родов в 1645 г. предупреждал "бращих людей", что при отказе платить ясак "... пошлют на вас и на ваши улусы многих государевых ратных людей", которые перебьют их "без пощады" вместе со скотом, сожгут юрты, уведут в плен женщин и детей без права выкупа, пленных же мужчин казнят [5, с. 33, 36]. Подобные предупреждения не были пустыми угрозами. В 1645 г. якутский воевода Петр Головин послал письменного голову В. Пояркова в улус якутского князя Кумыка, где тот сжег более трехсот человек, включая женщин и детей, вместе с самим князем, угнав скот и пограбив имущество [5, с. 36].

Настойчиво проводилась политика неотвратимости наказания за любые посягательства на жизнь русских. Например, пять промышленных людей, шедших на р. Зею с вестовой отпискою к Албазинским казакам, были убиты "на дороге" зейскими ясачными тунгусами. Зейский приказной человек Михаил Сафьянщиков тут же оперативно поймал и повесил убийц, наглядно показав, что так делать нельзя [11, с. 220]. Власти отчетливо понимали, что любое промедление с ответными действиями воспринималось туземцами как слабость и грозило потерей контроля над ситуацией.

Демонстративные публичные наказания "воров" были важной составляющей образа "сильной руки". Набор методов казни и телесных наказаний включал в себя повешение, четвертование, расстрел, битье кнутом. Иногда преступников сжигали. Часто встречаются упоминания о

¹ Большинство русских, населивших Сибирь в XVII в., происходило из северных уездов России [20].

применении пыток использовавшихся по характерному для русского судопроизводства обычаю, для получения сведений и их подтверждения.

Вот несколько характерных примеров. В 1683 г. якутский воевода Матвей Кровков отписал, что, подавив восстание одного из "иноземных" князей и взяв в бою 15 пленных вместе с князем, велел того "за его воровство и за измену, ... четвертовать, а товарищей его повесить" [10, с. 53]. Якуты, участвовавшие в восстании под предводительством Балтуги в 1676 г., были наказаны следующим образом: "Оенек был подыман на виску и пытан накрепко, а на виске дано ему пятьдесят ударов", "якуты Быки да Далдуй Куреяковы биты кнутом на козле и в проводку", брату зачинщика волнений Байге "отсекли голову и везли сутки и посадили на кол". Двух якутов сожгли живыми [8, с. 26, 35, 42].

Такие же события происходили и в других регионах Сибири. Например, в 1678 г. в Мангазее были достаточно жестоко казнены "воровские" тунгусы. После пытки воевода Иван Савелов велел двух из них "четвертовати, руки и ноги и головы отсеч и на колье втыкать", а третьему "уши обрезать". Казнь производилась в присутствии аманатов и подчиненных острогу иноземцах. Воевода перед государем свои действия по убийству пленников объяснил просто – в казне не было хлеба, для их прокорма! В том же документе приводится достаточно редкое упоминание о своеобразном расстреле мятежника: "...и я того вора за его многое воровство велел повесить за ноги и расстрелять" [9, с. 161, 164-165.]. Данный способ казни можно проиллюстрировать, рисунком из Ремезовской летописи (См. рис. 1.). Тот факт, что для художника подобное явление в порядке вещей, говорит о том, что такая казнь имела хождение по всей Сибири и не была чем-то из ряда вон выходящим.

Жестокие меры, нередко давали положительный результат. Сын боярский Федор Пушин в 1666 г. отписал из Охотского острога, что он публично повесил на видном месте трех взятых в плен мятежников, после чего остальные вернулись под его власть и стали платить ясак [7, с. 71].

Таким образом, "легальное" насилие, применяемое государевыми людьми, было оправданным средством самосохранения русских на агрессивной для них территории. Излишняя же жестокость в действиях оказывала на туземцев психологическое давление, порождала у них страх и парализовала желание противостоять новой власти.

Однако применение насильственных средств воздействия, не ограничивалось государственными интересами. Имея в распоряжении неконтролируемые возможности применения силы, начальные люди добивались упреждения власти, подавляли недовольных, вымогали, хотя государевы предписания гласили "... без вины напрасно к служилым и охочим новоприборным людям, для своей безделной корысти налоги и насилства не чинить" [5, с. 27]. В "мирской челобитной" 1645 г. на якутского воеводу Петра Головина описывается как он в борьбе за власть под предлогом измены, "...пытал и огнем жог и в тюрьму и за приставы отдавал" многих служилых, торговых и промышленных людей острога, которые "с таких пыток и с голоду и со всякой тюремной нужи помирали" [5, с. 36]. А его сменщик воевода Василий Пушкин в 1649 г. только за просьбу служилых Василия Бугра и Степана Борисова выдать им положенное жалованье бил их "до полусмерти" батогами посреди площади "без приговору товарищей", "а батоги у него были в длину в полтора аршина, а в толщину ручной палец" [5, с. 210].

Насилие по отношению к своим же соотечественникам было чревато не только жалобами государю, по которым проводились вполне справедливые разбирательства, но и бунтом, который мог закончиться смертью насильника. Поэтому власти обычно не переходили грань терпения

Рис. 1. Виды казней в Сибири
(Миниатюра из Ремезовской летописи)

людей, которым не хотелось стать бунтовщиками и быть "вне закона". А вот по отношению к ясачным туземцам могли использоваться любые средства. Перед государем всегда можно было оправдаться их изменой.

Тот же Петр Головин пришедших в острог ясачных якутов *"пытал и огнем жег и кнутом бил болши месяца, все три палача, без пощады"*, *"и с того кнутья многие Якуты померли и тех мертвых Петр вешал"*. После чего он повесил двадцать три человека из числа племенной аристократии, многие из которых были аманатами. От такого обращения, якуты более двух лет скрывались в горах и не платили ясак [5, с. 36].

Зачастую применение насилия было вызвано индивидуальной патологической жестокостью начальных людей. Страдали и свои, и чужие. В 1658 г. ясашные буряты жаловались в Енисейске на то, что приказной человек Брацкого острога сын боярский Иван Похабов, *"чинит" им "великие обиды и всякие насильства"*, бьет и грабит, а их жен и детей *"емлет к себе на постелю сильно для блуда"*. Пашенные крестьяне Брацкого острога жаловались на него же, добавляя, что *"бьет кнутом и в батоги и в колоду сажает бессменно"* без вины, для вымогательства. А его "ушник" приказной человек Ореф Фирсов, бесчестя их жен и детей, *"у выборного мирского старосты Антошки Агапитова жену его хотел изсилничать, и она ему не далась, деручися с нею, выдалил у нее из брюха младенца"*. За челобитные государю Похабов грозился *"бить кнутом и руку отсечь"*. В итоге действия приказного человека и его людей вызвали "измену" ясашных бурят которые убили и ранили несколько русских и откочевали "в Мунгалы" [22, с. 213, 215-217].

Следующим важным фактором возникновения различных насильственных проявлений по отношению к коренному населению была

своеобразная культура поведения, характерная для сибирских первопроходцев. Их система самоорганизации из-за слабого государственного контроля, позволяла процветать таким явлениям как самосуд, физическое подавление более слабого оппонента, вплоть до его уничтожения. Так, в 1652 г. Семен Епишев, находившийся в Охотском остроге, описывал, как часть служилых, требующих оставить острог, "отстаивала" свое мнение, жестоко избивая несогласных: "... а служивого Фомку, ..., выволоча на правез били, ..., и передо мною хотели розорвать служивого Мишку Иванова" [5, с. 342]. Даже наделенный государевой властью человек мог быть подвержен агрессии. Посланный на р. Анадырь для промысла "моржевого зуба" служилый Юрий Селивестров в отписке 1655 г. жаловался, что "прибранный" им охочий служилой человек Данило Филишов, придя в приказ, несмотря на свое подчиненное положение, ругал его, стал "... за бороду драть, и половину бороды выдрал, и ко двум, ..., за бороду сволок" [6, с. 11].

Жесткость в отношениях была во многом вызвана крайне тяжелыми условиями жизни и постоянной смертельной опасностью со стороны туземцев, в том числе и ясачных. Формировался тип людей, способных на преодоление любых трудностей. Обратной стороной этого процесса было, обесценивание человеческой жизни. Так в зимой 1646 г. В. Поярков, столкнувшись с крайней нехваткой продовольствия, отнял у части своих людей хлебные запасы, и выгнал их из острога. Спасаясь от голодной смерти, они "съели многих мертвых иноземцов и служилых людей, которые с голоду померли (было съедено около 50 мертвецов, а во время голода умерло более ста человек)". Репутация русских в Приамурье, была на долгое время испорчена. На р. Зея местные жители не подпускали к берегу шедший по реке отряд Пояркова, называя их "поганые людоеды". Пояркову приписывали слова, что "не дороги де они служилые люди, десятнику де цена десять денег, а рядовому де два гроши". Более того, весной, когда сошел снег и начала оттаивать трава, служилые стали копать "корень" и употреблять его в пищу, он приказал своему человеку выжечь луга, чтобы продавать для них по высокой цене свой личный запас [5, с. 55].

Туземцев же тем более никто не жалел. Например, казак Мишка Ворыпаев в 1677 г. отписал с р. Пенжин, что двое аманатов, взятых у чувалских юкагиров, были заморены голодом, одного зарезали в зимовье ножом, а другой аманат "...в колодке ушел, и того аманата весной по речке в колодке ноги принесло" [9, с. 176-177]. И это происходило притом, что аманаты были едва ли не самой большой ценностью, для казаков, так как они были гарантией поступления ясака.

Инородцев же, даже после того как они становились подданными России, воспринимали минимум как бывших врагов, "побежденных", с которыми и обращаться нужно было соответственно. Тем более, что местная власть смотрела сквозь пальцы на многие преступления.

Процветали незаконный увод из семей туземок и торговля людьми. Из-за полного отсутствия русских женщин в отдаленных землях страдали "иноземки", которых насильно уводили из их родов. "И баб де у Якутов служилые люди, ..., емлют сильно", – писалось в 1645 г. в челобитной якутских служилых [5, с. 36]. Захваченных женщин и детей использовали как живой товар. Например, в Енисейск свозились пленные с оз. Байкала и р. Лены, где их скупали торговые и промышленные люди и увозили на Русь [5, с. 223]. В Якутском остроге в 1679 г. тунгусских детей продавали по 3 и 3,5 рубля. Случалось, что казаки преподносили захваченных детей как подарок начальникам [8, с. 290]. Согласно государевым указам с полоняниками нужно было обращаться как можно более мягко, женщин и девушек предписывалось отдавать за выкуп их

родным, а тех, кто принимал крещение, выдавать замуж за служилых [5, с. 223]. В реальности же судьбы многих женщин были исковерканы. В описании Алазейского зимовья казачий десятник Пантелей Мокрошубов среди "имущества" назвал жену юкагирского толмача Малью: "...женка ясырка, владеет ею многие люди, кто купит, тот и держит, и по закладным ею владеют" [5, с. 280].

Московские государственные люди в отличие от своих ставленников на местах понимали всю пагубность применения излишнего давления на коренных обитателей новых земель. Во-первых, на насилие те отвечали еще большим насилием во время восстаний, прерывался поток пушнины получаемой не только за счет ясака, но и от русских промышленников, которые в период волнений не могли охотиться. В челобитной 1675 г. служилые якутского острога пишут: "ясачные и неясачные иноземцы", убивают их "... и наругательство чинят многое, груди спарывают, и сердце вынимают, и руки отсекают и глаза выкопывают". В том же году промышленные люди жаловались на отношение к ним якутов и тунгусов, живущих на реках Лене и Витим: "... грабят и огнем жгут, и убивают вместо свиней". Из-за чего они вынуждены были оставить промыслы и разорялись [8, с. 12].

Во время волнений во множестве гибли служилые люди, посланные за данью, и разошедшиеся по промыслам в одиночку или мелкими партиями. Убийства производились жестоко, на убитых вымещали накопившиеся обиды. Вот описание из дела об убийстве казака во время волнений якутов в 1676 г.: "и по осмотру у него Левки у правой руки три перста отсечены, да левая рука по плечю да по локтю сечено палмою, и горло перерезано, и глаза выколоты, и брюхо порото, и кишки вышли, и истыкан в спину и в брюхо копыями и палмами весь, и всячески над ним надругались" [8, с. 32-33]. В 1678 г. на допросе в Охотском остроге пеший тунгус Улбиний Шаман и его жена дали описание убийства казака: "... казака Михайла Павлова толмача Годниканы пешие Нютюкан Шаман, копьем сколол, ..., да Годниканской же пеший Мучюлкан парку де с него снял да и палкою де его добил, в голову и в рожу бил", "... и ремень на шею накиннули ему Михайлу и раненого его добавили" [8, с. 280].

Местные жители настроенные против русских начинали тяготеть к более "дружелюбным" конкурентам России, претендующим на эту же территорию, что напрямую угрожало интересам государства. Примером этому служат события, произошедшие в Приамурье, когда русские не только настроили против себя туземцев проживающих на подконтрольной им территории, но и совершали набеги на земли находившихся под влиянием Китая. Там они вели себя очень жестоко, так как маньчжуры и подвластные им народности в Приамурье воспринимались ими как "чужие" иноземцы, которые в отличие от "своих" ясачных, не могли стать поданными России, поэтому казачья вольница не стесняла себя в средствах воздействия на последних. Набеги казаков Ануфрия Степанова, а позже людей из Албазина на туземцев Приамурья во время которых они "бесчинствовали, убивали и грабили" [21], привели к тому, что в период военных конфликтов с цинским Китаем практически всё местное население, встало на сторону маньчжуров, которые проводили политику "мягкого" вовлечения коренных жителей Амура под контроль империи. В принципе и русские и китайские "начальные люди" получали во многом схожие наставления по обращению с народами, жившими на землях которые предполагалось присоединить к своему государству, и в этих указаниях "мир и ласка" стояли на первом месте.

Однако слабый контроль государственного аппарата России за своими людьми на окраинах страны привел к игнорированию ими указов сверху.

Даже с усилением на местах государственной власти и вовлечением коренных жителей в российскую судебную-исполнительную систему послабление судий в сторону "своих" приводило к нелицеприятным действиям последних по отношению к туземцам. Так, в Нерчинске в 1690 г. трое ясачных "брацких людей" словесно подали жалобу воеводе Ф.И. Скрипицыну. Они сказали, что в их отсутствие нерчинские пятидесятник из полка Бейтона Василий Смиреников и конный казак Наум Козьмин с 13 служилыми безо всякой причины разгромили их юрты, убили жен и детей (5 мальчиков и 3 девочки) возрастом от 7 до 16 лет. Нерчинские служилые угнали принадлежавших бурятам лошадей, баранов и верблюдов. Настигнутые бурятами на обратном пути убийцы вернули скот, но пострадавшие требовали возмещения за убитых родственников. В свое оправдание нерчинский пятидесятник сказал, что ясачный тунгус Дипчан известил его о том, что в бурятских улусах находится "*братской мужик Мяхачин*", который явно замыслил измену. Он спрашивал Дипчана, можно ли под русские избы "*розкласть огонь и от того огня изба загоритца или как де из лука стрелить в окно ночью убьет ли вызбе человека*", на что тот отвечал: "*изба не зогоретца потому у казаков де и в избах огонь держат, а избы от того не згорают*", и "*кто и в окно из лука станет стрелять и тем де в избе человека не убит потому у избе де у окон запоры деревянные*". Для этнографов данный разговор является интересным примером восприятия русской культуры иноземцами. А вот казаками новость была однозначно воспринята как угроза жизни им и их семьям. Мятежника нашли в улусе бурят. Не поддавшись "*на разговоры*", тот якобы, спрятавшись за бурятских детей, стал стрелять по казакам из лука, на что те ответили ружейным огнем. Убив и его, и тех, кто был рядом. Иск пострадавших бурят был удовлетворен – за убитых отдано "*семь скотин*" (РГАДА. Ф. 1142. Д. 56. Л. 79-83 об.). Этот пример является ярким образцом несоответствия наказания совершенному преступлению.

Впрочем, были случаи, когда власть не только наказывала "своего", но и шла с туземцами на компромисс оставляя безнаказанным убийство русских людей. В 1649 г. промышленный верхнего Майского зимовья Федулко, находясь в тунгусском стойбище, увидел, как князьку Ковыре что-то нашептывали на ухо. И ему послышалось, несмотря на то что, он почти не знал их языка, что из зимовья "утек" аманат, сын князя. Опасаясь за свою жизнь. Федул выстрелом из пищали убил князя, и убежал в лес. Позже "убоец" пришел в Охотский острог, где и был арестован, но аманат, никуда не убежал. Родственники убитого князя требовали Федула на расправу по закону кровной мести. Сориться с ними русскому начальству не хотелось, возникли бы перебои с ясаком. Однако, к тому времени тунгусы успели убить на промыслах 11 "промышленных людей", чью смерть и приравняли к смерти князька. В итоге несчастный был просто бит на козле перед сыном Ковыри [5, с. 175-176].

С вовлечением коренного населения в российскую государственную систему, при наказании преступников более учитывался не национальный фактор а то было ли это деяние против частного или государственного имущества. Например, в Нерчинске в 1690 г. братские люди Лету и Даитуй и тунгус Бултакей участвовавшие в воровстве лошадей у своих соплеменников получили по 15 ударов кнутом "на козле и в проводку", а буряту Будзи укравшему "государскую ясашную скотину" нанесли 25 ударов и отрезали нос (РГАДА. Ф.1142. Д. 56. Л. 79-83). Хотя русским преступникам все-таки делали послабление. Служилому человеку Авраму Евдокимову за воровство у нерчинского казака нанесли только 15 ударов кнутом на козле, хотя должны были по закону отрезать левое ухо, бить кнутом, и посадить на 2 года в тюрьму, откуда его должны были

изымать на различные работы в кандалах с последующим поселением в "украинных городах" (РГАДА. Ф.1142. Д. 56.Л. 36-40 об).

Анализируя документы, происходящие из различных местностей, можно заметить, что в одних острогах о проявлениях насилия упоминают чаще, в других – реже. От чего это зависело? Причины были как субъективные, где главную роль играли личностные качества каждого конкретного человека, вовлеченного во взаимоотношения с местным населением, так и объективные, зависящие от социальных процессов, происходивших в Сибири в то время. В острогах Западной и Южной Сибири в середине XVII в. была сильна государственная власть, местные воеводы и их люди в значительной степени контролировались Москвой, что снижало вероятность злоупотребления служебным положением. Костяк населения, стали составлять служилые, много лет проживавшие с семьями на одном и том же месте. Формировалось замкнутое сословие, в котором место отца наследовал сын или ближайшие родственники [20; 18]. Эти люди обзаводились хозяйством и конфликты с туземцами были им невыгодны. К тому же природные ресурсы соболя в данных местностях были в значительной степени истощены, и поэтому вымогательство пушнины у коренных жителей постепенно прекращалось, исчезало и применение к ним насилия.

В периферийных же острогах, ситуация была прямо противоположной. Местная власть была практически никем неограниченна, и широко использовала весь свой служебный ресурс для собственного обогащения, что сопровождалось жестокими поборам с туземцев и являлось прямым нарушением государственных указов. Значительную часть населения составляли гулящие люди, переходящие из острога в острог в поисках возможности участия в различных военных мероприятиях. Мир им был не нужен, так как они жили за счет добычи получаемой при участии в боях в качестве охотников [3]. Туземцы для них были, источником личной наживы, поэтому и обращение с ними было соответствующим. В свою очередь коренное население, особенно в первый десяток лет встречи с русскими, отстаивая свою независимость, пыталось уничтожить пришельцев, чему способствовала малочисленность последних. Осажденное положение, при крайне суровых условиях быта, где для того, чтобы выжить, надо было проявлять силу, решительность, подавлять и заставлять бояться противников, выработало психотип человека, для которого жестокость стала естественным способом решения возникающих проблем.

С продвижением русских на Восток и Северо-Восток менялся и статус острогов, они переставали быть "на острие атаки", и в них происходили процессы "огосударствления". Так, к началу XVIII в. напряженное положение, связанное с жестокими конфликтами с туземцами, переместилось на самый край присоединяемых земель – на Северо-Восток и Камчатку, а остроги вроде Якутского стали относительно спокойным местом [12; 13; 16].

В заключение будет верным отметить, что общение русского и коренного населения не сводилось исключительно к взаимному недоверию и постоянным проявлениям насилия. По мере накопления опыта общения и знаний друг о друге отношения становились более позитивными. Происходил межкультурный обмен. Русские заимствовали знания необходимые для выживания в новых для них природных условиях, а коренные народности использовали достижения русских в материальной культуре и возможность пользоваться правами подданных государства. Браки первопроходцев с туземками в значительной степени способствовали улучшению отношений между народами.

Таким образом отношения русских и коренных жителей Сибири и Дальнего Востока были весьма многогранны и неоднозначны, и включа-

ли в себя как светлые, так и темные стороны, каждая из которых должна быть изучена объективно.

Литература

1. Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск: Наука, 1991. 401 с.
2. Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII – XVIII вв. Владивосток, 1999. С. 18-30.
3. Багрин Е.А. "Охочие люди" на военной государевой службе в Прибайкалье и Забайкалье в XVII веке // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сб. науч. тр. Одесса; Омск, 2007. С.348-351
4. Васильев А.П. Забайкальские казаки: Исторический очерк.- Чита, 1916. 232 с.
5. Дополнения к актам историческим. СПб., 1848. Т. 3. 557 с.
6. Дополнения к актам историческим. СПб., 1851. Т. 4. 416 с.
7. Дополнения к актам историческим. СПб., 1853. Т. 5. 510 с.
8. Дополнения к актам историческим. СПб., 1859. Т. 7. 374 с.
9. Дополнения к актам историческим. СПб., 1862. Т. 8. 350 с.
10. Дополнения к актам историческим. СПб., 1867. Т. 10. 504 с.
11. Дополнения к актам историческим. СПб., 1869. Т. 11. 312 с.
12. Зуев А.С. Из истории присоединения Северо-Восточной Сибири: русско-корякские отношения в XVII–XVIII веках // Якутия – форпост освоения Северо-Восточной Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки. Якутск, 2004. С. 59–81.
13. Зуев А.С. Русские и аборигены на крайнем Северо-Востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв. / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2002. 330 с.
14. Зуев А.С. Характер присоединения Сибири в новейшей отечественной историографии // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып.1. Культурный космос Евразии. Новосибирск, 1999. С. 124-136.
15. История Сибири. Т. 2. Сибирь в составе феодальной России. Л.: Наука, 1968. 340 с.
16. Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. М. Л.: Главсевморпуть, 1949. 842 с.
17. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск: Наука, 1982. 501 с.
18. Леонтьева Г.А. К вопросу об образовании постоянного служилого населения в Восточной Сибири во второй половине XVII- начале XVIII в. (Нерчинский уезд) // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири и Дальнего Востока. Вып. 2. Новосибирск, 1968. С. 37-60
19. Миллер Г.Ф. История Сибири. М. Л.: Акад. Наук, 1937. 608 с.
20. Никитин Н.И. Служилые люди в западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1988. 256 с.
21. Русско-китайские отношения в XVII. Т. 2. 1686-1691. М.: Наука, 1972. 836 с.
22. Сборник документов по истории Бурятии. XVII век. Улан-Удэ. 1960. Вып. 1. 390 с.

УДК 34.07

Михалёва И.В.

Функционирование национальной судебной системы Республики Корея в контексте политических процессов середины XX – начала XXI века

The functioning of the national judicial system of the Republic of Korea in the context of political processes mid XX – early XXI century

В данной статье рассматривается проблема становления и дальнейшего развития судебной системы Республики Корея, механизмы политической власти южнокорейского государства, возможности правового контроля государства над самостоятельными социальными группами и их участием в политике, а также влияние на процесс становления судебной системы родового южнокорейского общества.

Ключевые слова: *традиционное общество, семейственность, патримониальное общество, азиатское общество, судебная система, судебный контроль, система сдержек и противовесов*

In this article the problem of formation and the further development of judicial system of Republic Korea, mechanisms of the political power of the South Korean state, possibility of the state control on the independent social groups and their participation in the political sphere, process of formation of the judicial system and influence of a patrimonial South Korean society on this process are considered.

Key words: *traditional society, domesticity, patrimonial society, Asian society, judicial system, judicial control, system of controls and counterbalances*

Политические системы государств Азии и Ближнего Востока представляют собой необычайно интересную и непростую социально-политическую материю, сложность которой предопределена колоссальным историческим опытом и своеобразием политической истории, а также спецификой современного развития данного политического объекта.

Еще в начале XX века большинство азиатских стран фактически представляли собой традиционные общества с рудиментарной политической системой, в которой господствовали феодально-сословные, династические, кастовые, клановые, а иногда и родовые политические формы и отношения, основанные на особой иерархии социального происхождения, религии, традиции, что характерно и для объекта данного исследования.

Опираясь на изложенное выше, представляется необходимым обозначить цель статьи, которая состоит в изучении формирования судебной системы южнокорейской республики в контексте современных по-

литических процессов, а также влияния американской правовой модели и родового южнокорейского общества на указанный процесс.

В связи с поставленной целью возникают следующие задачи:

- изучить политико-правовые механизмы южнокорейского государства;

- проанализировать влияния как западной (американской), так и восточной (традиционной корейской) нормативно-правовой культуры на судебную систему;

- изучить становление судебной системы и влияние на данный процесс родового южнокорейского общества.

Характерной особенностью азиатской модели политического развития в отличие от европейских и латиноамериканских стран является ее глубокая укорененность в традиционных культурных ценностях, особый стиль личных и общественных отношений.

Семейственность, связь личных отношений с деловыми и, соответственно, зависимость деловых обязательств от личных, традиционное, на уровне культуры неприятие контроля старших со стороны младших по социальному или семейному положению, так называемая кооперативность в иерархических и партнерских отношениях, подменяющая контракт, – все это в высокой степени характерно для стран Восточной Азии [2, с. 17].

Эти черты азиатских обществ характерны и для Южной Кореи. Особенность же этой страны состоит в том, что она длительное время находилась в колониальной зависимости от Японии, формирование национальных элит началось на довольно позднем этапе экономического развития, а горизонтальные механизмы координации и взаимодействия между основными группами интересов так и не сформировались [5, с. 24].

Романо-германская правовая семья имела определенный успех в Китае, Вьетнаме и Северной Корее, где, несмотря на новый "экономический курс", сохраняется в основном кодифицированное законодательство. Влияние романо-германской правовой семьи характерно также для кодифицированных систем Японии, Тайваня и Южной Кореи; тут также развита система судебной защиты в сфере публичного и частного права. Упомянутый аспект предстоит рассмотреть ниже.

Для начала следует отметить, что право как социальная категория – это ядро и нормативная основа всей правовой системы, ее связующее и цементирующее звено. Вообще по характеру права, существующему в данном конкретном обществе, можно судить о сущности всей правовой системы этого общества, о правовой политике и правовой идеологии государства.

В абсолютизированном виде национальная типология отрицает единый исторический процесс, поскольку национальные типы судопроизводства основаны на культурно-исторических типах обществ (цивилизаций). Последние друг в друга не переходят. Они самобытны и развиваются сами по себе.

Традиционно в общей теории права выделяют континентальную и островную правовые системы, и, следовательно, разновидности судопроизводства. Однако более точной представляется несколько иная классификация. В зависимости от того, какая сфера правовой материи преобладает: нормы, практика или идеология, выделяются три "национальных" типа процесса.

1. Романо-германский тип (континентальный). В нем преимущественное значение имеют уголовно-процессуальные нормы, выраженные в законодательстве.

2. Англосаксонский тип (судопроизводство общего права или

островное). В нем на первый план выдвигается юридическая практика, выраженная в совокупности судебных решений – прецедентов.

3. Традиционный тип (судопроизводство обычного права). Он опирается в своей основе на правовую идеологию (правосознание), как, например, религиозно-общинные юридические системы мусульманского, индусского права.

Одной из характерных черт, которая выделяет исследуемую страну из ряда других азиатских стран – это то, что частью существования южнокорейского общества является всеобъемлющий государственный контроль, который касается абсолютно всех сторон жизни корейцев; будь то частный бизнес или личностные отношения. Везде усматривается роль государства. По всей видимости, не будет особым преувеличением сказать, что в Южной Корее одно из наиболее контролируемых обществ современного мира [8, с. 14].

Но в контексте заявленной проблематики необходимо остановиться на одной из функций государственной власти, а именно, на функционировании судебной ветви в её классическом и современном проявлении, а также судебном контроле. Рамки данного вопроса довольно расплывчатые, тем более что понятие "судебный контроль" достаточно широко и, вдобавок, здесь трудно увидеть чёткую грань, с административным контролем.

Судебная ветвь государственной власти представлена Верховным Судом и системой судов общей юрисдикции, а также системой специализированных судов. Члены Верховного Суда Республики Корея назначаются Президентом.

Вместе с тем, модель системы сдержек и противовесов нашла отражение и в вопросах формирования судебной системы Республики Корея. Так, например, председатель Верховного суда Республики Корея назначается на должность, и только после этого утверждается Национальной Ассамблеей.

Верховный Суд рассматривает апелляции против решений судов более низкого уровня. Всего в Корее имеется 103 местных суда (примерный аналог российских районных судов), провинциальные и иные суды промежуточного уровня, а также специализированные суды (семейный суд, административный суд, военные трибуналы и т.п.) [4, с. 137].

С 1988 г. в системе судебной ветви государственной власти Республики Корея существует Конституционный Суд.

Конституционный Суд Республики Корея создан с заимствованием опыта континентальной системы конституционного правосудия. То есть, это специализированный судебный орган конституционного контроля. Его главная задача – проверка законов и решений государственной власти на предмет соответствия Конституции страны.

Еще одно полномочие Конституционного Суда связано с проверкой конституционности решений органов государственной власти, затрагивающих конституционные права и свободы граждан. Другое, не менее важное полномочие Конституционного Суда Республики Корея, это участие в процедуре импичмента Президента.

Целесообразно отметить, что в 2004 г. Конституционный Суд воспользовался данным правомочием в связи с оценкой деятельности Президента Республики Корея Но Мун Хена. 14 мая 2004 г. Конституционный Суд Южной Кореи объявил свое решение по вопросу об импичменте президенту Но Му Хену [6, с. 200].

Напомним, что 12 марта 2004, за месяц с небольшим до парламентских выборов, уходящий состав Национальной Ассамблеи проголосовал за отстранение главы государства от должности. Но Му Хена обвинили в нарушении избирательного законодательства, а также в профессио-

нальной некомпетентности и в том, что его помощники оказались, замешаны в коррупционных скандалах. По общему правилу, решение об импичменте вступает в силу, если не менее 6 из 9 судей Конституционного Суда его поддержат.

Особенности южнокорейского правосудия имеют специфические очертания. Многие считают, что Республика Корея слепо реципирует систему отправления правосудия у Соединенных Штатов Америки. Однако это не так.

Представления о правосудии в американском и корейском обществах существенно различаются. Чтобы наглядно проиллюстрировать различия (при всех поверхностных сходствах), целесообразно рассмотреть две модели отправления правосудия – "процессуальную" и "материальную".

При этом правосознание и правовая культура корейцев по-прежнему в значительной степени основываются на общих для народов Восточной Азии конфуцианских традициях: коллективизм, патернализм, приоритет этических норм над юридическими, обязанностей над правами, предпочтение неформальных примирительных процедур судебному разбирательству и т.д.

На протяжении столетий Корея находилась под влиянием китайской (конфуцианской) государственно-правовой культуры. В соответствии с этим собственно правовые предписания ограничивались преимущественно уголовными нормами. Основная масса общественных отношений регулировалась морально-этическими нормами, обычаями и традициями. Наряду с заимствованием китайских законов в средневековой Корее принимались и оригинальные правовые акты.

Первая рецепция европейского, романо-германского права в Корее произошла "опосредованно" через введение японского законодательства в период реформ конца XIX в. и японского колониального господства (1910-1945 гг.).

Как результат деятельности американской военной администрации в 1945-1948 гг. и общей ориентации сеульского правительства на США, в послевоенный период правовая система Кореи заимствовала многие элементы американского права, особенно в административной, торговой, трудовой, уголовно-процессуальной сферах [10, р. 44].

Корею можно характеризовать как "родовое общество" (tribal society), которое цементируется фактом национального и исторического единства, подсознательным внутренним чувством, общим для всех корейцев. Корейцы не анализируют – они чувствуют. Корейцы не взвешивают все "за" и "против" на основе неких рациональных критериев, как делает большинство американцев при принятии решения; они прислушиваются к голосу своего сердца [1, с. 90].

Кровные узы, землячество, почтение младшими старших и многие другие элементы родового общества играют очень большую роль в поступках и решениях корейцев.

Полностью воспринять систему североамериканского правосудия корейцам не дает чувство самобытной национальности. Система национального правосудия стремится, прежде всего, обеспечить защиту национального достоинства и национальной безопасности.

Институт судопроизводства и судебной власти в Южной Корее традиционно не пользуется большим авторитетом и потому законодательная власть подчинена исполнительной, а исполнение закона обычно связывается с желанием президента или ответственного руководителя.

Республика Корея, к сожалению большинства её жителей, всё ещё находится на стадии контроля, со всеми вытекающими отсюда последствиями, в том числе и нехваткой объективной информации о том, как

же там осуществляется судебный контроль над населением.

Изначально структура южнокорейского судебного аппарата складывалась под сильным американским влиянием. По настоящему специфические методы судебного контроля над населением, характерные именно для Республики Корея появились только в конце 1950-х гг., когда период безоговорочного следования американской политике оказался далеко позади. Но изначально в своём большинстве суды проходили в закрытом порядке [6, с. 190].

Открытые процессы явление редкое, но они обычно носят показательный характер. Судебный процесс-привилегия уголовных преступников. Это, возможно, и некоторое преувеличение, не исключено, что какая-то упрощенная процедура все-таки проводилась. Следует обратить внимание и на то, что политические преступления наказывались в административном порядке.

К 1990-м гг., необходимость в реформе судебной системы южнокорейской республики стала актуальной. Чтобы понять проблему, нужно оглянуться на политическую историю страны и посмотреть, как она развивалась после окончания японского колониального правления в 1945 г. Как известно, после освобождения Кореи её политические лидеры использовали для удержания власти одну из трех моделей или их комбинацию;

1. Злоупотребляли своей властью путем контроля над правительством и полицией для победы на выборах;
2. Прибегали к военным заговорам;
3. Занимались покупкой голосов [5, с. 27].

Ярчайшим примером военного заговора может послужить событие, относящееся к последней трети августа 1996 г., отмеченное и проанализированное практически всеми информационными агентствами мира – в Сеуле состоялся суд сразу над двумя бывшими президентами страны – Чон Ду Хваном и Ро Дэ У, обвиненными в захвате власти путем военного переворота, силовом подавлении оппозиционных демонстраций в городе Кванджу

Впрочем, мало кто в Южной Корее верил в то, что приговоры будут приведены в исполнение, даже сами подсудимые назвали процесс "политическим цирком". Слишком опасен был бы прецедент, когда глава государства устраивал суд над своими предшественниками и, самое главное, допускал исполнение приговора. Оппозиционный южнокорейский Национально-демократический фронт прямо считал, что суд над Чон Ду Хваном и Ро Дэ У служил лишь завесой для сохранения диктатуры [7, с. 27].

Бывшие диктаторы объяснили конфликт в Кванджу политической целесообразностью: мол, если бы выступления студентов не были подавлены, стране грозило бы вторжение северокорейской армии. Суд принял во внимание эти объяснения и не признал бывших президентов виновными в расстреле студентов Кванджу. [8, с. 15].

Дело в том, что южнокорейский режим был двуликим – одновременно и проамериканским, и корейско-патриотическим. В качестве проамериканского он выстроил удобную для покровителя экономическую структуру Южной Кореи.

Вышеназванные события привели к тому, что в 90-х гг. XX века южнокорейская судебная система претерпела изменения.

Сегодня судебная система Южной Кореи включает суды трёх ступеней:

- Верховный суд,
- Окружные суды и районные суды, в которые входят специализированные суды по семейным делам,

• Суды по административным делам [3, с. 100].

Последние осуществляют юрисдикцию по гражданским, уголовным, административным делам, делам связанными с выборами, и иными судебными делами, одновременно осуществляя судебный надзор за делами, связанными с регистрацией недвижимости, с документами переписей, депозитами и нотариальным оформлением.

Во главе системы общих судов находится Верховный суд, являющийся высшей апелляционной инстанцией по всем делам, включая подсудные военным судам. Изъятие составляют смертные приговоры и решения военных судов, вынесенные в период действия чрезвычайного положения.

Верховные суды в Сеуле, Кванджу и Тэгу рассматривают апелляции на решения нижестоящих судов по гражданским и уголовным делам. Они могут также выступать в качестве судов первой инстанции по искам против правительственных учреждений и высших должностных лиц.

Судами первой инстанции для большинства гражданских и уголовных дел служат окружные суды в Сеуле и главных провинциальных городах. Семейный суд в Сеуле рассматривает вопросы семейного права и дела о правонарушениях несовершеннолетних; в других городах соответствующие вопросы рассматриваются окружными судами. Помимо Семейного суда специальными являются также военные суды.

Главный судья Верховного суда назначается Президентом Республики Корея с согласия Национального собрания, другие – Президентом Республики Корея по рекомендации Главного судьи с согласия Национального собрания. Судьи нижестоящих судов назначаются Главным судьей Верховного суда с согласия Конференции судей Верховного суда. Срок полномочий судей Верховного суда – 6 лет, нижестоящих судей – 10 лет.

Осуществление конституционного контроля в соответствии с Конституцией отнесено к компетенции Верховного и Конституционного судов. Верховный суд проверяет только конституционность (законность) декретов и других подзаконных актов в связи с проблемой, возникшей в конкретном судебном процессе. Конституционный суд имеет значительно более широкие полномочия. Он рассматривает конституционность законов по просьбе суда в конкретном процессе, а также по запросу любого лица, исчерпавшего все другие средства правовой защиты.

Помимо этого Конституционный Суд имеет исключительное полномочие выносить решение о роспуске политических партий и об импичменте Президента, членов правительства и других высших должностных лиц.

В состав Конституционного суда входят 9 членов, назначаемых в равных долях (т.е. по 3) Национальным собранием, Президентом и Главным судьей Верховного суда. Председатель Конституционного суда назначается Президентом Республики Корея из числа судей с согласия Национального собрания.

Преследование по уголовным делам осуществляется прокуратурой. Прокуроры находятся под руководством и надзором Службы высшего генерального прокурора. Последний назначается Президентом Республики Корея.

Точное следование всем правилам и юридическим процедурам отступает на второй план перед необходимостью достичь справедливого результата. Судьи часто игнорируют узкие, формалистские толкования законов, чтобы добиться человеческой и социальной справедливости по существу.

В заключение статьи автору представляется целесообразным сде-

лать следующие выводы. Анализ судебной системы южнокорейского государства с учетом влияния как западной (американской), так и восточной (традиционной корейской) нормативно-правовой культуры показал следующее.

В своих лучших проявлениях американская модель обеспечивает справедливость и предсказуемость. В худших – ее считают бессердечной и бесчеловечной системой, уважающей лишь процессуальные нормы.

Американское общество базируется на "процессуальной" модели, что означает; правосудие совершается, когда юридические процедуры строго соблюдены вплоть до мельчайших деталей. У американского общества существует недостаток подсознательного опыта, оно считает необходимым установить ясные правила, с которыми все согласны, а затем проводить эти правила в жизнь без исключения. Общественный порядок в стране зависит от соблюдения данного принципа законности и процедуры [1, с. 50].

В Корее же прослеживается приоритет норм материального права над процессуальными нормами, что означает важность результата, а не процесса.

При всем своем социальном и правовом своеобразии Корея – это развитое государство, в политико-правовой жизни которого существуют три основные тенденции.

Первая представлена традиционными, основанными на богатейшем историческом опыте, формах, сознательно культивируемых государством.

Вторая обусловлена творческой переработкой образцов западных моделей государственных органов во всех ее направлениях.

Третья – это так называемая "золотая середина", рожденная в результате компромисса между старым и новым.

Описанное можно оценить в соответствии с одной из методик оценки действующих институтов по Веберу, в число критериев которой входят:

1. Надежность и исполняемость законов и судебных решений,
2. Надежность и исполняемость обязательств со стороны государства,
3. Качество государственного управления и аппарата [3, с. 50].

Существенно, что в соответствии с данной методикой оценки качество судебных институтов в авторитарно управляемых странах (Малайзии и Сингапуре) оказалось значительно выше, чем в Южной Корее, – на уровне развитых европейских стран.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что правительство и парламент Южной Кореи сумели создать политические условия для проведения структурных реформ в суде, достаточно глубоких для поддержания стабильности. Однако только при проведении последовательной политики с учетом специфической роли неформальных институтов дальнейший прогресс в указанной ветви власти может быть гарантирован.

Корея, возможно, самое неудобное место для размещения американских правовых традиций. Родовая система общества и культуры, основанная на эмоциях, полностью противоречит американскому рациональному складу ума.

Родовая система общества и культуры, основанная на эмоциях, полностью противоречит судебной рациональности. Плохо это или хорошо, может показать только будущее.

В принципе инфраструктура южнокорейской судебной системы должна не только включать традиционные общественные элементы, но и определять возможность эффективного судопроизводства. В большинстве демократических стран его эффективность обеспечивают высокий

профессионализм, политическая нейтральность (административная автономия) и репрезентативный состав судей. В общем, подводя итог, можно сказать, что корейская судебная система, направленная на обеспечение прав нации, является националистической по своей сути.

Литература

1. Афонин М.В. Корейские политические партии в объединении Кореи: Монография. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. 163 с.
2. Булычев Г.Б. Политические системы государств Корейского полуострова. М.: 2005. 167 с.
3. Денисов В.И. Корейская проблема: Пути урегулирования 70-80-е годы. М.: Междунар. отношения, 2006. 144 с.
4. Иногучи Т. Политическая наука в трех демократиях: "нелояльной" (Япония), демократии "третьей волны" (Южная Корея) и "зарождающейся" (Китай) // Полис. 2006. № 5. С. 131-140.
5. Иргебаев А.Т. К социальному портрету южнокорейцев. // Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 8. С. 23-30.
6. Ли В.Ф. Россия и Корея в геополитике евразийского Востока. М.: 2007. 341 с.
7. Савельев Р. В. Перспективы объединения Кореи взгляд из России: Авторский реферат диссертации на соискание ученой степени канд. полит. наук. // Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 2. С. 23-31.
8. Толстокулаков И.А. Воздействие процессов демократизации на экономическую ситуацию в Южной Корее // Вторая науч. конф. преподавателей и студентов Восточного института ДВГУ: Тез. докл. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета. 1997. С. 14-15.
9. Democratization, the Theory of Development and Korean Exceptionalism. Paper for the Concurrent Session of the 17th World Congress of IPSA Organized by Institute of East and West Studies, Yonsei University, Hoover Institution, Stanford University// The Dong-A Ilbo. Co-sponsored by KOLON Group. 2004. August 18-19.
10. Kim Chan Jin. Business Laws in Korea. Panmun Book Company Ltd. 2008. 250 p.

УДК 327

Голобоков А.С.

Становление и развитие внешнеполитической доктрины Китая

Chinese's foreign-policy doctrine foundation and development

Внешняя политика Китая является важным объектом исследований для широкого круга ученых и аналитиков. Ее современные направления напрямую связаны с развитием внешнеполитических концепций КНР в 1960-1990-х гг. Освещение этих аспектов очень важно для прогнозирования будущей внешней политики КНР. Статья основывается на российских и китайских источниках

Ключевые слова: *Китай, внешняя политика, мировой порядок, Дэн Сяопин, гегемонизм, безопасность, многополюсность, региональная стабильность*

Chinese's foreign policy became a serious object to research for the broad circle of scientists and analysts. Its today trends are directly tied to PRC's foreign-policy concepts in the period of 1960-1990's. Coverage of these aspects seems quite important for the prediction of Chinese future policy. The article is based on both Russian and Chinese materials.

Key words: *China, foreign policy, world order, Deng Xiaoping, hegemonism, security, multipolarity, regional stability*

Еще до окончания "холодной войны", распада СССР и крушения двухполюсного мира китайское руководство выработало достаточно специфичную, но продуктивную линию взаимоотношений со странами внешнего мира. Процесс ее создания был постепенным и неторопливым, что было характерно для китайских реформ в целом, и впоследствии предопределило такой же прагматичный и расчетливый подход КНР к соглашениям и договоренностям с соседними государствами в условиях постоянно меняющегося мира.

В ранних внешнеполитических концепциях КНР отчетливо проя-

вились влияние политического экстремизма и теоретической неопытности китайских руководителей, а также стереотипность понимания методов ведения политической борьбы, которая сформировалась у них еще в годы Гражданской войны. Большую роль в формировании международных концепций КНР на этом этапе сыграл геополитический фактор, проявивший себя на фоне азиатских региональных конфликтов второй половины XX в. [6, с. 45].

Переломным периодом в процессе формирования современных китайских внешнеполитических концепций стал отрезок 1980-х – начала 1990-х годов. На этом этапе можно наблюдать завершение процесса эволюции наиболее общих представлений руководства КНР – от концепции "войн и потрясений" к диаметрально противоположной концепции "мира и развития". В Китае был взят курс на "мирное возвышение" на основе совместного развития с другими государствами. Для китайских руководителей стало очевидным, что страна нуждается во времени, в финансовых и научно-технических, технологических заимствованиях из-за рубежа для того, чтобы добиться целей развития. Появился интерес в том, чтобы обеспечить несколько десятилетий работы в мирной обстановке, а также гарантировать "невовлеченность" Китая в международные конфликты.

Основным наполнением теории внешней политики КНР, таким образом, стал отказ китайских руководителей от постоянных противников, отношения с которыми возможно основывать лишь на непримиримой борьбе, действуя "острием против острия", подчиняя все формы взаимных связей конечной задаче взаимного противоборства. На передний план вышли, прежде всего, проблемы, связанные с обеспечением мирного стабильного окружения, и вопросы развития, прямо зависящие от перспектив оптимизации положения Китая в структуре мировых экономических и научно-технических контактов. Как отмечают китайские эксперты, с исчезновением глобальной угрозы вторжения и создания опасности динамично развивающимся регионам восточного Китая, политика безопасности КНР переключилась с "простого выживания во враждебном мире на предотвращение международной нестабильности и продолжительное сотрудничество" [22, с. 2-9].

Основной концепцией, дошедшей еще с середины XX века до наших дней, и органично введенной в современную внешнеполитическую доктрину Китая следует считать "*пять принципов мирного существования*" (1. Взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета. 2. Ненападение. 3. Невмешательство во внутренние дела. 4. Равенство и взаимная выгода. 5. Мирное сосуществование) [9, с. 155]. Китайское руководство постоянно подчеркивает их важность, демонстрирует универсальный характер принципов и ставит их в основу всего международного порядка. Как подчеркивают китайские политологи, к середине 1990-х гг. более 150 стран, включая ведущие державы – Россию, США, Японию и другие, признали главной нормативной основой своих отношений с КНР "пять принципов" [19, с. 35].

В еще одной важной концепции – *теории "мира и развития"*, впервые обнародованной Дэн Сяопином в октябре 1984 г., было заявлено, что двумя "наиболее крупными стратегическими проблемами в современном мире, носящими глобальный характер, являются проблема мира и экономическая проблема" [2, с. 12]. Главное внимание было уделено не военно-политическим, а политико-экономическим аспектам развития международных отношений, что, как представляется, лишний раз подтвердило тенденцию повышения удельного значения невоенных аспектов анализа международной ситуации во внешнеполитических концепциях КНР.

Последовавшая за экономическими преобразованиями Дэн Сяопина концепция "комплексной государственной мощи" также привела руководство КНР к заключению о снижении роли военного фактора в современных условиях для обеспечения национальной безопасности. Ее суть в том, что в современных условиях сила государства и его влияние на международной арене определяется не только величиной военного потенциала, но и уровнем экономического и научно-технического развития, а также взвешенным внешнеполитическим курсом, при этом доминирующим фактором является экономический потенциал страны [5, с. 11]. Следствием указанной теории можно считать стремление китайского руководства к всестороннему наращиванию потенциала в целях обеспечения намеченных целей по превращению КНР в одного из наиболее влиятельных членов мирового сообщества.

В конце 1980-х гг. в анализе международной ситуации китайским руководством стало преобладать видение мира с позиции многополюсности [20, с. 12-17]. Оно отражало стремление различных государств мира к проведению независимого политического курса на мировой арене, и означало конец безраздельного доминирования "одной-двух сверхдержав" и демократизацию международных отношений. Эта концепция и получила широкое распространение среди китайских политологов и в качестве официальной точки зрения Пекина на ситуацию в мире была впервые представлена в мае 1988 г. в речи министра иностранных дел КНР Цянь Цичэня [10, с. 14].

В воплощении принципа многополюсности КНР видела путь к такому мироустройству, в котором Пекин мог бы играть более активную роль. По мнению китайского специалиста в области китайской внешней политики Дин Шичуаня, в условиях многополюсности Китай обрел больше возможностей для игры на противоречиях между другими странами, одновременно стараясь всеми силами избегать ограничений, налагаемых ею [12, с. 16]. Специфика китайского подхода к многополюсности заключалась в выстраивании китайским руководством особого баланса двусторонних отношений по принципу: "мировой порядок гармоничен и безопасен, поскольку в нем выигрывает тот, кто не воюет" [8].

Важное значение в этой связи имеет и теория антигегемонизма – концепция, одновременно выступающая важной составляющей китайской политики игры на противоречиях между соперниками. Эта концепция берет начало еще от политики КНР 1960-х годов, однако в настоящее время ее значение коренным образом изменилось.

С исчезновением непосредственных угроз безопасности КНР после окончания "холодной войны", основную угрозу поступательному развитию внешней политики Китая эксперты видели в субъективных факторах, продиктованных нежеланием определенных сил допустить "мирное возвышение" китайского государства в регионе. В качестве одного из примеров можно привести заявление на официальном уровне председателя ВСНП Цяо Ши: "Гегемонизм и силовая политика все еще сохраняются в нынешнем мире. Народы Китая, Южной Кореи и других азиатских стран, тесно объединенные между собой и прогрессирующие в своем развитии, могут сами защитить себя против гегемонизма и силовой политики" [2].

Многие китайские эксперты подчеркивают, что страны Восточной Азии "не желают увязывать свою безопасность и судьбу со страной, которая привержена гегемонистской силовой политике и утверждает себя в качестве мирового жандарма" [1, с. 68]. В Китае считают, что такая "несправедливая" политика не стала основой мирного регионального развития, одновременно повысив значение для международного сообще-

ства элементов такого развития [14, с. 32]. В данном случае в виду имеются США, которые в китайской интерпретации являются страной, воздействующей на все аспекты национальных интересов КНР: политику, экономику, безопасность [14, с. 2].

Таким образом, Пекин выступает не просто против "превосходства", а в принципе против регионального присутствия США, обозначив тем самым один из основных аспектов, направляющих региональные векторы своей внешней политики [22, с. 58].

Стремление исключить негативное влияние со стороны США и других иностранных держав по мере роста национальной мощи страны подтолкнуло китайское руководство к расширению своего участия в поддержании существующего международного порядка. В первой половине 1990-х гг. руководством КНР были закреплены важные концептуальные положения о необходимости установления мирного, стабильного, справедливого и разумного нового международного порядка. В 1997 г. на XV съезде ЦК КПК Цзян Цзэминь обозначил основные постулаты современной внешней политики КНР, отметив в числе угроз несправедливый и нерациональный международный экономический порядок, а также локальные конфликты, вспыхивающие в регионе из-за этнических, религиозных и территориальных факторов [18, с. 50].

Концепция нового международного порядка может рассматриваться как важнейшая теоретическая основа внешней политики КНР на современном этапе, не только несущая идеологическую нагрузку, но и отражающая основные методы региональной политики Пекина. Она основана на представлении китайского руководства о том, что порядок международного общества зависит от "стандартизации" национальных интересов, а стабильность международного порядка – от "общепринятых стандартов". При этом подчеркивается, что современный мир нуждается в двух основных преобразованиях:

1. Утверждение "нового мирового политического порядка":
2. Утверждение "нового мирового экономического порядка" [19, с. 39].

По мнению российского китаеоведа А. Свешникова, китайский новый мировой порядок также предполагает "завоевание неформального лидерства в Азиатско-Тихоокеанском регионе" [7, с. 129]. Подобный подход хорошо укладывается и в традиционные схемы китайской внешней политики, соответствует потребности противостоять попыткам США сдерживать Китай с помощью стран региона, а в перспективе позволяет решить и другие проблемы, поскольку лидерство в динамично растущей Восточной Азии и АТР, по меньшей мере, гарантировали бы Китаю право решающего голоса в мировых процессах [3, с. 55]. Таким образом, в данной концепции можно проследить стремление Китая к региональному лидерству, которое выступает как условие обеспечения безопасности его внутреннего развития.

Еще одна теория внешней политики КНР на данном этапе – *"концепция новой безопасности"*. Как подчеркивают китайские исследователи, после окончания "холодной войны" появилось понимание, что ни военные альянсы, ни одинаковая политическая система больше не являются залогом мира и безопасности [23, с. 32]. С потерей значения традиционных форм оборонительной дипломатии, существовавших в форме военных союзов, в новых условиях международной обстановки был предложен оригинальный подход к разоружению и сотрудничеству по безопасности [13, с. 45].

Центральная идея модели заключается в том, что гарантированный мир и поступательное сотрудничество являются благом для народов большинства стран, их общим желанием и неопровержимой историче-

ской традицией, а развитие стран и народов в мирной международной обстановке – достижимой задачей. Взаимное доверие является предпосылкой успешного сотрудничества и укрепляется по мере развития сотрудничества между странами. Принцип взаимной выгоды подчеркивает важность учета интересов каждого из государств.

В этой концепции китайское руководство также закрепило понимание того, что народы соседних стран могут жить в мире и гармонии, настолько долго, насколько будут находиться эффективные и разумные пути решения возникающих между ними разногласий [14, с. 40]. Как заявил Цзян Цзэминь в выступлении на XVI съезде Компартии Китая в ноябре 2002 г., концепция новой безопасности КНР строится на основе взаимного доверия, взаимной выгоды, равноправия и координации действий между странами [16]. Другой китайский руководитель, Ху Цзиньтао, в одном из своих выступлений отмечал: "Поддержание важной стратегической возможности, стремление к миру и стабильности международной среды, факторы добрососедства и взаимной выгоды – все это способствует консолидации цивилизованного общества, повышению его благосостояния и является важной задачей и первостепенной целью нашей страны" [15].

Таким образом, концепцию "новой безопасности" можно назвать руководящим принципом национальной стратегии и важнейшим компонентом внешней политики Китая.

Следствием развития концепций "нового международного порядка" и "новой безопасности" можно считать идею *"стратегического партнерства"* с соседними регионами, приобретающую с начала 2000-х гг. в официальных китайских заявлениях все большее хождение. В понимании Пекина эта идея означает, прежде всего, придание двусторонним отношениям с ключевыми субъектами международных отношений устойчивого, относительно долговременного, характера; упор на предпочтительности долгосрочных национальных интересов перед краткосрочными или менее долгосрочными интересами. При этом речь идет не только о "встраивании" Пекина к существующей системе межгосударственных отношений или о встраивании КНР в эту систему, но и о вполне определенной перестройке всей этой структуры и реконструкции в перспективе ныне существующего порядка [21, с. 17].

Стоит отметить, что применительно к международной и региональной безопасности, Китай выделил несколько блоков противоречий, которые в случае их обострения могли расширить количество "конфликтных зон". Среди них в Китае обратили особое внимание на важный блок экономических противоречий. После того, как идеология в Китае была отодвинута на задний план, на первое место выдвинулись проблемы экономической безопасности, которые самым серьезным образом стали определять общий контекст глобальной и региональной безопасности.

По мнению китайских экспертов, развитие экономического сотрудничества с соседними странами должно привести к формированию устойчивых общих интересов стран региона и, соответственно, к созданию надежных механизмов региональной безопасности [21, с. 9]. Содействие повышению устойчивости и конкурентоспособности китайской экономики в условиях открытости мировому рынку, таким образом, также выступает важным компонентом внешней политики Пекина. Основными методами этой составляющей выступают провозглашаемые КНР принципы невмешательства во внутренние дела соседних стран и активное вовлечение этих стран в экономический обмен.

Важность этих методов была отражена в концепции *"идти вовне"*, разработанной Цзян Цзэминем и провозглашенной им в марте 2000 года на 3-й сессии Всекитайского собрания народных представителей девято-

го созыва [4, с. 2-12]. Концепция предусматривает многократный рост экспорта и объема ВВП, а также завоевание международных рынков, с целью обеспечения беспрепятственного развития КНР. В более широком смысле концепция "идти вовне" предполагает поощрение миграции и всемерное усиление зарубежной китайской диаспоры – так называемого "Большого Китая".

Освещая тему развития внешнеполитических концепций Китая, нельзя не упомянуть о том, что достаточно серьезное значение при их реализации имеет национальный интерес. В частности, в документах XV съезда КПК, подчеркивается мысль о приоритете понятия нации, китайской нации, и ее интересов, на протяжении всего последнего столетия, имеющих ключевое значение для лидеров всех политических сил страны, особенно в их внешней политике, причем вне зависимости от идеологии китайских политических партий и их вождей [11]. В марте 2008 года министр иностранных дел Китая Ян Цзечи в постановлении ВСНП КНР объявил об "увеличении ответственности Китая за международные процессы", с оговоркой, что это должны быть такие процессы, которые отвечают национальным интересам страны [23, Р. 14-15].

Подводя итог исследованию внешнеполитических концепций современного Китая, можно выделить, по меньшей мере, два момента, которых неизменно придерживается китайское руководство. Во-первых – это привлечение всего полезного извне для решения внутренних проблем Китая и для наращивания совокупного государственного потенциала. Во-вторых, – сохранение нейтральной позиции в международных конфликтах и спорах и отказ от участия в войнах, столкновениях и т.п. за пределами страны, что позволяет Пекину сосредоточиться на решении своих задач.

Основным мотивом внешнеполитических задач Пекина на современном этапе можно считать стремление содействовать появлению новой системы международных связей, в которой Китай, вне зависимости от желаний и предпочтений других стран, занимал бы одну из ключевых позиций, не мог быть изолирован, не являлся бы объектом давления и манипуляций и с полным правом мог рассчитывать на учет своих интересов другими ключевыми игроками. Общим местом последних внешнеполитических концепций Китая является налаживание и поддержание нормальных контактов со всеми членами мирового сообщества.

Совокупность этих факторов и принципов позволяет КНР выступать против гегемонизма и силовой политики, одновременно выстраивая независимую линию в отношениях с другими государствами. Представляется, что эти составляющие более всего способствовали вовлечению КНР в бурно протекающие международные процессы.

Литература

1. Алиев А. Безопасность в Восточной Азии: подходы США, КНР и России // Проблемы безопасности в Азии. М.: Европеум-Пресс, 2001. URL: <http://www.vostokoved.ru/books/3-book3/52-2009-11-01-22-05-47.html> [Дата обращения: 11.03.2010].
2. Арин О. О внешнеполитической стратегии КНР. // НГ– сценарии. 1999. № 5. URL: http://www.asia-times.ru/countries/china/o_vneshnepolit_strategii_knr.htm. [Дата обращения: 4.01.2010].

3. Боровой В.Р. Региональная политика во внешнеполитической стратегии КНР после окончания "холодной войны". // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2004. № 1. С. 51- 60.
4. Гельбрас В.Г. Российско-китайские отношения и проблемы глобализации. // Восток. Афро-азиатские общества. 2007. № 1 (42). С. 2-12.
5. Остроухов О. Внешняя политика Китая в годы реформ и перспективы ее развития // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 3. С. 5-15.
6. Плешаков К. Гео-идеологическая парадигма: (Взаимодействие геополитики и идеологии на примере отношений между СССР, США и КНР в континентальной Восточной Азии, 1949-1991 гг.) / Российский научный фонд. Московское отделение. М., 1994. 107 с.
7. Свешников А.А. Концепции КНР в области внешней политики и национальной безопасности. // Китай в мировой политике. М.: РОССПЭН, 2001. 528 с.
8. Собянин А., Шибутов М.. Будет ли война в Азии? // Интернет-газета "ZonaKZ", 2008. URL: <http://www.zonakz.net/articles/?artid=20868>. [Дата обращения: 12.06.2009].
9. Энциклопедия нового Китая. М.: Прогресс, 1989. 509 с.
10. Ян Чэнсюй. Китайская дипломатия в условиях изменчивой и нестабильной международной обстановки. // Китай в мировой политике. М.: РОССПЭН, 2001. 528 с.
11. XV Всекитайский съезд КПК. Китайский информационный Интернет-центр. URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64568/index.html> [Дата обращения: 17.04.2010]
12. Дин Шичуань. Шилунь Цзян Цзэминь дуй Дэн Сяопин "шицзе гэцзюй гуань" дэ цзичэн хэ фачжань (Точка зрения Цзян Цзэминя на вопрос развития и интеграции мировой архитектоники – высказывания Дэн Сяопина) // Шицзе цзинцзи юй чжэнчжи. 1999. № 11. С. 4-12.
13. Ли Сяоминь. Чжунгодэ синь анцюань гуань (О китайской "новой безопасности") // Пекин: Хэпин юй фачжань. 2002. № 2. 140 с.
14. Лю Цзянфей. Лэнчжань хоу мэйгодэ бацюань чжанлюе цзици чжиюэ инсу (Стратегия гегемонии и фактор расширения мощи США в период после "холодной войны"). Пекин: Чжунгун чжунян дансяо хуэбао. 1998. 98 с.
15. Ху Цзиньтао цзай диши цы чжувай шицзэ хуй и шандэ чжуняо цзянхуа (Выступление Ху Цзиньтао на совещании глав дипломатических миссий Китая, аккредитованных за рубежом). // Жэньминь жибао. 2004. 29 августа. URL: <http://people.com.cn/31521/2748993.html>. [Дата обращения: 22.08.2009].
16. Цзян Цзэминь. Цюаньмян цзяншэ сяокан шэхуй, кайчуан чжунго тэс шэхуйчжуи шиэ син цзюймянь. Цзай Чжунго гунчаньдан ди шилю цы цюаньго дайбяо дахуй шан дэ баогао. 2002 нянь 11 юэ 8 жи. ("Всесторонне вести строительство среднезажиточного общества и создавать новую обстановку для дела социализма с китайской спецификой". Доклад на XVI Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая 8 ноября 2002 года). Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2002. 56 с.
17. Цун Пэн. Вэйда минцзу аньцюань гайнянь бицзо (Сравнение концепций безопасности великих держав). Пекин: Бэйцзин чубаньшэ, 2004. 90 с.
18. Чжан Вэньвэй. Чжун э ляngo цзай шанхай хэцзо цзуджи чжун чжаньлюэ лион фэньси (Китай и Россия в ШОС: анализ стратегических преимуществ). Чжунго вайцзяо сюэюань. Пекин: Бэйцзин чубаньшэ, 2002. 210 с.
19. Чжан Вэньвэй. Шанхай хэцзо цзуджи чэнцзо цзихуй юй тяочжань. (Шанхайская организация сотрудничества: достижения, возможности, вызовы) // Чжунго вайцзяо сюэюань. Пекин: Бэйцзин чубаньшэ, 2004. 78 с.
20. Чжуан Ливэй. Чжунго гоцзи чжаньлюедэ дунмэн кэти (Международная стратегия Китая в обсуждениях АСЕАН) // Дандай ятай (Современный АТР). 2003. № 6. С 4-11.
21. Янь Сюэту. Дуй Чжунго аньцюань хуаньцзин дэ фэньси юй сыкао

(Анализ и суждение безопасности Китая) // Шицзе цзинци юй чжэнчжи. 2000. № 2. С. 12-17.

22. Янь Сюэту. Чжунгодэ синь аньцюань гуань юй анцюань хэцзо гоусян (Новая концепция безопасности Китая и направление сотрудничества в области безопасности) // Сяньдай гоцзи гуаньси. 1997. № 11. С. 2-9.

23. Richard N. Haass. Bringing China into the fold. // Newsweek. Dec. 2008 – Jan. 2009. P. 14-15.

УДК 327

Киреев А.А.

Состояние и перспективы трансграничных отношений российского Дальнего Востока и Китая (по результатам экспертного опроса)

Status and prospects of cross-border relations of the Russian Far East and China (on results of interrogation of experts)

В апреле 2010 г. редакцией журнала "Ойкумена" был проведен опрос дальневосточных исследователей, посвященный трансграничным отношениям РДВ и Китая. Опираясь на полученные в ходе опроса данные, автор статьи предлагает свою реконструкцию коллективных представлений экспертов о субъектах, составе и структуре, государственном регулировании и проблемах двустороннего трансграничного взаимодействия, о его нынешней роли в развитии региона и вероятном значении в будущем.

Ключевые слова: *российский Дальний Восток, Китай, трансграничные отношения, экспертный опрос, государственная граница, российско-китайские отношения.*

In april 2010 editorial of the journal "Ojkumena" conducted a survey of the Far Eastern scholars on cross-border relations the Russian Far East and China. Based on the survey data, author of the article offers his reconstruction of the collective views of experts on the subjects, the composition and structure, regulation and issues of bilateral cross-border cooperation, and his current role in the development of the region and the probable value in the future.

Key words: *the Russian Far East, China, cross-border relationship, expert interviews, state border, the Russian-Chinese relations*

За последние два десятилетия изучение трансграничных отношений с Китаем стало одним из наиболее интенсивно развивающихся направлений в исследованиях российского Дальнего Востока (РДВ). На мой взгляд, есть основания говорить о том, что в постсоветский период

эта тема утратила свой специальный, периферийный характер, перейдя в разряд центральных проблем дальневосточного регионоведения, концентрирующих и организующих вокруг себя общую структуру его предметного поля. К настоящему моменту в регионе сложился достаточно широкий круг исследователей, представителей разных научных центров и дисциплин, чьи профессиональные интересы прямо или косвенно связаны с указанной темой. Результаты их работы, помимо множества отдельных статей, нашли отражение в целом ряде монографий и сборников¹, посвященных прошлому [1; 2; 6; 8; 10; 11; 12; 14] и настоящему [3; 4; 5; 7; 9; 13] трансграничных отношений.

Этот стихийно происходящий процесс неизбежно связан с тем, что над индивидуальными проекциями изучаемого предмета постепенно оформляется второй уровень знания – его коллективная научная картина. Эта картина, безусловно, не будет простой суммой уже существующих точек зрения, но позволит также увидеть и то, что не было (и не могло быть) обнаружено на уровне индивидуального научного поиска. Одним из признанных инструментов выявления и оценки зрелости такого коллективного научного знания и одновременно средством стимулирования его формирования служат экспертные опросы.

Автор настоящей статьи, в основу которой положен подобный опрос, надеется на то, что предлагаемое исследование в какой-то мере сможет решить обе названные задачи: т.е., во-первых, даст возможность оценить текущее состояние коллективных представлений дальневосточных исследователей о настоящем и будущем трансграничных отношений региона с Китаем и, во-вторых, подвигнет их к дальнейшему прояснению и уточнению своего общего видения изучаемого предмета.

Экспертный опрос, посвященный трансграничным отношениям РДВ и Китая², был проведен в апреле 2010 г. по инициативе редакции журнала "Ойкумена". К участию в анкетировании было привлечено 20 исследователей – историков, политологов, международников, востоковедов, экономистов. В их число вошли представители научных и образовательных учреждений Владивостока (Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, Дальневосточный государственный университет, Морской государственный университет им. адм. Г.И. Невельского), Благовещенска (Амурский государственный университет) и Хабаровска (Институт экономических исследований ДВО РАН).

Следует отметить, что среди опрошенных заметно преобладают преподаватели вузов и специалисты исторического профиля. 85% участников опроса работают во Владивостоке. Это свидетельствует об определенной "смещенности" круга опрошенных экспертов относительно изучаемого исследовательского сообщества, что, безусловно, не могло не оказать влияния на результаты анкетирования. Вместе с тем, судя по авторству публикаций последних лет, степень этого смещения не столь уж велика, и состав участников опроса во многом воспроизводит объективно сложившиеся институциональные, дисциплинарные и географические диспропорции сообщества исследователей трансграничных отношений региона.

¹ В перечень литературы к данной статье включены лишь наиболее интересные из известных автору дальневосточных публикаций по теме последних десяти лет.

² Признавая ту первостепенную значимость, которую для трансграничных связей РДВ имеют северо-восточные провинции КНР, я, тем не менее, считаю нецелесообразным (по крайней мере, в рамках данного исследования) отделять от них другие китайские провинции, имеющие во многом сходные по своему содержанию контакты с регионом. Поэтому в настоящей статье, как и в проведенном опросе, в качестве трансграничного партнера РДВ рассматривается Китай в целом.

Опросная анкета, составленная автором статьи, включала в себя пятнадцать вопросов закрытого и открытого типов. Приоритет, отданный закрытым, а также открытым шкалирующим вопросам, и сама логическая структура анкеты были связаны с тем, что, наряду с простым описанием трансграничных процессов, исследование предполагало осуществление ряда их диахронных и межстрановых сравнений и получение предварительных обобщений.

Все вопросы анкеты были разделены на несколько блоков, каждый из которых касается одного из аспектов обширной предметной области предпринятого журналом исследования. Первый блок вопросов анкеты был посвящен оценке общей значимости трансграничных отношений РДВ с Китаем для настоящего и будущего этого региона. Составляющие данный блок четыре вопроса можно разбить на две части. В первую часть вошли два вопроса открытого типа, направленные на выявление сравнительной значимости КНР среди других стран, с которыми РДВ имеет активные трансграничные отношения. Первый из этих вопросов (*Трансграничные отношения с какими странами, на Ваш взгляд, наиболее важны для РДВ в настоящее время?*) предусматривал возможность перечисления опрашиваемыми не более пяти стран-партнеров РДВ в порядке убывания важности отношений с ними. После обработки полученных ответов, по критериям количества упоминаний каждой страны и среднего (медианного) значения приписанного ей ранга (т.е. уровня важности отношений с ней), порядок ранжирования нынешних партнеров РДВ приобрел следующий вид:

1. Китай (20 упоминаний (назван 100% опрошенных) при медианном значении ранга важности равном 1 ($M=1$));

2. Япония (19 упоминаний при $M=2$);

3. Республика Корея (14 упоминаний при $M=3$);

4. США (10 упоминаний при $M=3$);

5. КНДР (11 упоминаний при $M=4$).

Второй вопрос первой части первого блока анкеты (*Трансграничные отношения с какими странами будут наиболее важны для РДВ через 10 лет?*) имел аналогичную форму и обрабатывался по той же процедуре, что и первый. Обработка полученных на него ответов дала следующий порядок ранжирования предполагаемых экспертами основных трансграничных партнеров РДВ в 2020 г.:

1. Китай (18 упоминаний при $M=1$);

2. Япония (16 упоминаний при $M=2$);

3. Республика Корея (12 упоминаний при $M=3$);

4. США (12 упоминаний при $M=3$);

5. КНДР (6 упоминаний при $M=4,5$).

Таким образом, как считают участники опроса, общий перечень важнейших партнеров РДВ по трансграничным отношениям и порядок их сравнительной значимости на протяжении ближайших десяти лет останутся неизменными. Вместе с тем, как показывает более подробное рассмотрение полученных ответов, эксперты ожидают некоторых изменений в ранговом расстройении между пятью названными ими странами. Так, из сравнения ответов на первый и второй вопросы анкеты можно заключить, что лидирующее положение в списке трансграничных партнеров РДВ Китая к 2020 г. несколько укрепиться. Если применительно к настоящему времени первый ранг трансграничной важности для дальневосточного региона Китаю приписали 17 из 20 упомянувших эту страну экспертов (3 эксперта присвоили ему второй ранг), то, оценивая ситуацию 2020 г., все из 18 назвавших Китай участников опроса отдали

ему первое место в списке.

Обращает на себя внимание также и определенное повышение позиции в перечне стран США. Частота упоминаний экспертами США при ответе на второй вопрос возросла (тогда, как все остальные страны продемонстрировали снижение этого показателя). В результате, как по количеству упоминаний, так и по среднему рангу важности для РДВ, в списке 2020 г. США сравнялись с Южной Кореей. Вытеснить последнюю с третьего места в перечне будущих трансграничных партнеров РДВ США "помешала" лишь более значительная распыленность оценок упомянувших их экспертов по ранговой шкале (меньшая согласованность коллективного мнения) и в целом большая, по сравнению с РФ, смещенность их в сторону ее отрицательного полюса (полюса низкой важности).

Наконец, следует отметить резкое снижение частоты упоминаний и определенное уменьшение среднего ранга в списке 2020 г. Северной Кореи. Таким образом, по мнению экспертов, заметное и в настоящее время отставание КНДР по уровню значимости для трансграничных связей РДВ от остальных четырех стран списка, в прогнозируемой перспективе способно привести к превращению "пятерки" ведущих партнеров региона в "четверку".

Целью вопросов второй части первого блока анкеты являлось определение сравнительной значимости (веса) трансграничных отношений с Китаем в более широком контексте, в системе не только международных, но и внутренних факторов развития РДВ. Эта часть первого блока анкеты состояла из двух закрытых вопросов, предполагавших выбор только одного варианта ответа. Ответы, данные экспертами на первый из этих двух вопросов (*Насколько велика, по Вашему мнению, значимость трансграничных отношений с Китаем среди других факторов развития РДВ в настоящее время?*), распределились следующим образом:

- а) очень велика (50% от всех опрошенных);
- б) велика (40%);
- в) трудно сказать (5%);
- г) мала (5%);
- д) очень мала (0%).

Аналогичную форму имел второй вопрос этой части первого блока анкеты, касавшийся сравнительной значимости изучаемых трансграничных отношений в будущем (*Насколько велика будет значимость трансграничных отношений с Китаем среди других факторов развития РДВ через 10 лет?*). Распределение ответов на него оказалось следующим:

- а) очень велика (60% от всех опрошенных);
- б) велика (30%);
- в) трудно сказать (5%);
- г) мала (5%);
- д) очень мала (0%).

Как явствует из полученных ответов, подавляющее большинство участников опроса (90%) высоко оценивает (ответы "очень велика" и "велика") вес трансграничных отношений с КНР в общей совокупности факторов развития РДВ как в настоящее время, так и по состоянию на конец второго десятилетия XXI в. При этом, по мере движения от настоящего к будущему, доля исследователей, готовых выставить данному фактору по шкале значимости максимальную оценку (ответ "очень велика"), возрастает с 50 до 60%. Этот рост, на мой взгляд, можно рассматривать как еще одно подтверждение ожидаемой опрошенными тенденции к относи-

тельному увеличению к 2020 г. веса "китайского фактора", на которую указывали приведенные выше результаты диахронного шкалирования соседей РДВ по уровню важности отношений с ними.

Второй блок вопросов опросной анкеты был нацелен на выявление представлений исследователей о конкретных субнациональных участниках трансграничных отношений с Китаем с российской стороны.

Первый вопрос этого блока (*Какая доля (процент) населения РДВ, по Вашей оценке, непосредственно вовлечена в трансграничные отношения с Китаем? Каковы социальные характеристики этих дальневосточников?*) являлся открытым. Наряду с последним, пятнадцатым, вопросом анкеты, этот вопрос оказался лидирующим по числу экспертов, отказавшихся от ответа (по 3 не ответивших участника). Судя по всему, отказы были связаны со слишком общими и неопределенными формулировками вопроса¹. Признавая в целом недостаточную точность этого вопроса (который следовало бы разделить на ряд более конкретных), автор может оправдать ее только стремлением обеспечить компактность анкеты и отсутствием предварительной информации по данному аспекту темы исследования.

Полученные в ходе опроса оценки доли (процента) населения РДВ, непосредственно вовлеченного в трансграничные отношения с Китаем, дают в целом очень широкий разброс величин – от 0,1% до 50%. Однако большая часть ответов экспертов сосредоточена в диапазоне от 10 до 20%. Средней (медианной) для упорядоченного ряда из 17 собранных ответов является оценка, выраженная в виде интервала, – 10 – 15%.

Определяя социальные характеристики дальневосточников, прямо вовлеченных в трансграничные отношения с Китаем, участники опроса уделили приоритетное внимание особенностям их экономических занятости и статуса. С этой точки зрения, лиц, участвующих в трансграничном взаимодействии с российской стороны, чаще всего относили к одной из двух основных категорий. Первую из этих категорий населения можно обозначить как "мелкие предприниматели и обслуживающие их наемные работники, занятые в сфере приграничной торговли". В эту категорию мною были включены ответы "челноки" (20,64% от всех полученных ответов), "помогайки" (3,44% ответов) и "торговцы" (6,88% ответов). Таким образом, совокупная частота упоминания этой категории населения опрашиваемыми составила 30,96%.

Вторую из экономически дифференцируемых категорий участников трансграничных отношений можно определить как "представителей среднего и крупного бизнеса, работающие как в сфере трансграничной торговли, так и связанного с ней или с использованием труда мигрантов производства". В эту категорию включались такие варианты ответов как "крупный бизнес", "бизнесмены, привлекающие граждан КНР к участию в строительных работах...", "руководители транснациональных корпораций" и т.п. Общая частота упоминания этой категории населения по результатам опроса составила 24,08% от всех полученных ответов.

К часто упоминавшимся участникам опроса категориям дальневосточников, вовлеченных в трансграничные связи с Китаем, можно отнести также "туристов" (17,2% полученных ответов). Судя по ответам, указавшие эту категорию эксперты достаточно четко отделяют ее представителей от уже упомянутых "челноков", т.е. лиц, посещающих Китай с экономическими целями. Таким образом, термин "туристы" используется ими в своем исходном, узком значении, и относится к дальневосточникам, осуществляющим поездки за границу с целями социального и культурного характера.

Второй вопрос второго блока анкеты (*Какие отрасли дальневосточ-*

¹ Один из участников опроса оценил данный вопрос как некорректный.

ной экономики, по Вашему мнению, в наибольшей степени связаны с экономикой Китая?) был полузакрытым. Он допускал выбор, а также самостоятельное указание, не более трех вариантов ответа. Полученные ответы распределились следующим образом:

- а) лесной комплекс (27,54% от всех полученных ответов);
- б) машиностроение (0%);
- в) металлургия (1,53%);
- г) пищевая промышленность (9,18%);
- д) сельское хозяйство (15,3%);
- е) строительство (22,95%);
- ж) топливная промышленность (4,59%);
- з) химическая промышленность (0%);
- и) энергетика (9,18%);
- к) другое: торговля (6,12%), туризм (1,53%), общепит (1,53%).

Как следует из приведенных данных, в тройку наиболее вовлеченных в трансграничные отношения с Китаем отраслей дальневосточной экономики со значительным отрывом от остальных вошли (в порядке убывания числа упоминаний) лесной комплекс, строительство и сельское хозяйство.

Третий раздел опроса был посвящен рассмотрению содержательного состава и структуры трансграничных отношений, как с российской, так и с китайской стороны. Этот блок состоял из двух аналогичных вопросов полузакрытого типа, каждый из которых предусматривал возможность выбора не более трех сфер отношений, в которых стороны ведут себя наиболее активно.

Ответы на первый вопрос этого блока (*В каких сферах трансграничных отношений с РДВ, на Ваш взгляд, наиболее активно участвуют граждане КНР?*), распределились следующим образом:

- а) инвестиции (6,52% от всех полученных ответов);
- б) культурные связи (3,26%);
- в) научно-техническое сотрудничество (0%);
- г) образовательные связи (14,67%);
- д) торговля (32,6%);
- е) трудовая миграция (24,45%);
- ж) туризм (16,3%);
- з) другое: строительство (1,63%).

Ответы экспертов на второй вопрос этого блока (*В каких сферах трансграничных отношений с Китаем, на Ваш взгляд, наиболее активно участвуют жители РДВ?*) разделились так:

- а) инвестиции (4,16% от всех полученных ответов);
- б) культурные связи (8,32%);
- в) научно-техническое сотрудничество (0%);
- г) образовательные связи (12,48%);
- д) торговля (35,36%);
- е) трудовая миграция (2,08%);
- ж) туризм (37,44%);
- з) другое (0%).

Как показывает сравнение мнений опрошенных по двум указанным выше вопросам, содержательный состав трансграничных отношений с обеих сторон во многом сходен. И для населения РДВ, и для китайцев основными сферами контактов служат торговля, туризм и образовательные связи. Наиболее серьезным отличием состава трансграничных отношений с российской стороны от такого же рода отношений

с китайской является почти полное отсутствие в первых (с точки зрения опрошенных) такого компонента как трудовая миграция. Обращает также на себя внимание и нулевое значение доли в составе отношений РДВ и Китая с обеих сторон такой сферы как научно-техническое сотрудничество. Что же касается пропорционального соотношения различных сфер взаимных контактов, т.е. структуры последних, то нельзя не отметить сравнительно большего веса в трансграничной активности жителей РДВ "туристической" составляющей, тогда как граждане КНР более активны в области образования.

Целью четвертой части вопросника была сравнительная оценка степени управляемости трансграничных отношений РДВ и Китая как на стратегическом (долгосрочном), так и на оперативном уровнях. Этот блок анкеты состоял из четырех вопросов закрытого типа, допускавших выбор единственного варианта ответа.

Первый вопрос данного блока (*Насколько высока, по Вашему мнению, степень стратегической (долгосрочной) управляемости трансграничных отношений Китая и РДВ со стороны органов государственной власти КНР?*) дал следующее распределение мнений экспертов:

- а) очень высока (30% от всех участников опроса);
- б) высока (55%);
- в) трудно сказать (15%);
- г) низка (0%);
- д) очень низка (0%).

Подобный же вопрос, касающийся политики российских властей (*Насколько высока, по Вашему мнению, степень стратегической (долгосрочной) управляемости трансграничных отношений РДВ и Китая со стороны органов государственной власти России?*), принес следующие результаты:

- а) очень высока (5% от всех участников опроса);
- б) высока (30%);
- в) трудно сказать (20%);
- г) низка (40%);
- д) очень низка (5%).

Таким образом, оценки экспертами степени стратегической управляемости трансграничных отношений с китайской и с российской стороны существенно расходятся. Оценивая степень стратегической управляемости трансграничного взаимодействия китайским государством, подавляющее большинство опрошенных (85%) выбирает верхние пункты шкалы (ответы "очень высока" и "высока"). Напротив, среди мнений экспертов о степени стратегической управляемости такого взаимодействия российскими властями преобладают (45% против 35%) низкие оценки (ответы "низка" и "очень низка"). Необходимо также отметить достаточно высокую (20%) и превышающую соответствующий показатель по первому из вопросов (15%), долю участников опроса, затруднившихся определить ту меру, в которой органы власти России управляют общим, долгосрочным развитием отношений РДВ и Китая.

Ответы опрошенных на третий вопрос четвертой части анкеты (*Насколько высока, по Вашему мнению, степень оперативного (пограничного, миграционного, таможенного и т.д.) контроля над трансграничными отношениями Китая и РДВ с китайской стороны?*) распределились так:

- а) очень высока (10% от всех участников опроса);
- б) высока (75%);
- в) трудно сказать (10%);

- г) низка (5%);
- д) очень низка (0%).

Распределение ответов на четвертый вопрос этого блока анкеты (*Насколько высока, по Вашему мнению, степень оперативного (пограничного, миграционного, таможенного и т.д.) контроля над трансграничными отношениями РДВ и Китая с российской стороны?*) оказалось следующим:

- а) очень высока (5% от всех участников опроса);
- б) высока (55%);
- в) трудно сказать (5%);
- г) низка (30%);
- д) очень низка (5%).

Как видно из полученных ответов, степень контроля российских властей над трансграничными отношениями на оперативном уровне, по мнению экспертов, заметно выше, чем на стратегическом (60% оценок в верхней части шкалы против 35% в предыдущем вопросе). Тем не менее, и на оперативном уровне разрыв между эффективностью административного присутствия китайского и российского государства на дальневосточной границе остается значительным (85% высоких оценок против 60%).

Пятый блок анкеты был нацелен на выявление характера влияния трансграничных отношений на развитие РДВ. Данная часть опроса включала в себя два вопроса открытого типа, посвященные соответственно выгодам и угрозам, которые несут с собой отношения региона с китайским обществом.

Обработка анкет выявила 13 различных вариантов ответа на первый из вопросов пятого блока (*Какие выгоды, на Ваш взгляд, получает РДВ от трансграничных отношений с Китаем?*). Указанные варианты ответов были разделены между четырьмя более общими категориями выгод, соответствующими основным сферам трансграничного взаимодействия РДВ и Китая – экономической, социальной, культурной и политической¹.

Абсолютное большинство выгод, получаемых РДВ от трансграничных отношений с Китаем, исходя из результатов опроса, сосредоточены в экономической сфере (73,5% от всех полученных ответов). В рамках этой категории выгод наиболее часто упоминались получаемые из-за границы дешевые товары и услуги² (38,22% ответов) и дешевая рабочая сила (11,76%). Кроме того, в экономическую категорию были включены такие выгоды как (в порядке убывания частоты упоминаний): китайские инвестиции; возможность трудоустройства незанятых жителей региона; развитие сельского хозяйства; сбыт в Китай сырьевых товаров.

Значительно меньше выгод, по мнению экспертов, приносят РДВ отношения с Китаем в социальной сфере (17,64% от полученных ответов). При этом в категорию социальных выгод были включены такие ответы как: возможности предоставления и получения образовательных услуг (8,82% ответов); "удовлетворение социальных потребностей населения"; лечебный туризм.

В единственном случае (2,94% ответов) в ходе опроса были упомянуты политические выгоды от трансграничного взаимодействия сторон (ответ "геополитическая стабильность в регионе"). Ни один из участни-

¹ 5,96% ответов не удалось отнести ни к одной из категорий

² Дешевизна китайских товаров, до сих пор являющаяся условием выживания беднейших слоев населения РДВ, имеет, конечно, и свой социальный аспект.

ков опроса не дал на заданный вопрос ответа, который можно было бы отнести к категории культурных выгод.

Первичная группировка мнений экспертов по второму вопросу этого блока (*Какие угрозы для РДВ несет с собой, по Вашему мнению, трансграничное взаимодействие с Китаем?*) также выявила 13 различных вариантов ответа. Распределение этих ответов по четырем основным сферам трансграничных отношений РДВ и Китая дало следующую картину¹. Лидерами по уровню угроз, связанных с трансграничными отношениями, являются экономическая и социальная сферы (по 37% от всех полученных ответов). При этом, в экономической сфере наиболее часто упоминалась (25,9% ответов) угроза возникновения зависимости РДВ от китайской экономики (варианты: зависимость от поставок китайских товаров и услуг; от Китая как монопольного покупателя сырья). Среди других угроз, названных в этой категории (в порядке убывания), – неблагоприятное влияние трансграничных отношений на развитие дальневосточной промышленности (конкуренция со стороны китайских товаров) и разрыв экономических связей региона с Европейской Россией.

В социальной сфере чаще остальных экспертами отмечалась угроза неконтролируемой миграции из Китая (14,8% от всех ответов). В числе других угроз в этой категории (в порядке убывания упоминаний) – криминализация региона; нанесение ущерба его природной среде; распространение эпидемий; "нецивилизованный туризм".

В двух случаях (7,4% ответов) экспертами была указана связанная с трансграничными отношениями угроза политического характера – утрата суверенитета РФ над Дальним Востоком. Как и при ответе на первый вопрос пятого блока анкеты, ни один из опрошенных не назвал угроз культурного плана. Следует также отметить, что, по мнению некоторых исследователей (11,1% ответов), трансграничное взаимодействие РДВ с Китаем не несет с собой "никаких угроз".

Если сопоставить различные сферы трансграничных отношений с Китаем с точки зрения соотношения их долей в общих совокупностях получаемых РДВ выгод и угроз, то можно обнаружить ряд заслуживающих внимания особенностей. Так, экономическое взаимодействие РДВ и Китая, приносящее региону, по мнению экспертов, основную часть выгод (73,5% от всех названных), в структуре проникающих через границу угроз занимает значительно более скромное место (37% от всех названных опрошенными). Напротив, социальная сфера контактов воспринимается как "поставщик" в большей мере деструктивных (37% от всех названных угроз), нежели конструктивных (17,64% от всех названных выгод) факторов развития региона. Подобным же образом, скорее в негативном плане оценивается политическая составляющая двусторонних трансграничных отношений (7,4% угроз против 2,94% выгод), хотя полученных в рамках этой категории ответов, безусловно, слишком мало для того, чтобы делать какие-либо надежные заключения.

Последний, шестой, блок анкеты имел прикладной характер и был призван раскрыть представления экспертов о первоочередных задачах регулирования трансграничных отношений РДВ и Китая, сложившихся на сегодняшний день. Эта часть анкеты состояла из единственного вопроса открытого типа (*Существует ли, на Ваш взгляд, необходимость в изменении трансграничных отношений РДВ и Китая, сложившихся на сегодняшний день? Если она существует, назовите меры по регулированию этих отношений, которые должны быть реализованы в первую очередь?*).

Ответы на данный вопрос дали, согласившись тем самым с необходимостью изменения существующих отношений сторон, 80% опрошенных.

¹ 7,4% ответов не удалось отнести ни к одной из категорий.

При этом, спектр высказанных мнений оказался очень широким: в общей сложности было зафиксировано 18 вариантов ответа, большинство из которых были даны 1-2 экспертами. Основным, обеспечивающим наиболее полный охват этого разнообразия, способом группировки ответов было их распределение по предлагаемым объектам управленческого регулирования, т.е. по сферам трансграничных отношений. В результате такой группировки наибольшее число ответов "собрали" экономическая и социальная сферы отношений (по 30,96% от всех полученных).

Наиболее часто упоминавшимся ответом в экономической сфере оказалась такая мера (управленческая задача) как переход от снабжения КНР ресурсами к равным (варианты: взаимовыгодным; диверсифицированным; связанным с переработкой сырья) отношениям (13,76% от всех ответов). Кроме того, в этой категории были названы следующие меры: избегание экономических проектов, в которых Россия будет играть заведомо второстепенную роль; принятие закона о приграничной торговле; привлечение китайских инвестиций в дальневосточное производство; развитие экономики региона за счет российских инвесторов; создание правового и экономического климата для роста экономики.

Ведущей по числу упоминаний мерой в социальной сфере стал ответ "усиление миграционного контроля" (13,76% от всех ответов). Помимо нее в данной категории экспертами ставились следующие задачи: развитие цивилизованного туризма; увеличение русского населения региона; урегулирование работы пограничных пропускных пунктов; усиление контроля за качеством ввозимой продукции.

6,88% названных экспертами мер принадлежат к культурной сфере (ответ "усиление культурных связей"). К категории же мер, направленных на регулирование политических отношений между сторонами, ни одного из полученных ответов отнести не удалось.

Значительная часть ответов, данных на последний вопрос анкеты, может быть сгруппирована также по предлагаемым методам регулирования трансграничных отношений. С этой точки зрения, названные экспертами меры можно разделить на правовые (законодательные) и административные. В первую категорию (24,08% от всех полученных ответов) вошли такие ответы как: создание "правил игры" (правовой базы) для китайцев; принятие закона о правовом статусе приграничных территорий; принятие закона о приграничной торговле; подписание двустороннего плана регионального взаимодействия; создание правового климата для развития экономики. Во вторую категорию (20,64% ответов) были включены следующие меры: усиление миграционного контроля; урегулирование работы пограничных пропускных пунктов; усиление контроля за качеством ввозимой продукции.

Наконец, в полученной совокупности мнений можно выделить группу ответов, в которых опрошенные уделяют основное внимание субъекту регулирования трансграничных отношений. Согласно этим ответам (10,32% от всех полученных), активную роль в регулировании трансграничного взаимодействия с Китаем должны играть власти регионального уровня, которым необходимо предоставить дополнительные управленческие функции.

Как показывают результаты проведенного опроса, коллективные представления исследователем сообщества по изучаемому предмету в целом отличаются достаточно высокой степенью согласованности и определенности. За исключением ответов на два последние блока анкеты (вопросы которых наиболее "чувствительны" к ценностным предпочтениям участников опроса), разброс мнений опрашиваемых оказался относительно небольшим. Это позволяет уже в первом приближении зафиксировать некоторые основные контуры состояния и перспектив

трансграничных отношений РДВ и Китая, в том виде, в котором они отразились на момент опроса в сознании экспертов. В соответствии со структурой опросной анкеты содержательные итоги опроса можно представить в форме нескольких тезисов.

1. На сегодняшний день трансграничные отношения с Китаем принадлежат к наиболее высокозначимым из числа факторов, оказывающих влияние на развитие РДВ. При этом в долгосрочной перспективе относительный вес данного фактора в общей совокупности международных и внутренних условий развития региона будет только возрастать. Ни одна из стран-партнеров РДВ по трансграничным отношениям, по крайней мере, вплоть до 2020 г., не сможет оспорить ведущее положение, занимаемое в них Китаем. Вместе с тем, судя по ответам экспертов, вероятности определенной корректировки соотношения (а возможно, и порядка) рангов между остальными четырьмя трансграничными партнерами РДВ (Япония, РК, США и КНДР) в ближайшее десятилетие исключать нельзя. Изменения в их сравнительной значимости для дальневосточного региона, скорее всего, будут связаны с объединением двух корейских государств¹. Процесс их интеграции может иметь весьма сложный и драматический характер, что, вероятно, негативно отразится (в обозримой перспективе) на масштабах участия единого корейского государства в трансграничном взаимодействии с РДВ.

2. В трансграничные отношения с Китаем непосредственно включена весомая (10 – 15%) часть населения РДВ. При этом, относительное большинство в ней составляют наиболее экономически активные дальневосточники, представители различных прослоек регионального предпринимательства – от мелкого, индивидуального (в т.ч. "челночного") до крупного, корпоративного².

Как показывают результаты опроса, тесные отношения с китайской экономикой (под таковыми автором анкеты подразумевался самый широкий спектр связей – от продажи за рубеж своей продукции и использования китайской рабочей силы до высоко институализированных и интегрированных форм сотрудничества (например, в форме создания совместных предприятий)) в различной мере вовлечена большая часть отраслей экономики РДВ. Выявленное лидерство в данном взаимодействии таких отраслей как лесной комплекс, строительство и сельское хозяйство в очередной раз подтверждает, что в отношениях с соседним обществом РДВ выступает, прежде всего, в качестве поставщика таких факторов производства как сырьевые ресурсы и земля и потребителя избыточной для Китая рабочей силы.

3. Наиболее значительное место в составе трансграничных отношений РДВ и Китая с обеих сторон занимают торговые и туристические контакты. Причем, если с российской стороны ведущее положение в этом тандеме принадлежит туризму, то с китайской – торговле. Пересекающий границу поток трудовых мигрантов, по мнению экспертов, является почти исключительно однонаправленным, китайским. Результаты опроса отразили и такое сравнительно новое, изменившее в последнее десятилетие структуру российско-китайского трансграничного взаимодействия явление как рост его интенсивности в сфере образования, который особенно заметен со стороны Китая. Кроме того, в этом разделе опроса внимания читателей заслуживает еще один показатель – соотношение общего количества ответов экспертов на вопросы о сферах наиболее активного участия в трансграничных отношениях граждан КНР и жителей

¹ На эту возможность прямо указывал ряд участников опроса

² В последние годы фактором увеличения доли дальневосточных предпринимателей, ориентированных на связи с Китаем, стало введение по существу запретительных таможенных барьеров на пути автомобильной торговли с Японией.

РДВ. Больше число ответов, поступивших на вопрос о гражданах КНР (61 против 48), на мой взгляд, можно рассматривать как более высокую оценку опрошенными общего уровня активности соседей в двусторонних трансграничных отношениях в целом.

4. Управляемость трансграничными отношениями РДВ и Китая с китайской стороны, как на стратегическом, так и на оперативном уровнях значительно выше российской. Вместе с тем, на оперативном уровне, в сфере текущего пограничного, миграционного, таможенного контроля, этот разрыв между ними, по данным опроса, относительно менее велик. На мой взгляд, это во многом объясняется инерционностью в работе погранохранных и контрольных ведомств, которые сохраняют высокую степень организационной, кадровой и культурно-психологической преемственности со своими советскими предшественниками и прототипами. Наиболее же существенные и наименее конструктивные изменения в управлении функционированием российско-китайской границы в постсоветский период произошли в деятельности высших органов власти, ответственных за принятие важнейших, целеполагающих политико-идеологических решений.

5. Основные выгоды, получаемые РДВ от трансграничного взаимодействия с Китаем, сосредоточены в экономической сфере. При этом, как показывает опрос, основное место среди этих выгод занимают поступающие из-за рубежа *дешевые* товары и услуги, а также *дешевая* рабочая сила. Таким образом, относительная выгодность экономических отношений с Китаем в значительной мере обусловлена бедностью региона, низким уровнем доходов дальневосточников и скудостью региональных капиталов. Что же касается сопутствующих экономическим связям социальных процессов, то, существенно уступая экономике с точки зрения приносимых выгод, они представляют собой ничуть не меньший источник угроз. Подобное преобладание деструктивных проявлений взаимодействия сторон в социальной сфере, как мне представляется, можно объяснить двумя уже отмеченными выше взаимосвязанными факторами. Первый из них состоит в общем дефиците государственного регулирования трансграничных отношений РДВ, особенно ощутимом в такой высокозатратной и потому принципиально несаморегулируемой сфере как социальная. Второй заключается в непрямом, отложенном характере последствий социальных отношений, рационально управлять которыми можно лишь посредством долгосрочных, стратегических государственных программ.

6. Направленность предлагаемых участниками опроса мер по регулированию трансграничных отношений хорошо коррелирует с их ответами на вопросы пятого блока анкеты. Поскольку социальные отношения РДВ и Китая обладают не меньшим деструктивным потенциалом, чем экономические, они нуждаются в столь же активном управленческом вмешательстве со стороны российских властей. Если в экономической сфере действия государства должны быть нацелены в первую очередь на вывод региона из состояния ведомого и недоиспользующего свои возможности младшего партнера, "сырьевого придатка" богатого и активного соседа, то в социальной области наиболее актуальной задачей, по мнению экспертов, является усиление контроля за притоком на РДВ китайских мигрантов.

При выборе методов регулирования трансграничных отношений эксперты в целом делают больший акцент на расширении и специализации законодательной базы российско-китайского взаимодействия. Подобные предпочтения, судя по всему, связаны с ранее зафиксированным представлением участников опроса о том, что управляемость трансграничными отношениями с российской стороны особенно слаба на страте-

гическом уровне. Иными словами, в этом можно видеть признание того, что никакие, сколь угодно жесткие меры оперативного контроля на границе (сами по себе, возможно, совсем не лишние) не могут заменить рассчитанного на длительную перспективу комплекса норм, определяющих меру и формы иностранного присутствия во всех сферах общественной системы региона. Однако создать такой правовой комплекс государство, в лице центральных и региональных властей, может, лишь имея четкий и обоснованный проект того РДВ, который оно желало бы получить в будущем.

Литература

1. Адаптация этнических мигрантов Приморья в XX в. Владивосток: ДВО РАН, 2000. 206 с.
2. Алепко А.В. Государственная политика и международные экономические отношения на Дальнем Востоке (конец XVIII в. – 1917). Хабаровск: Изд-во ТоГУ, 2006. 393 с.
3. Бакланов П.Я., Романов М.Т. Экономико-географическое и геополитическое положение Тихоокеанского региона России. Владивосток: Дальнаука, 2009. 168 с.
4. Безруков И.С. Горбенкова Е.В. Перспективы использования азиатской рабочей силы в экономике Дальнего Востока России. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2006. 208 с.
5. Бурлаков В.А. Проект "Туманган" и игра геополитических интересов в Северо-Восточной Азии в 90-е XX в. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2007. 224 с.
6. Ващук А.С., Чернолуцкая Е.Н., Королева В.А., Дудченко Г.Б., Герасимова Л.А. Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке. Владивосток: ДВО РАН, 2002. 228 с.
7. Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы: Этномиграционные процессы на Дальнем Востоке. Благовещенск: Амурский гос. ун-т. 2009. 412 с.
8. Залеская О.В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917 – 1938 гг.). Владивосток: Дальнаука, 2009. 381 с.
9. Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона: Российско-китайские отношения на рубеже XX – XXI вв. Владивосток: Дальнаука, 2006. 424 с.
10. Нестерова Е.И. Русская администрация и китайские мигранты на юге Дальнего Востока. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2004. 370 с.
11. Петров А.И. Корейская диаспора на Дальнем Востоке. 60–90-е годы XIX в. Владивосток: ДВО РАН, 2000. 304 с.
12. Позняк Т.З. Иностранцы подданные в городах Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX в.). Владивосток: Дальнаука, 2004. 316 с.
13. Татценко К.В. Тенденции экономического взаимодействия Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая. Владивосток: Дальнаука, 2006. 216 с.
14. Тимофеев О.А. Российско-китайские отношения в Приамурье (сер. XIX – нач. XX вв.). Благовещенск: Изд-во Благовещенского пед. ин-та, 2003. 302 с.

УДК 001

Литошенко Д.А.

**Состояние регионоведческих исследований
на юге Дальнего Востока России
к концу первого десятилетия XXI в.***

**Status of regional researches in the south of the Far East Russia
by the end of the first decade of XXI century**

Статья посвящена комплексному изучению состояния регионоведческих исследований на юге российского Дальнего Востока к концу первого десятилетия XXI в. Особое место в статье уделено субъектам поля регионоведческих исследований. Используется оригинальная методика науковедческого изучения регионоведческих исследований как специфической научной специализации, сферы научно-производственной и научно-педагогической деятельности, а также профессиональной идентичности.

Ключевые слова: науковедение, российский Дальний Восток, регионоведческие исследования, научное сообщество

The article is devoted to complex studying of a condition of regional researches in the south of the Russian Far East by the end of the first decade of the XXI century. Special place is given to subjects of a field of regional researches. In the article the original technique of studying regional researches as specific scientific specialization, sphere of research-and-production and scientific and pedagogical activity, and also professional identity is realized.

Key words: *study of science, the Russian Far East, regional researches, scientific community*

В первой части данной статьи для рассмотрения состояния регионоведческих исследований на юге Дальнего Востока России к концу

¹ Продолжение. Начало см.: Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2010. № 1 (12). С. 100-109.

первого десятилетия XXI века была предложена программа исследовательских действий, содержащая восемь этапов. В соответствии с предложенной программой намечалось рассмотреть семь критических измерений или срезов проблемного поля регионоведческих исследований на юге Дальнего Востока России. На страницах первой части статьи было рассмотрено только одно критическое измерение проблемного поля регионоведческих исследований, связанное с содержанием массива защищенных диссертационных исследований регионоведческой тематики. Львиную долю объема текста опубликованной части данной статьи заняла разметка проблемного поля регионоведческих исследований в заданных географических и хронологических координатах, что позволило сформировать представление об актуальном состоянии структурной организации этого научного поля, облегчающее ориентацию в его внутреннем пространстве и оценку экспертных возможностей его основных субъектов [7, с. 104].

В силу изложенного, весьма закономерным представляется то, что на страницах второй части настоящей статьи мы предполагаем продолжить реализацию намеченной ранее исследовательской программы. В рамках этой статьи нами будут рассмотрены, соответственно, два критических измерения: 1) регионоведческие публикации на страницах научно-теоретического журнала "Ойкумена. Регионоведческие исследования"; 2) результаты опроса представителей регионоведческого исследовательского сообщества. В силу указанных обстоятельств, вторая часть статьи о состоянии регионоведческих исследований на юге российского Дальнего Востока к концу первого десятилетия XXI в. будет носить несколько "домашний", камеральный характер, так как информационная база лежащего в ее основе исследования является непосредственным результатом функционирования журнала "Ойкумена. Регионоведческие исследования".

Критическое измерение:

регионоведческие публикации на страницах научно-теоретического журнала "Ойкумена. Регионоведческие исследования".

В уже кажущемся далеким 2006 г. редколлегией научно-теоретического тогда еще альманаха "Ойкумена. Регионоведческие исследования" была сформулирована цель данного научного периодического издания, которая заключалась в содействии "разработке методологии междисциплинарного синтеза знаний о региональных (социально-территориальных) системах, а также планированию и программированию на её основе дальнейших регионоведческих исследований" [2]. Для достижения столь амбициозной цели намечалось решение ряда задач, среди которых были такие как: 1) мониторинг и критическая оценка текущих публикаций и научной жизни регионоведческого сообщества (в первую очередь, в рамках российского Дальнего Востока); 2) организация дискуссии по теоретическим и методологическим проблемам регионоведения; 3) пропаганда идей и методологии междисциплинарного синтеза; 4) подготовка и доведение до научной аудитории программ фундаментальных и прикладных регионоведческих исследований и освещение результатов их выполнения [2]. Не будет преувеличением вести речь о том, что коллективными усилиями редакционной коллегии альманаха "Ойкумена. Регионоведческие исследования" была сформулирована его миссия, сохраняющая свою актуальность и директивный потенциал уже после перехода издания на более высокий уровень, связанный с осуществлением данного проекта в журнальном формате. В более пространной форме миссия издания изложена в ре-

дакционной статье, открывавшей первый выпуск научно-теоретического альманаха "Ойкумена. Регионоведческие исследования" в 2006 году [6]. С точки зрения нашего исследования представляется любопытным выяснить насколько реализована намеченная миссия за период существования данного периодического издания. Для поиска ответа на этот вопрос наиболее продуктивным будет обратиться к содержанию массива опубликованных за рассматриваемый период на страницах журнала материалов.

За период 2006 – первой половины 2010 гг. на страницах научно-теоретического альманаха/журнала "Ойкумена. Регионоведческие исследования" было опубликовано 171 материал, 141 из этого числа напечатаны в 2006-2009 годах [8, с. 146-154]. В большинстве своём это оригинальные, авторские научные статьи, научные сообщения и обзоры. В то же время, нельзя обойти вниманием досадное упущение, значительно искажающее панорамное видение опубликованных на страницах журнала работ. Дело в том, что при составлении "Указателя статей и материалов, опубликованных в журнале за 2006-2009 гг." из него абсолютно выпали вводные статьи редакторов больших специальных рубрик (а некоторые из них по объёму и содержанию не уступают статьям из основного массива рубрики), что уменьшило количество упомянутых в "Указателе..." статей на пять единиц.

В рассматриваемый период основное содержание очередных номеров периодического издания определялось постоянно действующими тематическими рубриками. До последнего номера журнала за 2008 г. их насчитывалось семь, с первого номера 2009 г. за счет разукрупнения число постоянных рубрик увеличилось до семнадцати. Помимо того, содержание некоторых номеров журнала задавалось экстраординарными тематическими рубриками, явившимися результатом инициатив авторов объединяемых данными рубриками статей и материалов.

Со второй половины 2008 г. в подходе к формированию содержания номеров журнала произошли изменения, заключающиеся в появлении больших специальных (инициативных) рубрик, посвященных либо отдельным регионам, либо крупной проблеме или аспекту бытования того или иного региона. В ближайших планах редакции издания претворение в жизнь еще одного новшества – малых специальных рубрик, главное отличие которых от больших специальных рубрик будет заключаться лишь в количестве объединяемых ими статей и материалов.

До настоящего времени очередные номера журнала содержали пять больших специальных рубрик, посвященных отдельным регионам: 1) США и Канада, 2) Океания, 3) Китай, 4) Япония [8, с. 146-147] и 5) Юго-Восточная Азия [3]. Помимо того, в двух очередных номерах журнала большие специальные рубрики были посвящены таким ключевым аспектам бытования региональных общностей как: 1) корейцы на российском Дальнем Востоке [8, с. 146] и 2) теневое измерение АТР [4]. Каждая из перечисленных рубрик объединяла не менее четырех статей. На этом фоне наиболее объемными оказались большие специальные рубрики, посвященные Океании, Китаю и Японии. Все это позволяет усматривать объективное существование проблемных областей, устойчиво притягивающих к себе интерес исследователей. Именно внутри этих областей тяготения происходит дальнейшая фокусировка внимания исследователей на более частных, конкретных вопросах и аспектах.

Рассмотрим, каким образом распределяются материалы, опубликованные на страницах номеров научно-теоретического альманаха/журнала "Ойкумена. Регионоведческие исследования", по постоянно действующим рубрикам этого издания. Так, например, в постоянно действующей тематической рубрике "Теория и методология регионоведческих иссле-

дований" опубликовано 7 статей [8, с. 147]. Наибольшее количество опубликованных в этой рубрике статей приходится на период второй половины 2006 – начала 2007 гг. Тот факт, что без малого 4 % от общего числа опубликованных к настоящему времени на страницах журнала статей принадлежат области теории и методологии регионоведения, свидетельствует о ведущейся работе в направлении приобретения регионоведческими исследованиями статуса самостоятельной отрасли научного знания, хотя, на сегодня, эта работа все еще далека от завершения.

Наиболее масштабной, в плане широты охватываемого проблемно-тематического поля, выступает постоянно действующая рубрика "Регион в ракурсе предметного анализа: структуры и процессы". Начиная с первого номера журнала за 2009 г. входившие первоначально в ее состав предметные подразубрики были выделены в самостоятельные рубрики. Поэтому, наиболее продуктивным шагом будет рассматривать весь массив опубликованных в этой метарубрике статей путем его предметной сегментации. Так, в предметной рубрике "Природопользование и экономика" опубликовано 8 статей, временем наиболее активным и продуктивным функционирования этой рубрики следует признать 2007 г. Предметная рубрика "Социальные и демографические структуры" вместила в себя массив из 18 статей, наибольшая активность авторов в этой рубрике наблюдалась в 2007-2008 гг., когда были опубликованы 16 статей, принадлежащих рубрике. В рамках предметной рубрики "Культурные и идеологические факторы регионализации" опубликовано 20 статей. Авторская активность в этой рубрике изменяется по нарастающей: от 4 статей в 2007 г. – до 8 статей в 2009 г. В двух номерах журнала за 2010 г. рубрика представлена 3 статьями. Предметная рубрика "Политические отношения и управление регионом" представлена 15 статьями, 3 из которых были опубликованы в номерах журнала, вышедших в свет в первой половине 2010 г. Отличительной особенностью данной рубрики выступает устойчивая динамика авторской активности с момента ее возникновения в 2006 г. и до настоящего времени.

В общей сложности в предметных рубриках метарубрики "Регион в ракурсе предметного анализа: структуры и процессы" опубликованы 61 статья и материал, что составляет более 35 % от совокупного объема содержания всех номеров издания. Зафиксированный показатель представляется весьма красноречивым, так как свидетельствует о характере проводимых авторами журнала регионоведческих исследований, в которых регион предстает, главным образом, в качестве объекта предметного анализа.

Одной из постоянных по своему статусу рубрик журнала, которая, правда, до сих пор фигурировала на его страницах лишь единожды, является рубрика "Событие". В рамках этой рубрики опубликованы 4 материала, все во второй половине 2008 г. Подобного рода всплеск активности объясняется тем, что материалы этой рубрики, в смысловом отношении, тяготеют к такому значимому для региона событию как смена администрации США и его последствиям [8, с. 151].

В постоянно действующей тематической рубрике "Мировая система и межрегиональные отношения" опубликовано 15 статей, из которых 2 вышли в свет уже в первой половине 2010 г. Наибольшего подъема авторская активность в этой рубрике достигла в 2009 г., когда в четырех номерах журнала, в совокупности, было опубликовано 8 статей. Общий вклад постоянно действующей тематической рубрики "Мировая система и межрегиональные отношения" в массив опубликованных в журнале статей и материалов составляет немногим более 9 %. Вклад исследователей, специализирующихся в области международных отношений, в содержание номеров журнала "Ойкумена. Регионоведческие исследова-

ния" можно охарактеризовать, одновременно, как заметный, и, в то же время, весьма закономерный.

Постоянно действующая рубрика "Междисциплинарные и системные исследования региона" представлена всего 3 статьями, что составляет 1,7 % от общего массива публикаций на страницах журнала. Особая авторская активность в этой рубрике пришлась на 2006 г., т.е. на самое начало еще "альманаховского" периода истории данного издания. Обращает на себя и персональный состав авторов статей, опубликованных в рубрике – все они члены редколлегии журнала. Исходя из имеющихся данных, можно сделать выводы о том, что междисциплинарные и системные исследования являются "слабым звеном" дальневосточного регионоведения, но рассматриваемое научное периодическое издание активным образом способствует развитию данного аспекта регионоведческих исследований, путем пропаганды идей и методологии междисциплинарного синтеза, тем самым, действуя в фарватере своей заявленной миссии [2].

Одинаковые показатели продемонстрировали две постоянно действующие тематические рубрики журнала: "Аналитика" и "Науковедение". В указанных рубриках были опубликованы по 2 статьи (1,14 %), каждая вторая из которых вышла в свет уже в 2010 г. Авторский коллектив рубрики также представлен членами редколлегии журнала. Скромные показатели данных рубрик, отчасти, могут быть объяснены сравнительно недавним (в 2009 г.) их появлением в структуре журнала.

Постоянно действующая рубрика "Прагматика" представлена 10 статьями и материалами (5,68 %), 1 статья из этого числа была опубликована уже в 2010 г. Наибольшая активность авторов в рамках данной рубрики пришлась на 2008 г., когда были опубликованы 5 статей и материалов [8, с. 152].

В постоянной рубрике "Научные сообщения" было опубликовано 8 материалов (4,54 %), 2 из числа которых изданы уже в 2010 г. Наибольшая авторская активность в рубрике пришлась на 2009 г., когда были опубликованы 5 материалов.

Аутсайдерскую позицию занимает постоянно действующая рубрика "Регион в документах и свидетельствах", в которой была опубликована всего 1 статья (0,57 %) и произошло это еще в 2006 г. Стоит отметить, что интеллектуальная жизнь в этой рубрике теплится исключительно благодаря усилиям членов редколлегии журнала [8, с. 153].

В постоянно действующей рубрике "Рецензии и обзоры" было опубликовано 4 материала (2,27 %), 2 из которых увидели свет уже в 2010 г. На этом фоне вызывают заслуженное уважение показатели, продемонстрированные постоянно действующей рубрикой "Научная жизнь". В этой рубрике опубликовано 17 очерков, статей и иных информационно-аналитических материалов (9,66 %), 2 из числа которых вышли в свет уже в 2010 г. Таким образом, можно сделать обоснованный вывод о том, что мониторинг и критическая оценка научной жизни регионоведческого сообщества российского Дальнего Востока осуществляется научно-теоретическим журналом "Ойкумена. Регионоведческие исследования" на постоянной основе, систематически и весьма эффективно, что, опять же, лежит в русле заявленной изданием миссии.

Итак, предпринятый нами анализ массива публикаций в журнале "Ойкумена. Регионоведческие исследования", пусть он и был сосредоточен в основном на выявлении ряда количественных показателей, тем не менее, позволил сформировать с достаточной степенью полноты картину состояния регионоведческих исследований на юге российского Дальнего Востока, в той мере, в какой она нашла отражение на страницах рассматриваемого периодического издания. Иными словами,

научно-теоретический журнал "Ойкумена: Регионоведческие исследования" выступает своеобразным зеркалом состояния регионоведческих исследований. Кроме того, журнал последовательно, несмотря ни на что, претворяет в жизнь декларированную миссию, среди приоритетов которой не только качественное развитие регионоведческих исследований, но и формирование устойчивого научного сообщества регионоведов юга российского Дальнего Востока. Остается лишь пожелать журналу успехов и верности взятому на себя служению.

*Критическое измерение:
результаты опроса представителей регионоведческого
исследовательского сообщества.*

В начале 2009 г. редакция научно-теоретического журнала "Ойкумена. Регионоведческие исследования" организовала проведение анкетного опроса представителей научного сообщества регионоведов российского Дальнего Востока. Труд по подведению предварительных итогов данного исследования и первичной интерпретации данных взял на себя главный инициатор и руководитель этого научного проекта А.А. Киреев, которым была подготовлена и опубликована статья, содержащая в себе результаты его интеллектуальных усилий в этом направлении [5, с. 133-140].

Рассматривая опыт проведения подобного рода опроса как некое "шурфование", рекогносцировку пространства самоосмысления регионоведов юга российского Дальнего Востока, следует признать его высокую значимость для получения некоторого, пусть и весьма предварительного, эскизно-схематического, но, все же, портрета дальневосточного регионоведения, созданного благодаря "взгляду изнутри" сообщества ученых, идентифицирующих себя с соответствующей исследовательской специализацией. В то же время, следует предостеречь от слепого доверия и рецидивов не критического отношения, как к результатам, так и к инструментарию проведенного исследования. В современном обществоведении, а науковедческое изучение регионоведения юга российского Дальнего Востока, в этом отношении, не является исключением, распространена страсть к использованию опросных методик сбора информации о различных явлениях и сторонах общественной жизни и, соответственно, глубокая убежденность в высокой степени достоверности получаемых при их использовании демокопических данных. Собственный исследовательский опыт убеждает нас в том, что докса любого сообщества, особенно интеллектуального, вовсе не тождественна эпистеме в рамках его дискурсивных практик, извлечение смыслов из которых осложнено склонностью интеллектуальных сообществ к самопроизвольному конструированию социальной реальности при помощи арсенала средств социального инжиниринга. Иными словами, сообщество регионоведов юга российского Дальнего Востока, в процессе участия в опросе, бросая взгляд на себя изнутри себя самого, пытается показаться таким, каким оно хотело, чтобы его видели, а не таким, каково оно есть в действительности. В этом можно усматривать попытку экстерииоризации, проецирования во вне некоего принимаемого и разделяемого всем сообществом коммунитарного образа. Автору этих строк, в процессе проведения опроса, с учетом возможности анонимного заполнения анкеты, приходилось наблюдать, как респонденты, получая анкету в руки, тут же принимали позу (доксический статус) "мудрого эксперта", что накладывало значительный искажающий отпечаток на фиксируемый ими в своих ответах слепок социокультурной реальности.

Итак, какое же впечатление хотело бы производить, т.е. каким хо-

тело бы казаться, не будучи, что очень вероятно, таковым на самом деле, научное сообщество регионоведов юга российского Дальнего Востока? Для построения подобного коллективного панорамного автопортрета воспользуемся приемом извлечения из массива обработанных данных сведений по трем ключевым позициям: а) наиболее выдающийся показатель по параметру; б) средний показатель по параметру; в) наименьший показатель по параметру. Обозначенные позиции, в свою очередь, будут соответствовать наиболее желаемому, объективно возможному, и наименее привлекательному положению дел.

Здесь же, упреждая возможное недоумение особо критически настроенных вероятных читателей данного опуса, хотелось бы оговориться, что благодаря артикулированным Э. Берном закономерностям устойчивого бытования групп: 1) исторической преемственности организационной структуры; и 2) независимости изменений индивидуальной структуры от остающейся относительно неизменной организационной структуры; представляется возможным полагать тождественными такие понятия как "представители сообщества", "совокупность представителей сообщества" и "сообщество" [1, с. 19-20]. Поэтому в рамках дальнейших рассуждений о характеристиках научного сообщества регионоведов юга российского Дальнего Востока, извлеченных из результатов опроса, соответствующие понятия будут использоваться как синонимичные.

В первую очередь, представители научного сообщества регионоведов юга российского Дальнего Востока очень хотели бы производить впечатление имеющих идентификацию с определенной междисциплинарной отраслью знания, но амбиции сообщества вполне удовлетворило бы признание за регионведением статуса самостоятельной социогуманитарной дисциплины. Отсутствие же у регионведения самостоятельного статуса воспринимается научным сообществом регионоведов как наименее приемлемая, и более того, чреватая и тревожная альтернатива [5, с. 134].

Далее, научному сообществу регионоведов юга российского Дальнего Востока очень импонировало бы, если бы регионведческая научная специализация определялась, в широком смысле, тематикой научных работ исследователя, так как узкий диссертационный фактор, в отсутствие ассоциирующихся с регионведением специальностей научных и научно-педагогических работников, а также отраслей науки, представляется весьма и весьма ненадежным. Безусловным наследием "эпохи безудержного экспериментирования в сфере высшего профессионального образования" последнего десятилетия XX в., когда регионоведов всех мастей стремились готовить во всякой *Alma mater*, следует признать желание рассматриваемого научного сообщества, чтобы регионведческая специализация виделась как результат полученного высшего профессионального образования. Хотя научному сообществу регионоведов юга российского Дальнего Востока, все же, приходится признавать, что происхождение регионведческой научной специализации будет связываться с географией территории проживания и работы его представителей. Самым непопулярным представляется ожидаемое видение регионведческой научной специализации в страдательном залоге – в силу исполнения служебных обязанностей. Образ "регионоведа по должности", видимо, в сознании научного сообщества регионоведов юга российского Дальнего Востока представляется жалким, а может быть даже и оскорбительным [5, с. 134].

Научному сообществу регионоведов юга российского Дальнего Востока крайне льстило бы, если бы принадлежность к нему определялась главным образом предметной исследовательской специализацией, что объясняется привлекательностью одновременного членства в рядах не-

скольких научных сообществ, позволяющего черпать символическую и коммунитарную легитимацию из нескольких независимых друг от друга источников. В то же время, идентификация себя с научным сообществом регионоведов исключительно на основании определения исследовательской специализации в соответствии с территориальным признаком представляется малопривлекательной и для самого сообщества, и в широком контексте общественного сознания [5, с. 134].

Совершенно закономерным представляется декларируемое научным сообществом регионоведов юга российского Дальнего Востока представление о наибольшем развитии исторического направления регионоведческих исследований. На этом фоне средним уровнем с позиций сообщества должны отличаться социологическое и политологическое направление. Весьма же низким уровнем развития, в восприятии внешних наблюдателей, должны отличаться культурологическое направление и исследования миграционных процессов в регионе [5, с. 134-135]. Последнее представляется попыткой сообществ культурологов, антропологов (этнографов), этнополологов и др., пусть и в негативном ключе, наметить опорные точки дальнейшего развития их исследований под эгидой регионоведения.

Весьма показательными оказываются путаница и смысловые наложения, возникшие при определении представителями научного сообщества регионоведов юга российского Дальнего Востока перечня теоретических и прикладных проблем дальневосточного регионоведения, требующих приоритетных усилий и финансирования [5, с. 135-136]. Смысл произошедшей неразберихи сводится к искренней попытке рассматриваемого сообщества еще раз декларировать собственную полезность и значимость для решения задач развития региона Дальнего Востока России, что выразилось в высокой степени идентичности между проблемами, вошедшими в оба перечня.

Отрадно наблюдать почин двух третей научного сообщества регионоведов юга российского Дальнего Востока манифестировать благоприятную для собственного коллективного реноме позицию по вопросу о перспективах применения парадигм и методологических подходов в социогуманитарных исследованиях дальневосточного региона [5, с. 136]. Наиболее популярным оказался системный подход, в свою очередь, компаративный подход следует признать методологической позицией, отличающейся средним уровнем популярности. На этом фоне особенно обнадеживающим, с нашей точки зрения, выглядит то, что цивилизационный подход занял второе по популярности место в среди представителей научного сообщества регионоведов юга российского Дальнего Востока. Теории среднего уровня, междисциплинарный и антропологический подходы, напротив, позиционируются в качестве парадигмально-методологических платформ, пользующихся наименьшей популярностью среди представителей рассматриваемого сообщества.

Осмысление финансовой стороны функционирования научного сообщества регионоведов юга российского Дальнего Востока, в целом, отличается оптимизмом и консервативностью. Большинство (без малого 3/4) представителей рассматриваемого сообщества в разной степени демонстрируют удовлетворенность финансированием регионоведческих исследований, но ратуют за решающую роль государства в их финансировании [5, с. 137]. Наименее перспективными и, видимо, в минимальной степени возможными признаются такие источники финансирования как региональные и муниципальные бюджеты, другие источники. Подобного рода позиция представляется весьма закономерной в контексте коллективного и индивидуального опыта представителей сообщества регионоведов юга российского Дальнего Востока, подталкивающего

их с настороженностью относится к получению денег за проведение исследований, имеющих своим итогом получение конкретного результата, призванного обеспечить решение реальных проблем на региональном и местном уровнях, что диссонирует с привычными (особенно для историков-регионоведов) рассуждениями "с высоты птичьего полета", а то и с позиции орбитального наблюдателя в макросоциологическом, макроэкономическом, макросистемном ключе.

Представители научного сообщества регионоведов юга российского Дальнего Востока оценивают уровень развития "поддерживающей" инфраструктуры регионоведческих исследований как адекватный стоящими перед ней задачам. В то же время отмечаются некоторые издержки организационного порядка и несовершенство материально-технической и информационно-технологической базы регионоведческих исследований. К наименее приемлемым для научного сообщества регионоведов относятся такие негативные реалии как закрытость, недостаток общения ученых и низкий уровень научных кадров, что весьма неудивительно, так как перечисленные черты наносят ощутимый вред коммунистическому имиджу.

Свою новейшую историю (на протяжении последних 10 лет) научное сообщество регионоведов юга российского Дальнего Востока оценивает в позитивном ключе. Наибольшей поддержкой пользуется точка зрения, согласно которой за этот период наблюдается рост количества проводимых исследований. Средний показатель популярности демонстрирует точка зрения о количественной стабилизации регионоведческих исследований. Количественные изменения регионоведческих исследований на протяжении последнего десятилетия происходили на фоне и в тесной взаимосвязи с их качественными трансформациями, оценки которых полярны (в диапазоне от роста качества – до снижения качества). При этом крайние позиции пользуются одинаковой поддержкой. В данной ситуации, по всей вероятности, следует усматривать незаконченность процесса формирования четких оценочных позиций и влияние эффекта абберации близости (опять же тяжелое наследие происхождения дальневосточного регионоведения из лона исторической науки), затрудняющих полноценную рефлексию содержания настоящего и недавнего прошлого регионоведческих исследований.

Каковым же должно быть резюме размышлений о результатах анкетного опроса представителей научного сообщества регионоведов юга российского Дальнего Востока? С полной уверенностью можно утверждать только то, что полученные результаты и предпринятые их интерпретации носят, главным образом, инструментальный характер. Они выражают либо точку зрения представителей рассматриваемого сообщества, либо желательное (вероятное), по мнению сообщества, представление о нем общественности. В первом случае мы имеем дело с проекцией коммунистического сознания, во втором – с пожеланиями/ожиданиями по содержанию подобного рода проекции. Миг их бытования и актуальности краток. В инструментальном же ключе полученные результаты и интерпретации позволяют прогнозировать и объяснять постфактум (что делать получается гораздо лучше, и в этом еще одно наследие исторического происхождения) поведение как всего научного сообщества регионоведов юга российского Дальнего Востока в целом, так и его отдельных представителей в конкретных ситуациях и при соответствующих обстоятельствах.

Окончание следует

Литература

1. Берн, Э. Структура и динамика организаций и групп / Э. Берн; пер. с англ. Мн.: "Попурри", 2006. 352 с.
2. Журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования". [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ojkum.ru> [Дата обращения: 29 июля 2010 г.].
3. Журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования". 2010. № 1 [Электронный ресурс]. URL: http://www.ojkum.ru/arc/2010_01/index.html [Дата обращения: 30 июля 2010 г.].
4. Журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования". 2010. № 2 [Электронный ресурс]. URL: http://www.ojkum.ru/arc/2010_02/index.html [Дата обращения: 30 июля 2010 г.].
5. Киреев, А.А. К вопросу о состоянии регионоведческих исследований российского Дальнего Востока: результаты анкетного опроса / А.А. Киреев // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2009. № 1 (8). С. 133-140.
6. К читателям // "Ойкумена. Регионоведческие исследования". [Электронный ресурс]. URL: http://www.ojkum.ru/2006_01_01.htm [Дата обращения: 29 июля 2010 г.].
7. Литошенко, Д.А. Состояние регионоведческих исследований на юге Дальнего Востока России к концу первого десятилетия XXI в. (начало) / Д.А. Литошенко // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2010. № 1 (12). С. 100-109.
8. Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале за 2006-2009 гг. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2009. № 4 (11). С. 146-154.

УДК 37.02

Ковылина Е.В.

Применение ролевой игры при обучении корейскому языку как второму иностранному

The use of role-play in teaching Korean as a second foreign language

В данной статье описывается применение ролевой игры при обучении корейскому языку. Представленная методика может быть использована при обучении корейскому языку в вузе.

Ключевые слова: *методика проведения, ролевая игра, корейский язык, преподавание иностранных языков.*

In the article methods of the role play for the Korean language teaching are described. It can be used at teaching Korean language in high school.

Key words: *methods of teaching, role play, the Korean language, teaching of foreign languages*

При изучении корейского языка как второго иностранного, программой не предусмотрено наличие курса по культуре страны изучаемого языка, поэтому необходимо эффективное средство, которое служило бы обучению не только корейскому языку как таковому, но и основам культуры. Таким средством, несомненно, является ролевая игра. Ролевая игра – это не только эффективный инструмент обучения общению, развития таких навыков как аудирование, говорение (в процессе проведения игры), чтение и письмо (при подготовке к игре), но и действенный метод ознакомления с культурным контекстом изучаемого языка.

Являясь лучшим способом активизации уже пройденного материала и стимулирования мотивации в познании нового в учебном процессе, ролевая игра представляет собой ситуативно-речевое групповое упражнение по реализации речевых навыков в условиях, имитирующих реальность [6, с. 123]. Игра рассматривается как одна из основных ин-

терапевтических форм учебной деятельности студентов. В учебной игре сочетаются два разных принципа обучения: принцип моделирования реальной речевой ситуации и принцип проблемности. В учебной ролевой игре процесс решения задачи является поисковым, исследовательским. Задача учебной игры должна быть актуальной, для ее решения нужны базовые знания об обычаях и традициях, воображение и творческие способности студентов. Обучающиеся должны обладать достаточным уровнем владения навыками устной и письменной речи для решения данной речевой задачи, а также необходимыми знаниями о культуре Кореи, задача должна побуждать к использованию имеющихся знаний и поиску новых. Повторное проведение однотипных игр развивает у студентов необходимые навыки [4, с. 35].

Наиболее благоприятные условия для применения данных видов учебных ролевых игр – завершающий этап обучения, так как студенты по окончании изучения дисциплины уже обладают определенным уровнем знаний и умеют самостоятельно работать. Данные виды ролевых игр являются умеренно контролируруемыми, т.е. студентам даны исходные характеристики героев: имя, социальное положение, возраст, но характер и манеру поведения они могут придумать сами. В центре игрового моделирования оказывается построение игровой модели, которая одновременно воплощает наиболее характерные признаки и свойства реального речевого акта и наиболее полно отражает характерные особенности участников игры как собеседников [2, с. 87].

Деятельность преподавателя в учебной игре сводится к ее планированию, организации и помощи, если это необходимо. Цель игровой деятельности студентов триединая: получение знаний о культуре, обычаях и традициях и сравнение с родной культурой; успешное взаимодействие с другими; оценка себя в играемой роли [3, с. 56].

Ролевые игры являются необходимым средством обучения корейскому языку на неязыковых факультетах, особенно навыкам устной речи, с целью создания различных ситуаций общения, максимально приближенных к реальным, в которых студенты смогли бы использовать приобретенные знания, навыки и умения.

Поэтому для эффективного обучения корейскому языку были разработаны и внедрены в учебный процесс следующие игры: Корейская свадьба, Празднование Чхусок, Новый год по восточному календарю, Толь (празднование первого года с рождения ребенка), Хвангап (празднование 60-летия), устройство на работу, посещение буддийского храма, поход в горы. Выбор тем игр неслучаен. Проведение ролевых игр, посвященных культурной тематике вызвано повышением интереса студентов к культурным особенностям поведения в той или иной ситуации, правильности использования речевых клише.

Структуру ролевой игры можно представить следующим образом:

1) Подготовка игры

Подготовительный этап начинается с представления студентам информации о том или ином культурном событии (празднике и т.д.).

Руководитель игры (преподаватель):

- ◆ вводит информацию о том или ином культурном событии;
- ◆ распределяет роли;
- ◆ раздает карточки с указанием ролей или помогает в их распределении, а также отвечает на вопросы студентов.

Он может вводить всю установочную информацию устно, что потребует от студентов развитого навыка аудирования, либо письменно, что заставит их применять сформированные навыки чтения. Преподаватель может самостоятельно распределять роли с учетом психологических особенностей студентов и их языковой подготовки или предложить

студентам распределить роли самим. В зависимости от числа студентов в группе количество ролей может варьироваться.

Участники игры проводят самостоятельную подготовку к проведению игры (узнают особенности того или иного события, составляют высказывание по теме, продумывают возможные вопросы другим участникам и т. д.) В игре могут использоваться различные предметы и картинки или фотографии.

2) Цель игры

Цель этой игры, с одной стороны, дать возможность студентам применить сформированные навыки и умения говорения, слушания, письма и чтения, с другой – предоставить письменно дополнительную информацию экстралингвистического и культурного характера, которая поможет им справиться с подобными задачами в жизни. (Советы по выбору одежды для того или иного случая, как правильно вести себя в той или иной ситуации, приводятся возможные вопросы и т. д.) Этим определяется построение игры.

3) Регламент игры

Данная ролевая игра рассчитана на 1 аудиторный час.

4) Сценарий игры

- ◆ каждый участник представляется согласно своей роли;
- ◆ затем участники выражают свое мнение в отношении поставленной проблемы или задачи;
- ◆ участники интересуются мнением других по аспектам решения данной задачи;
- ◆ объявление общего мнения по данному вопросу, если таковое необходимо.

В группах с более высокой языковой подготовкой преподаватель не участвует в игре и оказывает помощь играющим только в случае необходимости. В группах со слабой подготовкой преподаватель может осуществлять полное или частичное ведение игры, избрав роль, не предусмотренную сценарием, – роль ведущего. При этом преподаватель фиксирует ошибки, допускаемые студентами, и исправляет те из них, которые препятствуют пониманию.

5) **Вспомогательные материалы и атрибуты** игры (оформление, карта, перестановка мебели) необходимо приготовить заранее.

6) Итоги игры

Разбор игры, осуществляемый преподавателем совместно со студентами. После этого преподаватель может организовать работу по исправлению типичных ошибок.

Команда участников игры может формироваться из студентов одной группы (если количество студентов в группе не превышает 15 человек) или группу можно разделить на две команды (если количество студентов в группе превышает 15 человек). Исходя из опыта, в команде превышающей 15 человек достаточно трудно поддерживать дисциплину на нужном уровне.

При подготовке к игре учителю, который будет проводить игру необходимо:

- 1) выбрать тему;
- 2) наметить проблему, решение которой должно быть найдено в игре;
- 3) создать условную ситуацию, которая имитирует жизненную;
- 4) определить роли, которые будут выполнять участники игры;
- 5) найти информацию, которой будут пользоваться участники игры;
- 6) разработать систему поощрений [1, с. 13].

В ходе подготовки игры целесообразно определить, какие знания,

умения, навыки понадобятся ее участникам, и подготовить их заранее или непосредственно перед игрой.

Во время игры необходимо содействовать общению участников, но так, чтобы дисциплина не нарушалась. При проведении игры также необходимо учитывать степень креативности той или иной группы. В некоторых группах есть так называемые "заводилы", которые не только активно участвуют в любой творческой деятельности, но и заражают своим интересом других студентов, что создает даже у малоактивных студентов творческий настрой и соответствующее настроение, что в свою очередь способствует более активному проведению ролевой игры. Преподаватель в свою очередь должен делать ставку на таких студентов и давать им наиболее сложные для исполнения, эмоциональные роли. Хотя также необходимо контролировать уровень эмоциональности студентов, так как ролевая игра, которая разыгрывается без эмоций, не достигает своей цели, а если игра проводится слишком эмоционально, то такую игру трудно контролировать.

После завершения игры проводится ее детальный разбор. Определяются и оцениваются решения, принятые в ходе игры. На разборе дается итоговая оценка результатам проведенной игры, оценивается степень овладения студентами тех или иных навыков. Сопоставляются результаты параллельно работающих команд, если таковые имеются. Выделяются и анализируются имевшиеся в игре ошибки, недостатки и упущения в действиях играющих.

Требования к организации ролевой игры:

1. Игра должна стимулировать мотивацию учения, вызывать у студента интерес и желание хорошо выполнить задание, ее следует проводить на основе ситуации, адекватной реальной ситуации общения.

2. Важно, чтобы обучающиеся были убеждены в необходимости хорошо исполнить ту или иную роль. Только при этом условии их речь будет естественной и убедительной.

3. Ролевая игра должна быть принята всей группой.

4. Она непременно проводится в доброжелательной, творческой атмосфере, вызывает чувство удовлетворения, радости. Чем свободнее чувствует себя студент в ролевой игре, тем инициативнее он будет в общении. Со временем у него появится чувство уверенности в своих силах, в том, что он может исполнять разные роли.

5. Игра организуется таким образом, чтобы обучающиеся могли в активном речевом общении с максимальной эффективностью использовать не только обрабатываемый языковой материал, но свое знание культуры страны изучаемого языка.

6. Организатор непременно верит в ролевую игру, в ее эффективность. Только при этом условии он сможет добиться хороших результатов.

7. Большую значимость приобретает умение организатора установить контакт [5, с. 191]. В процессе игры преподаватель иногда может взять себе какую-либо роль, но не главную, чтобы ненавязчиво направлять речевое общение в группе. Он помогает включению в нее студентов, пробуждает уверенность в своих силах. Обычно преподаватель берет себе роль лишь вначале, когда студенты еще не освоили данный вид работы. В дальнейшем необходимость в этом отпадает. В процессе игры сильные обучающиеся могут помогать слабым. В ходе игры преподаватель не исправляет ошибки, а лишь незаметно для обучающихся фиксирует их, чтобы обсудить наиболее типичные.

8. Ролевую игру нужно хорошо подготовить с точки зрения, как содержания, так и формы.

9. В игре должны принять участие все обучающиеся.

Перед тем, как планировать занятие преподаватель ставит перед собой цели, задачи, планирует свои действия и действия учащихся. Должны быть распределены роли; атрибуты игры (оформление, карта, перестановка мебели) приготовлены заранее.

10. Составляя план-сценарий занятия, необходимо спланировать и невербальное поведение, так как оно также имеет большое значение при коммуникации.

Одним из этапов организации ролевой игры является подготовка карточек с описанием персонажей, кратким описанием культурных событий, небольшой словарь корейской лексики по данной теме и описанием проблемной ситуации, которые необходимо решить в процессе проведения игры. Краткое описание того или иного культурного события включает в себя основные характеристики этого события. Также дается описание церемонии проведения данного события (например: свадьба, празднование Чхусок, восточный новый год, празднование Толь).

Словарь состоит из десяти – двадцати слов в зависимости от темы, которые могут помочь обучающимся при общении на данную тему, также дается два – три предложения по теме.

Действующие лица: в карточке обычно десять – пятнадцать действующих лиц. Есть главные действующие лица, которые обязательно должны быть в данной ролевой игре и есть второстепенные лица, но это не значит что "главные" будут много говорить и действовать, а "второстепенные" мало участвовать в игре. Это зависит только от активности самого участника игры. Если участников игры больше чем описанных действующих лиц, то в этом случае можно просто добавить несколько участников. Студенты сами могут придумать себе персонаж. В данных ролевых играх мы, как правило, даем только имя и статус персонажа, а его характер и стиль поведения студенты должны придумать сами.

Подготовка различных игр имеет свои специфические особенности. К примеру, при подготовке к ролевой игре "Корейская свадьба", "Восточный новый год", "Чхусок", необходимо взять корейские национальные костюмы – ханбок (если это возможно). Это нужно для создания особой атмосферы, погружающей студентов в культурное пространство Республики Корея. Также для некоторых игр потребуются вспомогательные предметы. К примеру, для ролевой игры "Обряд почитания предков" можно сделать из бумаги поминальную табличку – сиджу. Это можно поручить одному из активных студентов. По нашему мнению, все вспомогательные материалы по большей части должны быть сделаны самими студентами. Это не только экономит время преподавателя и переносит часть ответственности с преподавателя на студентов, но и в дальнейшем мотивирует обучающихся на дисциплинированное проведение ролевой игры.

Кроме подготовки вспомогательных материалов, иногда необходимо обучить студентов определенным действиям. Например, при подготовке к ролевой игре "Восточный новый год" необходимо показать, как совершается поклон младших членов семьи старшим.

Игры повышают эффективность вузовского обучения, и этим окупаются затраты сил, времени и средств на их проведение. Трудоемкость игрового обучения значительно выше традиционного, однако "выгода" перекрывает все затраты. Игра как форма проблемного обучения представляет собой надежное средство пробуждения интереса к культуре страны изучаемого языка и условие для продолжения студентами процесса познания самостоятельно, вне стен вуза. Игра есть также своеобразная практика, и нарабатываемый в ней опыт достаточно близок к реальному общению.

Таким образом, ролевая игра при обучении корейскому языку как

второму иностранному, воздействуя на студента, не заставляя, а вовлекая его в учебный процесс, дает возможность почувствовать свою причастность к другому миру. Происходит не пассивное, а активное восприятие информации, в процессе которого каждый участник, как бы проживая ту или иную культурную ситуацию, пропуская ее через себя, непременно меняется сам. Применение ролевой игры для обучения корейскому языку способствует осознанию обучающимися того, какую значимость имеет сохранение самобытности собственной культуры и ее обогащение на основе сравнения с иноязычной через понимание и взаимопонимание. Ведь осваивая каждый новый язык, человек расширяет не только свой кругозор, но и границы своего мировосприятия и мироощущения.

Литература

1. Дианова Л.К. Ролевая игра в обучении иностранным языкам // ИЯШ. – 1988. № 3. С. 12-16.
2. Игры – обучение, тренинг, досуг. Кн. 5: Педагогические игры/ Сост. Композиций игр Е.Г. Розановой/ Под редакцией В.В. Петрусинского. М.: ГЦ "ЭНГОФ", 1994. 136 с.
3. Кавтарадзе Д.Н. Обучение и игра: введение в активные методы обучения: Учеб. пособие для учителей / Акад. пед. и соц. наук. Моск. психол. – соц. ин-т. М.: Флинта, 1998. 191 с.
4. Лиивингстоун К. Ролевые игры в обучении иностранным языкам. М.: Высшая школа, 1988. 169 с.
5. Маслыко Е.А. Настольная книга преподавателя иностранного языка: Справочное пособие. 5-е изд., стереотипн. М.: Высшая школа, 1999. 522 с.
6. Пидкадистый П.И., Хайдаров Ж.С. Технология игры в обучении и развитии. М.: РГА, 1996. 289 с.

Караман В.Н.

**Первые владивостокцы
(рецензия на книгу: Первая метрическая книга города
Владивостока. Владивосток: ПГОМ, 2010. 106 с.)**

**The first citizens of Vladivostok
(The review of The first metric book of the city of Vladivostok. Vladivostok:
PSUM. 2010. 106 p.)**

Статья представляет собой рецензию на сборник документов: "Первая метрическая книга города Владивостока". В сборнике анализируется процесс формирования населения Владивостока.

Ключевые слова: *Владивосток, Россия, Азиатско-Тихоокеанский регион, метрические книги, клуб "Родовед"*

Article represents the review of the collection of documents: "the First metric book of the city of Vladivostok". In the collection of documents process of formation of the population of Vladivostok is analyzed.

Key words: *Vladivostok, Russia, Asian-Pacific region, metric books, club "Rodoved"*

В 2010 году Приморский Государственный объединенный музей имени В.К. Арсеньева совместно с клубом "Родовед" выпустили сборник "Первая метрическая книга города Владивостока". Хотя это издание следовало бы назвать "Сборник метрических книг юга Уссурийского края за 1863-1867 годы", что более точно отражает его суть. Но было выбрано то название, которое устоялось за этим сборником документов, хранящимся в фондах Приморского государственного музея им. В.К. Арсеньева¹. "Сборник метрических книг Владивостокской, Посыетской, Ханкайской и Ольгинской церквей за период с 1863 по 1867 г." был передан как дар

¹ ПГОМ им. В.К. Арсеньева. МПК 13918.

от ОАГС УНКВД Приморского края 25 декабря 1938 г.

Это первое издание метрических книг Владивостока начального периода его истории. К сожалению, сборник издан малым тиражом, не поступившим в продажу. Не имеет он и того полиграфического качества, которого эта книга достойна. Тем не менее, авторами проведена огромная работа по оцифровке книг, т.к. оригиналы – трудночитаемые листы с угасающим текстом. Все записи в метрических книгах были уточнены, устранены явные описки и неточности.

Книгу предваряет вступление, в котором со всей возможной детальностью реконструирован и описан путь, пройденный метрическими книгами. Скрупулезно восстановлен процесс регистрации рождений, свадеб и смертей первых владивостокцев. Метрические книги позволяют проследить географию заселения

Дальнего Востока. В предисловии дается небольшой, но очень информативный и емкий анализ демографической ситуации первых лет существования Владивостока и всего Южно-Уссурийского края.

В основной части издания воспроизведен текст записей первых метрических книг города Владивостока, хранящихся в фондах Приморского государственного музея им. В.К. Арсеньева.

В состав книги входят:

1. Метрическая книга, данная иеромонаху Мануилу из канцелярии Его Преосвященства для записи родившихся, бракосочетавшихся и умерших с 1863 года (с записями за 1863 и 1864 годы);

2. Метрическая книга, данная из Камчатской духовной консистории причту Владивостокской церкви на записку родившихся, браком сочетавшихся и умерших на 1865 год;

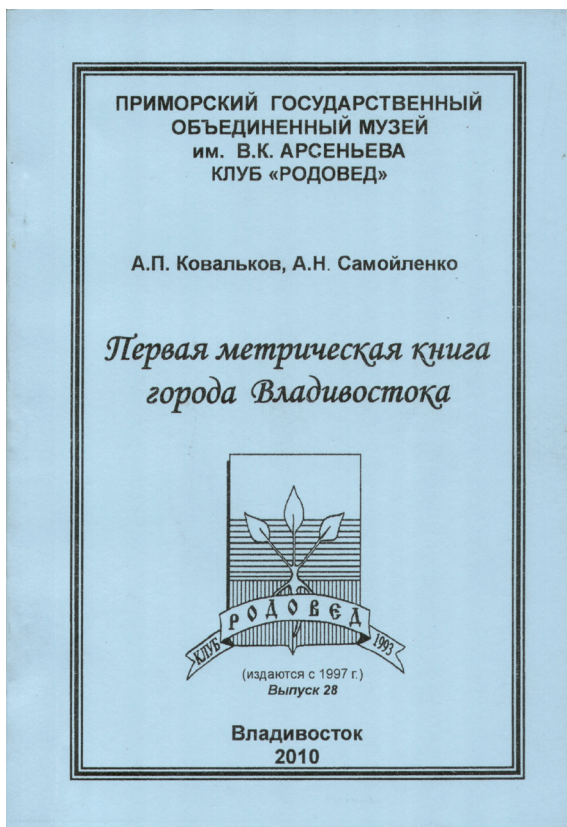
3. Метрическая книга, данная из Камчатской духовной консистории причту Владивостокской церкви на записку родившихся, бракосочетавшихся и умерших на 1866 год;

4. Метрическая книга, данная из Камчатской духовной консистории священнику Ханкайского прихода Прокопию Амвросову для записки родившихся, бракосочетавшихся и умерших на 1866 год;

5. Метрическая книга, данная из Камчатской духовной консистории Ольгинской церкви на записку родившихся, бракосочетавшихся и умерших на 1866 год;

6. Метрическая книга, данная из Камчатской духовной консистории священнику Ханкайского прихода Прокопию Амвросиеву для записки родившихся, бракосочетавшихся и умерших в 1867 году;

7. Метрическая книга, данная из Николаевского Духовного при-

хода причту Посьетской церкви на записку родившихся, бракосочетавшихся и умерших на 1867 год;

8. Метрическая книга, данная из Камчатской духовной консистории причту Владивостокской церкви на записку родившихся, бракосочетавшихся и умерших на 1867 год;

9. Метрическая книга, данная из Камчатской духовной консистории Ольгинской церкви на записку родившихся, бракосочетавшихся и умерших на 1867 год.

Книгу можно рассматривать как еще один серьезный шаг на пути воссоздания исторического прошлого Владивостока. Владивосток, пожалуй, один из немногих, если не единственный город, который к своему 150-летию успел приобрести такую значимость в мировой геополитике. Как никакой другой российский город, он стал центром геополитических интересов Азиатско-Тихоокеанского региона. Положение Владивостока действительно уникально. Одна только территориальная близость с ведущими экономическими центрами мира заставляет рассматривать Владивосток под особым углом зрения. С самого основания уже собственным именем он определил свое будущее. Владение Востоком действительно отражает геополитическую суть города¹.

То, что именно Владивосток в ближайшей перспективе станет геополитическим центром Азиатско-Тихоокеанского региона не вызывает сомнения. Стремительное перемещение экономического потенциала мира в АТР наглядно демонстрирует динамику геополитических процессов. К сожалению, это осознается не всеми, и что особенно печально, в России. Тем не менее, со временем на смену отжившим и мешающим развитию страны представлениям должны появиться новые, отвечающие коренным интересам России во все более глобализирующемся мире. В этом плане сборник документов о первых жителей Владивостока, несомненно, заслуживает углубленного и внимательного изучения не только как исторический памятник, но и как переходящий опыт предшествующих поколений, тем более что это поколение основателей Владивостока.

Один из авторов книги, – *Аркадий Петрович Ковальков*, с которым мне довелось проработать несколько лет вместе в Приморском Государственном объединенном музее имени В.К. Арсеньева, не дожидаясь выхода книги в свет. Это был удивительной работоспособности и обаяния человек. Именно его усилиями была начата и доведена до логического конца работа над книгой.

Ковальков Аркадий Петрович родился 12 мая 1947 г. в поселке Ольга Приморского края. В 1969 г. он окончил физико-математический факультет Дальневосточного государственного университета. В 1969 – 1971 годы служил командиром взвода отдельной роты радиотехнических войск в г. Валге Эстонской ССР. Вернувшись в 1971 году во Владивосток, работал начальником механической лаборатории, лаборатории тепло-электроизмерений завода "Изумруд", начальником электроцеха, цеха контрольно-измерительных приборов, главным метрологом Владивостокского фарфорового завода, оператором теплового узла муниципального предприятия "Тепловые сети". В последние годы работал в Приморском объединенном музее им. В.К. Арсеньева. С 1998 года член клуба "Родовед". Вместе с членами клуба Аркадий Петрович занимался составлением родословных приморцев, а также реконструированием

¹ Достаточно привести несколько фактов иллюстрирующих, отношение к имени Владивостока: в 1856 году англичане назвали место будущего Владивостока "Port May". Японцы главным образом в период Мэйдзи (1868-1912) называли Владивосток "Урадзио" ("соляная бухта") В Китае до сих пор Владивосток предпочитают называть "Хайшэньвай", ("залив трепанга" или "Рыбацкая деревушка на берегу моря"). [1; 2, с. 14.]

географии заселения Дальнего Востока. Его усилиями издавались "Записки клуба "Родовед", в рамках 28-го выпуска которых и была издана "Первая метрическая книга города Владивостока".

Литература

1. Галенович Ю. Владивосток: стук в дверь. // Свободная мысль. № 1. 2010. С. 71-78.
2. Любавский А. Японцы в городе. // Владивосток CITY. 2010. № 3 С. 14-19.

Лукин А.Л.

**Китай и Восточная Азия: проблемы безопасности и
великодержавная идентичность.
(рецензия на книгу: Рекс Ли. Поднимающийся Китай
и безопасность в Восточной Азии: Конструирование
идентичности и стратегический дискурс.
Лондон: Рутледж, 2009. 297 с.)**

**China and East Asia: challenges of security and great-power identity.
(The review of Rex Li. A Rising China and Security in East Asia: Identity
construction and security discourse. London: Routledge, 2009. 297 p.)**

Статья представляет собой рецензию на монографию Рекса Ли "Поднимающийся Китай и безопасность в Восточной Азии". Анализируется процесс формирования идентичности Китая на международной арене через призму восприятия им трех других крупнейших игроков на региональной и мировой арене – США, Японии и России.

Ключевые слова: *Китай, США, Япония, Россия, Восточная Азия, великие державы, идентичность*

The article reviews Rex Li's monograph *A Rising China and Security in East Asia*. The main focus is on China's international identity construction through China's perception of the three other big players on the world and regional arenas – the US, Japan and Russia.

Key words: *China, US, Japan, Russia, East Asia, great powers, identity*

Когда речь идет о феномене "поднимающегося Китая", основное внимание обычно обращается на то, какие последствия китайский вызов несет для мировой политики и как на него должны реагировать другие центры силы. Гораздо меньше говорится о том, как сами китайцы видят международную систему, свое место в ней и отношения с ее ключевыми акторами. Монография британского ученого, профессора Университета John Moores в Ливерпуле Рекса Ли призвана восполнить этот дефицит.

Книга анализирует процесс формирования идентичности Китая на международной арене через призму восприятия им трех других стран – США, Японии и России. По мнению Рекса Ли, именно эти державы сейчас являются для КНР наиболее значимыми "Другими", в немалой степени вследствие того, что они оказывают большое влияние на ситуацию в самом важном для Китая регионе – Восточной Азии. Глубокое проникновение в китайский стратегический дискурс, затрагивающий эти страны, необходимо для понимания мотивов поведения Пекина и, следовательно, будет полезно для выработки политики в отношении КНР.

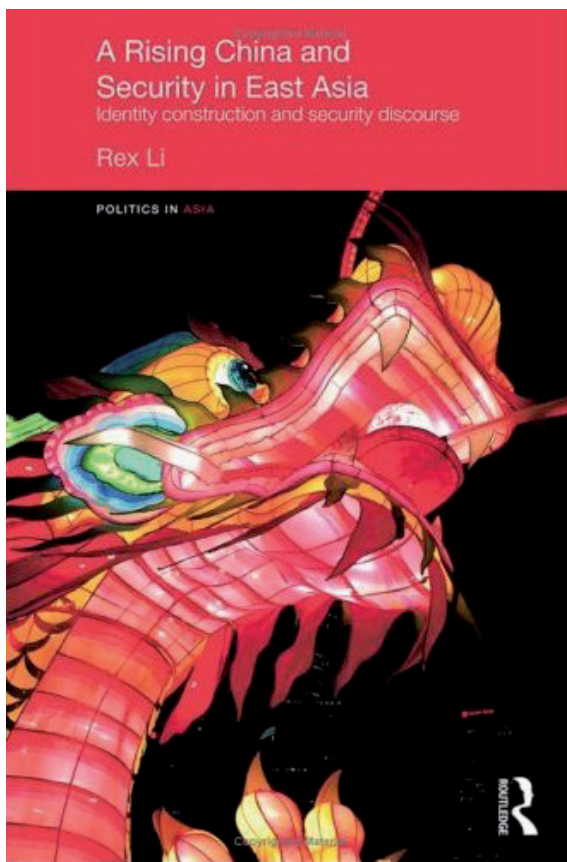
В качестве главного метода исследования Ли анализирует взгляды ученых-международников КНР. Разумеется, эта методика не способна в полной мере заменить прямой доступ к источникам в высших сферах власти, где принимаются внешнеполитические решения. В Китае они по-прежнему остаются закрытыми для исследователей. Однако системное изучение оценок китайских аналитиков, считает Ли, способно пролить свет на ход мыслей руководства КНР (с. 7).

За последние три десятилетия уровень профессионализации и институционализации экспертного сообщества китайских международных значительно вырос, повысилась степень его влияния на формирование внешнеполитического курса КНР. При принятии важных стратегических решений китайские руководители все чаще консультируются с ведущими аналитиками. Кроме того, среди ученой элиты выделяется группа "публичных интеллектуалов", которые активно выступают в СМИ и тем самым воздействуют не только на политиков, но и на массовые настроения. Источниковой базой для Ли стали полтора десятка наиболее авторитетных китайских журналов в области международных отношений, а также личные беседы и материалы мероприятий "второй дорожки" с участием китайских экспертов (с. 7).

Будучи сторонником "аналитического эклектизма", Ли не согласен с утверждениями о том, что поведение Китая на международной арене объясняется преимущественно реалистскими мотивами. Институциональные и ментальные (ideational) факторы не менее важны, чем материальные и силовые. Поэтому автор задействует также парадигмы либерализма, конструктивизма и постмодернизма. С помощью этого теоретического инструментария он последовательно разбирает дискурс, отражающий восприятие китайскими экспертами в 1990-х и 2000-х годах глобальных и региональных (Восточная Азия) стратегий США, Японии и России (с.47-170). В завершение анализируются взгляды ученых КНР на то, каким образом их страна должна реагировать на вызовы со стороны трех других восточноазиатских акторов (с. 171).

Главный вывод Ли состоит в том, что характер восприятия Китаем крупных держав в Восточной Азии тесно связан с его стремлением построить свою великодержавную идентичность. Их мощь, намерения и поведение истолковываются прежде всего в свете того, препятствуют ли они обретению Китаем желанной великодержавности.

Нынешняя международная система характеризуется китайскими учеными как "одна сверхдержава и несколько великих держав". Тем са-

мым подчеркивается, что превосходство Америки в мирополитической структуре не является абсолютным и полным, благодаря чему Китай тоже может играть в ней существенную роль. Китайские специалисты много пишут о преимуществах многополярности, которая, с их точки зрения, отличается от нестабильности европейской исторической многополярности. Один из путей достижения многополярности заключается в установлении "стратегических партнерств" с другими великими державами, такими как Россия и Франция. Такие партнерства способствуют признанию Китая как государства, на равных взаимодействующих с другими великими державами а, значит, способствуют ему в достижении великодержавности (с. 212).

Китайские аналитики считают, что США представляют собой главное внешнее препятствие на пути обретения великодержавности. Они полагают, что Америка жаждет сохранения и упрочения "однополярного момента", который наступил в начале 1990-х годов. Китайцы, делает вывод Рекс Ли, не усмотрели больших отличий между администрациями Билла Клинтона и Джорджа Буша-младшего. И при Клинтоне, и при Буше акцент делался на защите экономических интересов Америки, усилении ее военной мощи и распространении демократии. Для доминирования в Европе используется механизм НАТО, а в АТР – американо-японский альянс и другие двусторонние союзы. Особую озабоченность китайских аналитиков вызвало сопутствовавшее "глобальной войне с терроризмом" расширение зоны стратегических интересов США в Азии, которая теперь стала включать Южную и Центральную Азию. Большое беспокойство китайцам доставляют и планы США по развертыванию систем противоракетной обороны, которые потенциально могут "прикрыть" и Тайвань.

Как отмечает Рекс Ли, китайские аналитики уверены, что Америка создает в Азии "сетку безопасности", которая должна помешать Китаю превратиться в силу, способную бросить вызов интересам США. "Стратегическое окружение" Америкой Китая усилилось после событий 11 сентября. Китайцы приходят к такому выводу, наблюдая укрепление военно-политических связей США не только с традиционными азиатскими союзниками, но и рядом других стран, сопредельных с КНР. Они тревожатся, что такая политика США угрожает ослаблением Китая и подрывом его безопасности.

Немалую подозрительность китайские аналитики питают и в адрес Японии, проявляя озабоченность в связи с ее попытками стать "политической" или даже "военной" державой. Предмет особой тревоги – крепнущие с середины 1990-х годов военно-политические узы между Токио и Вашингтоном и, в первую очередь, вероятность того, что Япония может поддержать американцев в случае военного конфликта в Тайваньском проливе. Япония, как и США, воспринимается китайскими экспертами как значительное препятствие для воссоединения с Тайванем. Между тем без возвращения острова Китаю будет трудно, если вообще возможно, стать великой державой. По словам одного из цитируемых Ли ученых, "Китай без Тайваня не будет Китаем".

Отношения Японии с другими азиатскими странами и ее участие в региональных многосторонних форумах тоже находится под пристальным вниманием и истолковывается как неотъемлемый компонент стратегии японцев по превращению в "политическую державу" и уменьшению влияния Китая в Азии. Одна из главных причин недоверия в адрес Токио, которым пронизаны работы китайских ученых, лежит в сохраняющихся исторических обидах и в отказе Японии должным образом покаяться за предыдущие преступления перед Китаем.

Что касается России, то, в целом, она рассматривается китайскими

аналитиками в положительном свете, как сторонник идеи многополярного мира и как ценный стратегический партнер в достижении Китаем великодержавного статуса. Как отмечает Рекс Ли, китайские ученые с пониманием и сочувствием отнеслись к трудному периоду, который пришлось пережить России после распада СССР, когда Москве пришлось бороться за сохранение в качестве значимой державы. Китайские эксперты, которые писали о России в 1990-х и первой половине 2000-х годов, отмечали, что Москва вряд ли смирится с потерей своих традиционных сфер влияния и статуса великой державы, и рано или поздно попытается перейти в наступление (с. 169). Как показала Мюнхенская речь Путина и последующие события, они были правы в своих прогнозах.

С точки зрения китайских аналитиков, страны АТР, равно как и сам Китай, уже не воспринимают Россию как стратегическую угрозу, отчасти из-за уменьшения ее военного потенциала в Азии, отчасти благодаря конструктивному участию Москвы в решении вопросов азиатской безопасности. Отмечается, что политика России на азиатско-тихоокеанском направлении во многом диктуется экономическими мотивами, желанием подключиться к динамизму АТР.

Эксперты КНР отлично знают о распространенных в ряде российских кругов представлениях о потенциальной опасности со стороны "поднимающегося Китая". Они отмечают, что в силу этих опасений Москва намерена сохранять свое военное превосходство над Китаем, в частности, отказываясь продавать ему наиболее современные системы вооружений. Хотя китайские аналитики говорят о возможности дальнейшего углубления партнерства между двумя странами, они предостерегают, что направленность этого сотрудничества не должна диктоваться меняющимися стратегическими приоритетами Москвы. В случае если Россия столкнется с усилением геополитического давления со стороны США, она может обратиться за поддержкой к Китаю. Однако Пекин не заинтересован в превращении китайско-российского стратегического партнерства в антиамериканскую силу и должен очень взвешенно выстраивать свои отношения со всеми великими державами (с. 162-163).

Некоторые китайские аналитики также подозревают Россию в том, что она может попытаться использовать "американскую" или "японскую карту" для манипулирования Китаем. Кроме того, критику в экспертных кругах КНР вызвало согласие России допустить проникновение США в Центральную Азию, что рассматривается как угроза китайским стратегическим интересам.

Хотя многие китайские эксперты с подозрением относятся к намерениям США и Японии, большинство выступает за поддержание с ними стабильных отношений и избежание конфронтации. Они также против использования силы для решения территориальных споров с соседями Китая. Тем не менее, существует возможность, что, если Китай не сможет реализовать свои национальные цели в рамках сегодняшней, в целом неконфронтационной политики, он избрет гораздо более жесткую линию по отношению к Америке и Японии. Такой прогноз, по мнению Рекса Ли, можно сделать в том числе и на основании того, что эти две страны представлены в дискурсивных конструкциях китайских научных публикаций как угрожающие "Другие" (с. 223).

Рекс Ли приходит к заключению, что идущие внутри КНР дискуссии о концепции "мирного возвышения" страны, не дают убедительного ответа на вопрос о том, является ли эта идея лишь краткосрочным тактическим ходом, рассчитанным усыпить бдительность других государств, либо она все же представляет собой долгосрочную стратегию, которая подразумевает отказ от использования силовых методов достижения великодержавного статуса. Автор книги не решается предсказывать буду-

щую траекторию Китая на международной арене: "Существует слишком большое количество переменных, влияющих на дальнейший ход развития Китая, его внутренней и внешней политики. Даже у самих китайцев нет ответа" (с. 226).

Хотя в самом начале книги Рекс Ли заявил о своей приверженности "аналитическому эклектизму", завершает он ее скорее в духе конструктивизма. Обращаясь к конструктивистской методологии, автор призывает международное сообщество способствовать формированию устойчивой идентичности Китая как "ответственной великой державы". Для этого, по его мнению, необходимо содействовать интернализации многосторонности и других доброкачественных международных норм как неотъемлемой части китайской идентичности. Изменение же идентичности повлечет за собой трансформацию интересов и понизит вероятность агрессивного поведения в будущем (с. 227).

Как представляется, проведенное автором исследование несколько обедняется тем, что он решил ограничиться лишь четырьмя "мейнстримовскими" направлениями западной теории международных отношений. В частности, ни разу даже не упоминается парадигма неомарксизма. А ведь Китай остается социалистической и развивающейся страной и эти атрибуты являются значимой частью его идентичности.

Рекс Ли не раскрывает содержание понятия "великая держава", вероятно, полагая, что оно и так очевидно. На наш взгляд, стоило бы уделить этому концепту гораздо больше внимания, учитывая, что он играет в книге ключевую роль. К какой именно великодержавности стремится Китай? Он хочет приобрести статус великой державы, соответствующий западным представлениям эпохи модерна и классического Вестфальского порядка? Или же желаемая великодержавная идентичность будет включать в себя и традиционные китайские представления о Срединной империи?

В целом же, работа Рекса Ли представляет собой весьма добротное исследование, содержит богатейший и хорошо систематизированный фактический материал. Книга будет полезна многим читателям, прежде всего тем, кто интересуется проблемами Азиатско-Тихоокеанского региона и ролью Китая в мировой политике.

Дацзышен В.Г.

Конференция в Пекине: "Преподавание и исследование страноведения и культуры России"

**The Beijing conference:
"Teaching and research of geography and culture of Russia"**

21-23 мая 2010 г. в Пекине на базе Издательства преподавания и изучения иностранных языков состоялась научная конференция "Преподавание и исследование страноведения и культуры России" ("俄罗斯国情文化课程教学与研究"). Организаторами этой конференции кроме самого издательства выступили Китайское общество преподавания и изучения русского языка и Институт русского языка Пекинского университета иностранных языков. В числе руководителей конференции были: главный редактор издательства Сюэ Бао (薛豹) и профессор Института Русского языка Пекинского университета иностранных языков Дай Гуйцзю (戴桂菊).

На конференции с докладами и сообщениями выступили около 30 человек, представляющих различные университеты и научно-исследовательские центры Китая. Среди докладчиков были как ведущие русисты, специалисты по истории и культуре России, так и молодые исследователи и аспиранты. География участников была также широка, от университетов из приграничных с Россией районов, до центральных и южных провинций КНР. В частности, на конференции выступали директор Института русского языка Хулуьбуирского университета профессор Би Цзиньэ (毕金娥), декан факультета русского языка из Шэньяна Ван Гохун (王国红), известный русист из военного института иностранных языков Лояна Ван Цзунху (王宗琥), директор Института российских и украинских исследований Уханьского университета Лю Цзайци (刘再起). Из Циндао вместе с русистом Чжао Фэнцай (赵凤彩) приехала и единственная из заявленных в программе русских представительниц – доцент Тамбовского государственного технического университета Ираида Топоркова. Вообще, на эту конференцию в Пекин приехали русисты из Тяньцзиня, Нанкина, Шэньяна, Харбина, Чанчуня, Даляня, Урумчи,

Датуна, Ланьчжоу, Цзинани, Сианя, Лояна, Чэнду и многих других городов. Тон на конференции задавали ведущие русисты из университетов и научно-исследовательских институтов Пекина: старший научный сотрудник Института мировой истории Академии общественных наук КНР Вэнь И (闻一), профессор Пекинского университета Сюй Фэнлин (徐凤林) и многие другие. Хорошо был представлен Пекинский педагогический университет, с докладами выступили директор Центра исследований всемирной истории Института истории Чжан Цзяньхуа (张建华), директор Центра изучения русской культуры Чжан Байчунь (张百春), и другие специалисты. Наибольшее же количество участников представил Пекинский университет иностранных языков.

Центральным мероприятием данной конференции было представление четырехтомного мультимедийного комплекса "Россия", составленного двумя ведущими пекинскими русистами – профессорами Института Русского языка Пекинского университета иностранных языков Дай Гуйцзю (戴桂菊) и Ли Иннань (李英男). Комплекс состоит из четырех учебников: "История России", "География России", "Русская культура" и "Современная Россия", к каждому прилагается диск с интерактивной версией курса. Уже первое знакомство с китайскими учебниками позволяет отметить высокий профессионализм их авторов. Представленные в нем русскоязычные тексты не вызывают нареканий ни в части собственно языка, ни в части предметной грамотности. Учебники хорошо проработаны методически. Параграфы завершаются китайско-русскими словариками и тестами. В конце учебника по истории дана "Хронология основных событий русской истории". В приложениях даны также тексты к видеофрагментам.

На пленарном и секционных заседаниях докладчики поднимали самые разные проблемы, связанные с изучением и преподаванием русского языка, истории, культуры. Многие выступающие давали сравнительный анализ русской и китайской культур, рассматривали вопросы соотношения литературы в истории и истории в русской литературе. Заключительное пленарное заседание было посвящено проблемам, связанным с преподаванием страноведения. В частности, обсуждался вопрос о выборе языка для преподавания страноведения другой страны. Дискуссия перешла в обмен мнениями по поводу места страноведения в общем гуманитарном образовании и в системе двусторонних взаимоотношений вообще.

Отдельно хотелось бы отметить, что Пекинский университет иностранных языков издает прекрасный журнал для русистов под русским названием "Русский язык" (китайское название переводится как "Изучение русского языка"). Русскоязычные и китайскоязычные тексты самого разного характера снабжены словарными справочными материалами, что делает этот журнал, как и вышеуказанные учебные пособия, крайне полезными и для наших китаистов.

Таким образом, в современной китайской науке и образовании уделяется самое серьезное внимание страноведению России. В КНР сложилось научное сообщество, способное эффективно решать задачи в этой сфере, которое имеет достаточно подготовленный кадровый состав и хорошую материальную базу. Накопленный китайскими русистами-страноведами опыт, является, безусловно, полезным для российских ученых, и китаистов, и регионоведов. Лишним доказательством тому и является опыт майской 2010 г. конференции "Преподавание и исследование страноведения и культуры России".

Сокращения

ГАКО	– Государственный архив Камчатской области
ГАКХ	– Государственный архив Хабаровского края
ГАПК	– Государственный архив Приморского края
ГАРФ	– Государственный архив Российской Федерации
ОАКС УНКВД	– отдел актов гражданского состояния управления Народного Комиссариата внутренних дел
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов
РГАНИ	– Российский государственный архив новейшей истории
РГАЭ	– Российский государственный архив экономики
РГИА ДВ	– Российский государственный исторический архив Дальнего Востока

Наши авторы

Багрин Егор Андреевич, заведующий отделом фондов (Приморский государственный объединенный музей им. В.К. Арсеньева, *г. Владивосток*).
E-mail: Egor-bagrin@yandex.ru

Власов Сергей Александрович, к.и.н., старший научный сотрудник (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, *г. Владивосток*).

Голобоков Андрей Сергеевич, аспирант кафедры регионоведения (Дальневосточный государственный университет, *г. Владивосток*). **E-mail:** spell440@yandex.ru

Дацышен Владимир Григорьевич, д.и.н., заведующий кафедрой всеобщей истории (Сибирский федеральный университет, *г. Красноярск*). **E-mail:** dazishen@mail.ru

Демьяненко Александр Николаевич, д.г.н., главный научный сотрудник (Институт экономических исследований ДВО РАН, *г. Хабаровск*). **E-mail:** demyanenko@ecrin.ru

Дятлова Любовь Александровна, к.г.н., заместитель директора (АНО "Хабаровская школа управления", *г. Хабаровск*). **E-mail:** demyanenko@ecrin.ru

Золотухин Иван Николаевич, к.полит.н., доцент кафедры международных отношений (Дальневосточный государственный университет, *г. Владивосток*). **E-mail:** zolivnik@mail.ru

Караман Вадим Николаевич, к.и.н., старший научный сотрудник (Приморский государственный объединенный музей им. В.К. Арсеньева, *г. Владивосток*). **E-mail:** karaman@mail.primorye.ru

Киреев Антон Александрович, к.полит.н., доцент кафедры теории и истории политики (Дальневосточный государственный университет, *г. Владивосток*). **E-mail:** antalkir@yandex.ru

Коваленко Светлана Геннадьевна, к.и.н., научный сотрудник (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, *г. Владивосток*).

Ковылина Екатерина Владимировна, ассистент кафедры восточных языков (Дальневосточный государственный университет, *г. Владивосток*).
E-mail: kovylinakaterina@rambler.ru

Ли Елена Львовна, к.э.н., научный сотрудник (Институт экономических исследований ДВО РАН, *г. Хабаровск*). **E-mail:** lee@ecrin.ru

Литошенко Денис Александрович, к.и.н., доцент кафедры культурологии (Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, *г. Владивосток*). **E-mail:** magistr@hist.dvgu.ru

Лукин Артем Леонидович, к.полит.н., доцент кафедры международных отношений (Дальневосточный государственный университет, *г. Владивосток*).
Email: artlukin@mail.ru

Михалёва Ирина Владимировна, старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления (филиал Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, *г. Находка*). **E-mail:** solomonova_irina@mail.ru

Устюгова Ольга Александровна, к.и.н., научный сотрудник (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, *г. Владивосток*). **E-mail:** ustyugova75@mail.ru

Шестак Ольга Игоревна, к.и.н., доцент кафедры менеджмента (Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, *г. Владивосток*).
E-mail: olga.shestak@vvsu.ru

Янчев Дмитрий Викторович, к.и.н., младший научный сотрудник (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, *г. Владивосток*). **E-mail:** yadim68@mail.ru

Уважаемые авторы!

С декабря 2006 года выходит в свет научно-теоретический журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования". Редколлегия журнала приглашает преподавателей вузов, сотрудников академических учреждений Приморского края и дальневосточного региона, а также заинтересованных исследователей опубликовать свои статьи, материалы и методические разработки на страницах нашего издания.

Журнал будет включать в себя следующие тематические рубрики:

- ◆ Теория и методология регионоведческих исследований
- ◆ Регион в ракурсе предметного анализа: структуры и процессы
- ◆ Мировая система и межрегиональные отношения
- ◆ Междисциплинарные и системные исследования региона
- ◆ Эмпирика
- ◆ Аналитика
- ◆ Прагматика
- ◆ Науковедение
- ◆ Регион в документах и свидетельствах
- ◆ Научная жизнь
- ◆ Рецензии и обзоры
- ◆ Программы учебных курсов
- ◆ Методические разработки

Тематика статей, принимаемых к публикации в журнале "Ойкумена. Регионоведческие исследования", соответствует следующим разделам рубрикатора ГРНТИ:

00.00.00	Общественные науки в целом
03.00.00	История. Исторические науки
04.00.00	Социология
11.00.00	Политика. Политические науки
13.00.00	Культура. Культурология
23.00.00	Комплексное изучение отдельных стран и регионов

Требования к объему и оформлению предоставляемых в редакцию материалов

1. Формат файла txt, MS Word, OO Writer.
2. Файл не должен содержать сложных стилей и форматирования, автоматических переносов. В заголовках не применять ПРОПИСНЫЕ символы.
3. Шрифт Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
4. Поля: верхнее и нижнее – 2 см., правое – 1,5 см., левое – 2,5 см.
5. Порядок оформления статьи: УДК, Ф. И. О. автора (авторов), название статьи, аннотация, ключевые слова (не менее 5-ти на русском и английском языках), текст статьи, список литературы.
6. Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками. В скобках сначала указывается порядковый номер цитируемой работы в списке литературы, затем, через запятую, номер страницы приведенной цитаты. Например: [2, с. 5]. Ссылка на неопубликованный архивный документ помещается только в тексте самой статьи в круглых скобках. Например: (ГАПК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4-5).
7. Нумерованный список литературы составляется в алфавитном порядке, по фамилиям первых авторов и названиям работ без учета соавторов и хронологии. В списке сначала указывается литература на русском языке, затем на иностранных. Библиографическое описание должно включать полное наименование книги или статьи, место издания, издательство, год, общее количество страниц (для статьи – страницы, на которых она помещена). Ссылка на Интернет в списке литературы оформляется следующим образом: Название материала, [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ojkum.ru/> [Дата обращения: 01.01.2010 г.]
8. Объем – 0,5 п. л. (20 тыс. зн. с пробелами).
9. Рисунки, карты, графики и т.п. принимаются в наиболее распространенных (cdr, eps, ai, jpeg, bmp, tif) форматах отдельными файлами.
10. Ввиду черно-белой печати журнала цветовая гамма иллюстраций, графиков, карт и т. д. по возможности не должна содержать более трех цветов (черный, белый, серый 50%).
11. Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде без архивации. **E-mail: oikomene@rambler.ru; ojkum@rambler.ru**
12. Текст статьи, сведения об авторе (Ф. И. О., ученая степень, ученое звание, место работы и должность, рабочий (домашний) телефон, e-mail), аннотацию (6 – 8 строк) на русском и английском языках, а также название статьи на английском языке и написание своей фамилии латиницей присылать в одном файле.
13. Присылаемому файлу следует присваивать только имя (фамилию) автора.
14. К публикации в журнале принимаются, как правило, работы, ранее не публиковавшиеся в русскоязычных изданиях.

**Статьи проходят обязательное рецензирование.
Редакция оставляет за собой право отбора публикаций.
Плата за публикацию статей не взимается.
Файлы, подготовленные с нарушением требований,
не рассматриваются.**

Ойкумена. Регионоведческие исследования:
научно-теоретический журнал.

2010 № 3(14)

Изд. лиц. ИД № 05497 от 01. 08. 2001 г.
Подписано к печати 25. 08. 2010 г. Формат 70x108/16
Усл. п. л. 14,88. Уч. -изд. л. 13,25. Тираж 200 экз. Заказ 101
Цена свободная
Отпечатано в типографии ФГУП Издательство
"Дальнаука" ДВО РАН
690041, г. Владивосток, ул. Радио, 7

